

Одесский
Институтъ.

Лит. *Б*
№
е. 75
хр. 720

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

у № 75

~~720~~

ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

РУССКОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

по Россіи,

въ 1845 году.

о. Шишкіной

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1848.

9/24 №. 77

ОДИНАКОВОЕ И ПРИЧЕСКИ

ОДИНАКОВЫЕ И ПРИЧЕСКИ

16
450

Печатать позволяет съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 7 Марта 1848 года.

Цензоръ А. Крыловъ.

9/1
250

Въ Типографии Втораго Отдѣленія Собственнай Е. П. В. Канцеляріи.

+ Г. Р.
720

I.

ОДЕССА. БУЛЕВАРЬ, СОБОРЪ, БИРЖА, МУЗЕУМЪ,
ИНСТИТУТЬ.

Іюня 50.

Много читавъ и слышавъ о великолѣпіи Одессы, я воображала, что и окрестности этого города должны быть чрезвычайно красивы, и приближаясь къ нему со всѣхъ сторонъ искала какой нибудь прелестной дачи, или картиннаго сада; но впереди ничего не было видно за

Ч. II.

1

густою пылью, а кругомъ тянулась прежняя, томительная степь, и намъ встрѣчались только длинные на волахъ обозы и толпы крестьянокъ въ ихъ безобразныхъ плахтахъ, еще болѣе противныхъ послѣ скромной, красивой одежды Булгарокъ.

Наконецъ съ одной стороны показались молодыя, саженые деревья, потомъ и съ другой, и мы въѣхали въ Одессу широкою улицею, обстроеною низкими домами. Одни изъ мягкаго камня, который скоро разъѣдаетъ здѣшній воздухъ, казались остатками древнихъ, обветшалыхъ зданій; въ другихъ, красиво оштукатуренныхъ, кругомъ закрыты были отъ жару ставни, какъ будто никто въ нихъ не живетъ. Все это было совсѣмъ не то, о чёмъ мечтала я, забывая, что и въѣзжая въ Петербургъ нельзя угадать, какъ величественна и прекрасна новая Русская столица, изумившая міръ своимъ появленіемъ на низкихъ, болотистыхъ берегахъ Невы.

Подвигаясь впередъ, скоро увидѣли мы и лучшія строенія, и болѣе живости по улицамъ, и наконецъ, остановившись, съ полнымъ восторгомъ насладились прохладныхъ морскимъ воздухомъ и очаровательною картиною древ-

няго Понта съ балкона Петербургской гостиницы, надъ славнымъ здѣшнимъ булеваромъ изъ бѣлыхъ, душистыхъ акацій, къ сожалѣнію давно отцвѣтшихъ. — Мы долго ъездили по городу; всѣ лучшія гостиницы заняты прѣѣзжими; только въ Петербургской, въ третьемъ ярусѣ, нашлись, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями въ недѣлю, двѣ комнаты съ прихожей. И дорого, и тяжело ходить такъ высоко, но комнаты чистыя и веселыя, и мы особенно обрадовались балкону, на которомъ тотчасъ сѣли, прежде всего спросивъ не чаю, а мороженаго. Тутъ, среди густыхъ аллей, за двѣнадцатилѣтнее общеполезное управлѣніе здѣшнимъ краемъ воздвигнутъ первому здѣшнему грандочальнику, герцогу Ришельё, памятникъ, и при немъ огромная лѣстница изъ триестскаго камня. Объ этой лѣстницѣ нельзя имѣть понятія не спустившись по ней до самаго моря: — тогда только видно, какое это дивное произведеніе ума и рукъ человѣческихъ, и какъ высокъ берегъ, увѣнчанный прекрасными зданіями. Онъ не совсѣмъ еще отдаленъ, и это, напоминая, какъ недавно существуетъ Одесса, увеличиваетъ цѣну всего, что успѣли здѣсь сдѣлать.

Три дня послѣ знаменитаго сраженія при Рымникѣ, утвердившаго славу бессмертнаго Суворова, адмиралъ де Рибасъ, 14 Сентября 1789 года, взялъ, на Черномъ морѣ, Турецкую крѣпостцу Гаджи-бей. На это не было обращено большаго вниманія, и сами Турки не много заботились о такой потерѣ, лишившись Очакова и Измаила. Имъ вовсе не приходило на умъ, что бѣдная крѣпостца могла бы имъ вознаградить потерю двухъ богатыхъ городовъ, и какъ будетъ ея пріобрѣтеніе важно для Россіи, уже владѣвшей Тавridoю.—Еще не прошло шестидесяти лѣтъ, и вмѣсто мало изѣстнаго, Турецкаго укрѣпленія Гаджи-бей, широко раскинулся славный Русскій городъ—Одесса. Для этого нужны были только свѣтлая мысль и твердая воля. Положеніе Одессы и гавань ея были справедливо оцѣнены, и на уединенномъ берегу этомъ возникли торговля и промышленность, отъ которыхъ дикія степи скоро превращаются въ богатыя селенія.

Основателемъ Одессы можно почитать Суворова, по плану котораго заложена была крѣпость во взятомъ Гаджи-бей. Потомъ былъ здѣсь градостроителемъ адмиралъ де Рибасъ и его сотрудникомъ генералъ де Во-

ланъ, которому еще княземъ Потемкинымъ поручена была постройка Николаевскаго адмиралтейства, а послѣ того и разныхъ крѣпостей по Днѣпровской линіѣ.—Въ 1796 году пришло сюда шестьдесятъ иностранныхъ судовъ; въ 1803, число это возрасло до трехъ сотъ сорока восьми, а въ 1839 перешло за тысячу, и товаровъ было отпущенено слишкомъ на тринадцать миллионовъ серебромъ. То и другое послѣ измѣнялось, но по всему видимому можно надѣяться, что съ помошью Божіей долго процвѣтать будутъ Одесса и прилежащія къ ней области, имѣющія здѣсь вѣрный сбыть собственныхъ своихъ произведеній.

==
Іюля 1.

Рано проснувшись пошла я на балконъ, радуясь возможности, въ дорогой праздникъ, насладиться дивнымъ зрѣлищемъ солнечнаго восхода. Около береговъ море было свѣтло какъ хрусталь, но далѣе отъ нихъ, постепенно синѣя, сливалось съ красноватымъ небомъ. Вдругъ блеснула тутъ полоса, и какъ будто откры-

лось небольшое жерло, тотчасъ озолотившее близкое къ нему облачко. Это жерло скруглялось, увеличивалось, на него становилось тяжело смотрѣть.—Оно поднималось выше и выше, лучи его заискрились въ водѣ, но какъ будто за то, что я осмѣлилась, незваная, ждать его появленія, черныя пятна завертѣлись у меня въ глазахъ; мнѣ стало казаться, что они носятся около меня по бумагѣ, на которой старалась я изобразить невыразимое зрѣлище. Я должна была отъ него бѣжать, и воротясь въ комнату, гдѣ скользило по обоямъ солнце, готова была подумать, что изображенная на нихъ Психея живая, прощается съ матерью, чтобы слѣдовать за отцемъ, ведущимъ ее къ неизвѣстному супругу.

Пѣтухи громко провозгласили на дворѣ наступленіе дня; по лѣстницамъ тотчасъ заходили люди, и къ приморскимъ купальнямъ стали подѣзжать экипажи.—Я уже не ложилась спать, и отъ этого, или отъ перемѣнного воздуха, или такъ, безъ особенной причины, не могла дослушать обѣдню въ соборѣ, и только могу сказать обѣ немъ, что онъ очень обширенъ. Съ самаго выѣзда изъ Петербурга не чувствовавъ такого разслабленія, я съ ужасомъ подума-

ла, что напрасно лѣстилась, отправляясь въ дальний путь, избавиться томительной болѣзни, и, признаюсь, это тѣмъ болѣе огорчило меня, что случилось въ день моего рожденія.—Но, воротясь въ гостиницу, я скоро почувствовала облегченіе на балконѣ отъ легкаго морскаго вѣтерка, и мы день провели у Деденевыхъ. Родная сестра Алексѣя Егоровича Деденева была за моимъ умершимъ родственникомъ, Павломъ Аполлосовичемъ Наумовымъ, котораго всѣ его знатные уважали за рѣдкую правоту и глубокую преданность престолу и отечеству. Занимавъ важныя должности, онъ могъ нажить сотни тысяч, но оставилъ шестерымъ своимъ дѣтямъ только маленькое родовое имѣніе и безукоризненное имя. Въ награду за его заслуги, обѣ его дочери воспитывались одна въ Смольномъ, другая въ Екатерининскомъ институтѣ, пансіонерками покойнаго ИМПЕРАТОРА, и онѣ дорого цѣня эту милость заслуживають ее тѣсною между собою дружбою и кроткими добродѣтелями.

Съ Алексѣемъ Егоровичемъ живетъ старшая дочь его, украсившая всѣ комнаты собственныхъ трудовъ масляными картинами. Она познакомила меня съ молодою, благород-

ною Черногоркою, Анною Сировицъ, осиротѣвшою въ Одесѣ. Мнѣ это доставило истинное удовольствіе. Въ ней ничего нѣтъ вытврежнаго изъ Французскихъ романовъ, или у наставницъ, пренебрегающихъ ея отечествомъ. Она говоритъ только то, что ей внушаютъ умъ и сердце, и пылкій взоръ ея доказываетъ ея горячія чувства.

==

Іюля 2.

Въ Одесѣ три гавани. Приходящія за хлѣбомъ изъ Средиземного моря чрезъ Константинопольскій проливъ, иностранныя суда стоятъ особо въ карантинной гавани, и съ ними обходятся съ величайшей осторожностью; всякий разъ, когда имъ отвозятъ пшеницу, и лодки, и людей на это употребляемыхъ окузываютъ и обмываютъ, послѣ чего выставляютъ на лодкѣ букву О, то есть очищена, безъ чего ни одна не бываетъ допущена къ берегу. Въ 1842 году сдѣлана здѣсь насыпь, и теперь можно въ сутки нагрузить до тридцати тысячъ четвертей пшеницы, въ четверо болѣе прежняго, и прибывшія суда уже не ждутъ, какъ было, нѣсколько недѣль. Тутъ близко и паровая

машина, которая при мелководіи выгребаетъ землю, углубляя морское дно. — Въ другой гавани, на противѣ, стоятъ Русскія суда изъ Николаева, Таганрога и другихъ мѣстъ. Все это объяснялъ мнѣ Одесскій губернаторъ Д. Д. Ахлестышевъ, которому, какъ и его любезной супругѣ, мы много обязаны. Хорошо познакомившись съ нами, они доставили намъ всѣ средства узнать Одессу и пріятно провести въ ней время.

Биржа Одесская прекрасное зданіе, но тяжело Русскому сердцу, что нѣтъ ни одного Русскаго имени между выставленными на листѣ именами торгующихъ здѣсь богатыхъ купцовъ. — Отъ чего происходитъ это? Когда оно перемѣнится? — Много можно сказать объ этомъ; есть чѣмъ тутъ заняться людямъ государственнымъ. — Я поспѣшила въ залу. Она обширна и красива; на правой сторонѣ, въ углубленіи, портретъ Государя Императора и два выхода на круглую галерею, съ маленькимъ садомъ, обнесенную столбами и чугунною решеткою; на лѣво, изъ залы, дверь на огромную террасу, откуда прелестный видъ на море и ходъ прямо на булеваръ.

Вмѣстѣ съ биржею музей, въ которомъ,

между разными вещами изъ Египта, двѣ муміи въ простыхъ большихъ ящикахъ, сверху испещренныхъ разными изображеніями, у третьей ящикъ прекрасно отдѣланъ на подобіе огромной куклы, которую можно держать стоя. Мнѣ было достаточно получить объ этомъ понятіе, и я даже не спросила, можно ли видѣть хранящіяся тутъ набальзамированныя тѣла. — Пирамидки, вершка въ два, замѣчательны тѣмъ, что сдѣланы изъ того же камня, какъ и славныя Египетскія пирамиды. Онъ похожъ на красноватый мѣль, и самъ по себѣ очень крѣпокъ, но Одесскій воздухъ такъ для него сыръ, что онъ отъ него разсыпается.—Употребляемыя жителями сѣвернаго Египта копья и стрѣлы, съ желѣзными наконечниками, которые иногда ма- жутъ ядомъ, отличаются легкостью; нетяжель и выпуклый щитъ изъ крокодиловой кожи; онъ очень толстъ и такъ твердъ, что можетъ защищить почти нехуже желѣза. Такоже употребляется и змѣиная кожа: мы видѣли изъ нея ожерелье и обтянутый ею чубукъ изъ Нильскаго тростника. Первое недурно, но только дикия женщины захотятъ щеголять такимъ ожерельемъ.

Я не останавливалась проща мимо множества древнихъ статуй, любопытныхъ для ученыхъ, но мнѣ показавшихся очень безобразными, но любовалась нѣсколько минутъ глиняной головкой, присланной изъ Керчи, дивясь, какъ уцѣлѣло въ землѣ это маленькое личико со всвою его прелестью.—Не разматривая также, по совершенному моему въ этомъ невѣжеству, Генуэзкихъ и Татарскихъ монетъ, я съ любопытствомъ перебрала рисунки Киевскаго мѣщанина Василія Барского, который, учившись въ Киевобратьскомъ монастырѣ, гдѣ онъ и погребенъ, отправился въ 1723 году поклониться гробу Христа Спасителя, и цѣльные двадцать четыре года странствовалъ по святымъ мѣстамъ въ Палестинѣ и Греціи. Онъ побывалъ и въ Египтѣ, и, описавъ путешествіе свое, приложилъ къ нему, имъ съмимъ снятые, слишкомъ сто видовъ. Къ сожалѣнію изъ нихъ уцѣлѣло только пятьдесятъ, которыми Архіепископъ Херсонскій Гавріилъ подарилъ Одесское общество исторіи и древностей. Они, кажется, писаны перомъ; рисунокъ въ родѣ Китайскихъ, но отдѣлка очень старательная, и можно имѣть вѣрное понятіе о каждомъ мѣстѣ.

Путешествие Василія Барскаго напечатано было иждивенiemъ князя Потемкина. Послѣдній, съ первой юности сбираўшійся поступить въ монашество, бытъ искренно набоженъ, но иногда рѣшался на дѣла не слишкомъ согласныя съ учениемъ Евангельскимъ, и, какъ нерѣдко бываетъ, вовсе не заботился о пользѣ частной, стремясь къ цѣли, казавшейся ему полезною.— Чтобы скорѣе заселить Новороссийскій край, князь Потемкинъ предписалъ генералу Каховскому платить Евреямъ за каждую дѣвушку, ими доставленную, по пяти рублей. Можно представить, какъ воспользовались этимъ жадные сплеменники Іуды Искаріотскаго, сколько тутъ было обмановъ и насилия!—Приказъ объ этомъ, 1785 года, кажется, мало известный, хранится здѣсь, въ той комнатѣ, гдѣ портреты Рибаса, основателя Одессы, Тучкова, поселившаго въ Измаилъ запорожскихъ казаковъ, Шевченка и Хорвата, начальниковъ переселившихся въ Россію Сербовъ, Палласа и Сестренцевича, писавшихъ о Тавридѣ.

Мнѣ было лестно получить отъ господина Мурзакевича, директора Одесскаго музеума, вышедшій въ прошломъ году первый томъ любопытныхъ записокъ Одесскаго общества

называетъ мечтателемъ, и котораго смѣло можно, по собственному ея изображенію, назвать помѣшаннымъ. Въ карантинѣ только нѣть пещерь, но есть рѣшетки, за которыми содержатся мужчины и женщины, есть желѣзные запоры, закладенные ворота, и много такого, что можетъ взволновать пылкое воображеніе.

Чума была здѣсь въ 1829 году, и потомъ въ 1837. Одно это слово, какъ страшное привидѣніе, должно смутить всѣ умы, поразить всѣ чувства! Теперь служба въ карантинѣ не труднѣе другой службы, но когда черное знамя возвѣщаетъ, что въ страшномъ чумномъ кварталѣ есть жители, малѣйшая оплошность, неумѣстное состраданіе, могутъ погубить тысячи людей.

Пріѣзжие изъ Константинополя должны пробыть въ карантинѣ четырнадцать дней. Каждый можетъ имѣть особую комнату за тридцать копѣекъ серебромъ въ сутки, а кушанье, какъ и въ Петербургской гостинницѣ, по пятидесяти копѣекъ ассигнаціями блудо. Комнаты эти отдѣлены отъ улицы коридоромъ, по обѣимъ сторонамъ котораго окна съ рѣшетками. Живущіе тамъ занимаются чѣмъ хотятъ, сходятся между собою, и съ проходящими ми-

мо могутъ свободно разговаривать, только послѣднимъ запрещено касаться стѣнъ, остерегаясь внезапнаго открытия чумы.—Узнавъ нась, возвращавшійся изъ Константинополя отставный генералъ-маіоръ Нелидовъ сталъ разспрашивать о горячо любимой имъ женѣ и о тещѣ, вдовѣ известнаго адмирала Анастасіи Васильевнѣ Сарычевой, которую я сама и всѣ ее знающіе искренно почитаютъ (а), и я, отвѣчая на его вопросы, чуть не оперлась на стѣну.—Бдительный губернаторъ тотчасъ напомнилъ мнѣ, что я бы нарушила этимъ законъ, и сама бы подверглась карантину.

Мы входили въ комнаты, которыя занималъ лордъ Дургамъ по пріѣздѣ въ Россію, гдѣ онъ былъ Великобританскимъ посломъ. Въ нихъ только темнѣе обыкновеннаго, по причинѣ двойныхъ стѣнъ и рѣшетокъ, но можно спокойно прожить двѣ недѣли, назначенные для совершенного удостовѣренія въ добромъ здоровье.—Передъ нами и за нами шли съ оулавами гвардіонами (сторожа). Всѣ здѣсь служащіе носятъ красные рукава, чтобы издалека было видно, что они принадлежатъ къ карантину, и

(а) Онѣ обѣ скончались въ тотъ же годъ; нѣжная мать не пережила потери милой дочери.

не должно до нихъ дотрогиваться; на офицерахъ красные шарфы и красная перевязь на лѣвой руцѣ; часовые стоятъ съ заряженными ружьями, готовые выстрѣлить въ дерзкаго, который вздумалъ бы уйтти отъ надзора.—Всѣ эти предосторожности глубоко меня трогали: это какъ родительская забота о дѣтяхъ, которыя вздумали бы играть огнемъ.

Мы прошли въ чумный кварталъ обширнымъ, обнесеннымъ стѣнами, дворомъ, въ которомъ каждый годъ по два раза усыпаютъ дорожки свѣжимъ морскимъ пескомъ, сметая старый. Въ немъ нѣтъ ни одного дерева, ниже кусточка, чтобы между ними не завалилось чтонибудь зараженное.—Въ чумномъ кварталѣ, вместо двухъ, четыре рѣшетки отдѣляютъ посѣтителей отъ больныхъ. Даже комната, въ которой осматриваютъ послѣднихъ раздѣлена рѣшеткою; съ одной стороны входитъ въ нее большой, съ другой докторъ. Снятое съ больнаго платье, по одному сомнѣнію, еще вѣрно не зная что онъ зачумленъ, окуриваютъ цѣльые сутки составомъ изъ селитреной кислоты, поваренной соли и марганца и потомъ еще сутки провѣтриваютъ. Ворота, въ которыя привозятъ изъ города, или съ кораблей больныхъ, теперь закладены. II.

ны; близъ нихъ огромный ларь съ крышею для воды, которую въ несчастное время проводятъ изъ-за стѣны трубами, и тутъ же на дворѣ огромная жаровня, на которой жгутъ соръ, выметаемый изъ комнатъ.—Священникъ, коммисаръ, и прочие чиновники живутъ отдельно на дворикѣ, который также, изъ предосторожности, весь вымощенъ камнемъ.—Одесскій карантинъ, по мнѣнію многихъ, лучше иностранныхъ. Отличное заведеніе! Какъ хорошо все здѣсь придумано! Какъ по видимому всѣ усердно и ревностно исполняютъ свои обязанности! Можно надѣяться, что съ помощью Божией долго будетъ пустъ чумный кварталъ! Я отъ всей души молила Бога наградить этимъ неусыпныя старанія, отвратить страшное бѣдствіе, одна мысль о которомъ заставляетъ содрогаться!

Мнѣ стало легче дышать, когда мы вышли въ товарный кварталъ, гдѣ съ одной стороны магазины, въ которыхъ провѣтриваются, или окуриваются товары, смотря по свойству ихъ, а съ другой, на открытомъ воздухѣ, лежитъ хлопчатая бумага въ шерстяныхъ, полосатыхъ мѣшкахъ. Эту бумагу расщипываютъ особые люди, и если въ продолженіе сорока двухъ дней никто изъ нихъ не заболитъ, ихъ смѣняютъ, а бумага

идетъ въ продажу. Кварталъ этотъ простирается слишкомъ на сто сажень и также обведенъ стѣною; изъ него выходятъ въ гавань, въ которой стоятъ иностранные корабли. Тутъ маркитантская лавка, большое казенное строеніе, гдѣ нанимающій его купецъ, за умѣренную цѣну, снабжаетъ всѣмъ нужнымъ и находящихся въ карантинѣ, и пристающихъ у него шкиперовъ и матросовъ.—Далѣе въ два ряда валъ, изъ земли разныхъ близкихъ и далечихъ странъ, которую возятъ сюда вместо балласта. Онъ служить гуляньемъ ближнимъ жителямъ, ограждаетъ отъ морскихъ разливовъ, и въ случаѣ войны можно ставить на немъ батареи. Еще подалѣе невысокая каменная стѣна идетъ рядомъ съ валомъ, а потомъ другая стѣна окружаетъ маякъ, и около нея лежатъ пушки и ядра, готовыя отразить внезапное нападеніе.

Приходящія суда, для безопасности, хранятъ порохъ свой въ башнѣ при карантинѣ, котораго зданія возвышаются одно надъ другимъ. Прелестная, чудная картина!—Вечерній туманъ увеличивалъ при настѣ красу ея; сквозь него, городъ, осеребренный полнымъ мѣсяцемъ, казался небеснымъ явленіемъ надъ широкимъ, издревле знаменитымъ моремъ, берегъ которого

окаймленъ быль судами, отвсюду идущими, не за блестящими нарядами, которыми снабжаетъ Франція, не за плодами и лакомствами, которые привозятъ изъ другихъ земель, но за хлѣбомъ, безъ котораго невозможно жить ни въ бѣдныхъ хижинахъ, ни въ роскошныхъ палатахъ, за хлѣбомъ, котораго урожай несравненно драгоценнѣе урожая винограда, или кофею, котораго избытокъ всего вѣрнѣе можетъ обеспечить силу и спокойствіе государства.

II.

АРХИЕРЕЙСКІЙ ДОМЪ, МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ,
ДОМЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА, ЦИТЕРНЫ, ГОСТИНЫЙ
ДВОРЪ, ТЕАТРЪ, ХУТОРЪ РЕНО.

Іюля 5.

Мы имѣли честь познакомиться со здѣшнимъ архиепископомъ Гавріломъ, искусственнымъ строителемъ и хозяиномъ. Маленькая домовая церковь его можетъ служить образцомъ. Иконостасъ обложенъ мѣдными, посеребренными листами съ золочеными украшеніями, и вмѣсто

обыкновенныхъ колоннъ матовыя, серебряныя пальмы, обвитыя вызолоченными гирляндами, соединяющими густыя пальмовыя вершины. Стѣны обиты краснымъ сукномъ, въ ростъ человѣческій, что очень нарядно и спокойно для богомольцевъ, которые могутъ тутъ прилоняться, не опасаясь испортить стѣну, или отъ нее простудиться. Въ верху легкая живопись дикаго цвѣта, изображаетъ Преображеніе Господне, и разныя притчи Евангельскія. — Жаль, что не удалось въ этой церкви отслушать обѣдню!

Огромныя, бѣлыя акаціи защищаютъ архіерейскій домъ отъ морскихъ вѣтровъ, которые бываютъ здѣсь чрезвычайно сильны, и отъ нихъ поднимается густая, тонкая пыль, очень вредная зрѣнію. По счастію, при насъ погода была тихая и почти не было пыли, однако и отъ малаго ея количества, или отъ яркости солнца мнѣ было тяжело глазамъ, а у Настасіи Петровны они долго послѣ болѣли. — Деревянная лѣстница въ архіерейскомъ домѣ, сдѣланная при нынѣшнемъ архіепископѣ, замѣчательной красоты. Особенно пріятно видѣть въ здѣшнемъ городѣ, гдѣ такъ много иностранцевъ, отличный порядокъ и вкусъ въ жилищѣ право-

славнаго архіерея. — Обширный садъ также свидѣтельствуетъ испечительность и дѣятельность Владыки, и изъ него можно съ полнымъ удовольствіемъ любоваться прелестными видами. Съ правой стороны практической гавани, рисуются, на выдавшемся въ море, усаженномъ деревьями высокомъ берегу домъ и бесѣдка князя Воронцова, съ лѣвой домъ и садъ Л. А. Нарышкина. Цѣлый бы день пробылъ здѣсь. — Но запахъ съ лимана очень противенъ, и если правда, какъ увѣряютъ, что онъ здоровъ, не скоро можно къ нему привыкнуть.

Владыко замѣтилъ мнѣ, что берегъ у него въ саду, какъ и вообще въ Одессѣ, наполненъ раковинами, что многихъ заставляетъ думать, что онъ былъ нѣкогда подъ водою, и что море мало по малу отступило и опало.— Я обѣ этомъ читала, но на мѣстѣ кажется невѣроятно, чтобы когда нибудь море достигало такъ высоко, особенно не хочется вѣрить потому, что утверждающіе это, иностранные путешественники, прибавляютъ, что основаніе Одессы очень непрочно. Но въ Парижѣ дворецъ Луксембургскій и весь многолюдный кварталъ святаго Якова, стоять надъ древними каменоломнями

(catacombes) и не проваливаются: можно надѣяться, что плотно лежащія раковины менѣе опасны, нежели подземныя галереи, убранныя костями человѣческими.

Въ Одессѣ только по одной церкви Римской, Лютеранской и Армянской, а православныхъ, кромѣ двухъ вновь строющихся, двѣнадцать. Это доказываетъ, что и здѣсь, на предѣлахъ Россіи, не ослабѣваетъ Русская набожность. Въ 1833 году, усердіемъ здѣшнихъ гражданъ, выстроена, по плану архитектора Торичелли, прекрасная, обширная церковь во имя Архангела Михаила съ придѣлами Феодоровской Божіей Матери и святаго пророка Иліи. При этой церкви, стараніемъ архіепископа Гавріила, тайного совѣтника Стурдзы и покойной сестры его графини Едингъ, съ помощью доброхотныхъ дателей, въ 1844 году открытъ дѣвичій монастырь, и при немъ училище для бѣдныхъ сиротъ.

Въ главномъ алтарѣ, вмѣсто окна, большой крестъ матового стекла съ написаннымъ по немъ во весь ростъ Распятіемъ. Чтобы лучше увидѣть Божественное изображеніе, предложили мнѣ взойти на хоры, гдѣ во время службы поютъ монастырки, и я потомъ еще выше под-

нялась, къ самому куполу, гдѣ между стѣною и колоннами свободный ходъ, и въ большія окна видны море и городъ.—Картина очаровательная! И сколько думъ рождаетъ она! Здѣсь, во святомъ храмѣ, глубокое молчаніе прерывается только молитвами и пѣніемъ во славу Божію; здѣсь просить только у Создателя преданности Его волѣ, любви и надежды, съ которыми не нужны богатство и не страшна смерть. Тамъ, на землѣ и на морѣ, житейскія заботы волнуютъ сердца; тамъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ, среди роскоши и веселья, пылкія страсти отравляютъ жизнь тѣхъ, которые прилепляются не къ Богу, единому вѣрному утѣшителю нашему и помощнику, а къ тлѣнному миру, въ которомъ и любовь и дружба, и счастіе и слава всеминутно измѣняются.

Игуменья и монахини очень привѣтливы; одна изъ послѣднихъ, дочь Киевскаго схимника, благословила меня прекрасно написаннымъ образомъ Архангела Михаила, который я навсегда хранить буду, въ память пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною во вновь учрежденной, но уже цвѣтущей Михайловской обители.—Она обнесена обширною каменною оградою съ четырьмя

башнями, при ней большой садъ, и всѣ въ ней живущія покойно помѣщаются.

Въ училище принимаютъ сиротъ, преимущественно духовнаго званія, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ, и онъ въ немъ остаются до семнадцати. Въ продолженіе всего этого времени ихъ не отпускаютъ ни къ кому для свиданія, чтобы ничего не развлекало ихъ занятій, и онъ не услышали сужденій, противныхъ Христіанскимъ правиламъ, имъ преподаваемымъ. Наставница ихъ, дѣвица Боголюбова, прежде бывшая классною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ, была въ Іерусалимѣ, для поклоненія Святому Гробу Спасителя, и видя ея глубокую набожность можно надѣяться, что она будетъ ревностно содѣйствовать утвержденію въ юныхъ сердцахъ благоговѣнія къ вѣрѣ православной, источнику скромныхъ добродѣтелей и душевныхъ радостей.—Сверхъ всякихъ женскихъ рукодѣлій, воспитанницѣ учатъ законы Божію, церковному пѣнію, читать и писать по Русски, начальной ариѳметикѣ, краткой исторіи и географіи, и иѣкоторыхъ, имѣющихъ къ тому особенную склонность, рисовать.—Онъ при насть обѣдали: пища

простая но вкусно приготовленная, ложки серебряныя, посуда прекрасная. Вообще все на нихъ и около нихъ очень хорошо. Для многихъ время, проведенное ими здѣсь, будетъ счастливѣйшимъ временемъ жизни ихъ. Даже можно опасаться, чтобы онъ въ послѣдствіи, не имѣя возможности пользоваться тѣмъ, къ чemu теперь привыкаютъ, не стали роптать на свой жребій, и, какъ мнѣ случалось видѣть, не рѣшились во что бы ни стало пріобрѣсти прежнее довольство. Я откровенно сказала объ этомъ свои мысли. Мнѣ отвѣчали, что воспитанницы пріучаются ко всѣмъ грубымъ работамъ, и, выростая, сами моютъ полы и платье. Особенно хорошо, что съ пятнадцати лѣтъ начинаютъ онъ, по очереди, служить больнымъ монахинямъ и своимъ подругамъ.

—
Іюля 4.

Домъ князя Воронцова на прелестномъ мѣстѣ, и самъ служитъ украшеніемъ городу. Въ немъ много достойнаго вниманія, но мы пріѣхали подъ вечеръ и только успѣли, почти не

останавливаясь, обойдти комнаты. Особенно должно быть приятно отдохнуть въ Китайскомъ кабинетѣ съ богатѣйшими Китайскими вазами, когда онъ убранъ цветами, въ чемъ здѣсь вѣрно не бываетъ недостатка; тутъ близко комнатный садъ, освѣщенный съ трехъ сторонъ и сверху, съ солнечными на полу часами.—Изъ картинъ, такъ сказать по догадкѣ, мнѣ особенно хороша показалось посѣщеніе Елизаветы Пресвятою Дѣвою.—Междуди портретами нашихъ Государей, портретъ Екатерины II замѣчательнъ тѣмъ, что былъ Ею пожалованъ запорожскому войску. По уничтоженіи Сѣчи не знали, куда онъ дѣвался; его отыскалъ архиепископъ Гаврілъ въ бытность его въ Екатеринославль, и подарилъ князю Воронцову.—Большая, вызолоченая, серебряная ваза, поднесена князю, при возвращеніи его въ Россію съ отдѣльнымъ корпусомъ изъ Франціи, гдѣ онъ оставался четыре года для утвержденія мира и внутренней типисны, въ память признательности и преданности его подчиненныхъ, что написано на темномъ бронзовомъ пьедесталѣ съ позолоченными украшеніями. Лестны такія приношенія! Пріятно передавать ихъ потомству!

Только издали, при Дворѣ, видѣвъ князя

Воронцова, уважаю его за все, что сдѣлано имъ полезнаго въ Одессѣ, но особенно за то, что онъ, по волѣ Государя Императора, отрекшись жизни исполненной наслажденій, въ преклонныхъ лѣтахъ, отправился на Кавказъ, гдѣ ждали его вседневные труды и опасности. Вотъ истинная Русская преданность Царю и отечеству, за что всѣ Русскіе, у которыхъ въ груди бьется сердце, обязаны молить Бога, чтобы Онъ благословилъ старанія князя упрочить Россіи спокойное обладаніе Кавказомъ.

Въ Одессѣ въ первый разъ видѣла я цитерны въ дѣвичьемъ монастырѣ и въ домѣ призрѣнія нищихъ. Послѣдній основанъ въ 1832 году на сто человѣкъ. Помѣщеніе и содержаніе равно хороши въ немъ; за два года разведенъ садъ, и теперь строятъ цитерну. Слово это всѣмъ известно, но мы, сѣверные жители, изобилуя водою, только слыхали о цитернахъ, и я съ большимъ любопытствомъ смотрѣла эти чудные колодези, гдѣ хранится вода, не изъ земли, а съ неба. Въ домѣ призрѣнія нищихъ особеннаго рода цитерна; въ нее проведена труба съ кровли, и во время дождя будутъ наблюдать, чтобы первая вода, обмывъ кровлю, стекала въ особый каналъ, а только чистая прямо въ

цитерну, которую можно уподобить огромному, остроконечному кувшину съ узкимъ горломъ.

==

Іюля 5.

Пробывъ только недѣлю въ Одессѣ, мы не успѣли побывать ни въ Успенскомъ мужескомъ монастырѣ, за нѣсколько вѣрстъ отъ города, ни въ ботаническомъ саду, который гораздо ближе. Мы не были и въ славномъ здѣшнемъ магазинѣ мадамъ Томазини; только знаемъ, что она работаетъ съ большими вкусомъ; за то, какъ и славныя модистки Петербургскія, беретъ непомѣрно дорого, особенно съ прѣжнихъ. Намъ за умѣренную цѣну сшили по два платья Евреи, искусствые портные и закройщики: всюду взяли бы аршинъ по пяти лишнихъ.

Кромѣ гостинаго двора на театральной площасти, здѣсь много разныхъ магазиновъ, гдѣ всякие товары, по большой части гораздо дешевле Петербургскаго, но не все то найдешь, что есть въ Петербургѣ. — На театральной площасти, между лавками, есть и гостиницы и кондитерскія. Въ лучшей изъ послѣднихъ, у Каруты, покупали мы сыропъ вдвое доро-

же, но не такъ хороши, какъ Кіевскій. — Въ двухъ модныхъ магазинахъ, въ гостиномъ дворѣ, у Француженокъ, или по крайней мѣрѣ у иностранокъ, называющихся Француженками, чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у Русскихъ купцовъ въ Петербургскомъ гостиномъ дворѣ, съ которымъ здѣшній только одно имѣеть сходство, что также построенъ четвероугольникомъ. Внутри его, откуда входъ въ лавки, посажены бѣлыя акаціи и другія деревья, и со временемъ будетъ здѣсь прекрасный садъ. Теперь болѣе гуляютъ вокругъ лавокъ, по асфальтовой мостовой; она очень гладка, и по ней легче ходить, нежели по камню. Здѣсь два раза въ недѣлю играетъ музыка, и тогда особенно много гуляющихъ: подъ деревьями разставляютъ стулья и столы, за которыми пьютъ чай, їдятъ мороженое и конфекты, что все подъ рукою. Лавки кругомъ освѣщены и подъ ногами свѣтится огонь изъ отверстій съ жѣлѣзными решетками, въ которыхъ видно, что тамъ живутъ.

Я встрѣтила здѣсь многихъ Петербургскихъ знакомыхъ, прѣхавшихъ изъ любопытства, или для поправленія здоровья морскими ванна-

ми, между прочими Филиппа Филипповича Вигеля, которого почитаютъ сочинителемъ письма довольно рѣзкаго, но исполненнаго ума и любви къ Россіи, за годъ ходившаго по рукамъ въ Москвѣ, будто бы писаннаго одною графинею, что впрочемъ должно быть ей, какъ и всякому, очень лестно.—Здѣсь множество иностранцевъ; прѣзжие отличаются своими бѣлыми и сѣрыми безобразными блузами, и когда, на нѣсколько минутъ, умолкаетъ музыка, со всѣхъ сторонъ слышны различные языки, восточные и западные. Иногда казалось мнѣ, что я въ чужой землѣ, одна между чужими, но Русское слово, Русскій мундиръ напоминали мнѣ, что я въ Россіи, и я тѣмъ болѣе наслаждалась гуляя и отдыхая съ избраннымъ обществомъ, подъ прекраснымъ южнымъ небомъ, въ прохладѣ вечерней.—Русскаго легко узнаешь между иностранцами и безъ мундира, по чертамъ лица, особенно по его выражению. Настоящій Русскій человѣкъ, преданный вѣрѣ отцевъ своихъ и своимъ законамъ, созданіе высокое. Справедливо и прекрасно изобразилъ его Державинъ, описывая, въ одѣ своей на взятие Измайлова, бѣдственное состояніе Россіи до восшествія на престолъ Михаила Романова.

«Но Богъ, но духъ его великий
«Сотрясь съ него бѣды толики:
«Расторгнулъ левъ желѣзну верву!»

• • • • •
«Пошелъ:—и кто возмогъ противъ?—
«Отъ шлема молни скользили,
«И океаны уступили,
«Стопамъ его пути открывъ.

• • • • •
«О Россъ! о родъ великодушный!
«О твердокаменная грудь!
«О исполинъ, Царю послушный
«Когда и гдѣ ты досягнуть
«Не могъ тебя достойной славы?
«Твои труды—тебѣ забавы;

• • • • •
«Вездѣ ты страхъ твоихъ враговъ!

Народъ Русскій точно можно уподобить льву, спокойно отдыхающему, мимо котораго всѣ свободно ходятъ; только должно остерегаться толкнуть его ногою, тогда онъ вскочитъ раздраженный, и горѣ тому, ктоего оскорбилъ, кто не понялъ его!—Это испытала Польша, испытали Швеція и Турція, и самъ могущественный, побѣдоносный Наполеонъ!

Намъ такъ хорошо было на гуляньѣ, что не хотѣлось и въ Итальянскую оперу. Мы отправились туда съ любезною Пелагеей Павловной Ахлестышевой, въ ея ложу, когда уже началось второе дѣйствіе оперы Сафо. Небольшой театръ красивъ и хорошо освѣщенъ. Зрители казались очень довольны пѣніемъ, но я, избалованная Петербургскою опорою, вспоминая Рубини, Виардо и Тамбурини, которыхъ въ продолженіе двухъ зимъ съ восторгомъ часто слушала, нетерпѣливо ждала, чтобы отчаянная Сафо скорѣе утопилась.

==

Іюля 6.

Узнавъ, что мнѣ очень хочется видѣть хуторъ Рено, Дмитрій Дмитріевичъ Ахлестышевъ, всегда готовый сдѣлать удовольствіе, самъ нась проводилъ туда. Съ нами отправились и Деденевы, и я вѣкъ не забуду этой прогулки по морскому берегу, гдѣ нѣкогда величайшая въ мірѣ Царица изволила помышляться въ тѣсномъ домикѣ, ожидая изъ Варны Августѣйшаго Супруга Своего, побѣдившаго Турковъ. На стѣнѣ дома и въ одной комнатѣ надписи о

пребываніи здѣсь Государыни Императрицы съ 14 Іюня по 10 Августа 1828 года. Безъ этихъ надписей никто бы не повѣрилъ, что такая Высокая Особа удостоила Своимъ присутствіемъ эти маленькия, низкія комнаты. Многому можно научиться здѣсь, запасаясь сладкими воспоминаніями.

Хозяйка за границею, и въ опустѣломъ хуторѣ ея все обветшало, дорожки заглохли, бесѣдки и мостики разваливаются; только одно мѣстоположеніе осталось живописно. — Чудное дѣйствіе производитъ на меня море! Оно какъ магнитъ тянетъ меня къ себѣ, гдѣ бы я его не увидѣла, въ Петербургѣ, или здѣсь. Но море Балтійское, съ его сѣрымъ небомъ, съ его низкими, прямыми берегами, заставляетъ уныло мечтать о вѣчности, а смотря на Черное море радостно бьется сердце, вспоминая, что за предѣлами гроба ждутъ насъ вѣчная юность, вѣчное здоровье, вѣчное соединеніе съ нашими близкими.—Не смѣешь этого надѣяться за свои дѣла и чувства, но видя, какъ сливается море съ небомъ, какъ будто они нераздѣльны, съ благовѣйнымъ трепетомъ воображаешь Того, Кто, среди устрашенныхъ бурею учениковъ своихъ, единымъ словомъ смирилъ

грозныя волны, и крестною Свою смертию
искушилъ души грѣшниковъ!

Сидя на скамейкѣ, на высокомъ, песчаномъ берегу, который каждый годъ отрывается, я висѣла надъ бездною, и это не пугало меня; глаза мои устремлены были на небо, безпрестанно измѣнявшееся при солнечномъ закатѣ: то было оно совсѣмъ розовое, то голубое, то лиловое, то золотыя полосы мѣшались на немъ съ красными. Мало по малу туски и совсѣмъ исчезали яркіе цвѣта эти, и все кругомъ стемнѣло. Я не трогалась съ мѣста, я только съ призательностью взяла назадъ свою записную книжку, въ которой А. А. Деденева, по желанію моему, набросала карандашемъ два очерка мѣсть, особенно нравившихся Государынѣ Императрицѣ. — Между тѣмъ плавала тутъ какая - то молодая женщина въ широкомъ, черномъ платьѣ. мнѣ не случалось этого видѣть, и меня изумили искусство и смѣлость незнакомки, которая, то какъ будто спокойно отдыхая на мягкому ложѣ, то разводя руками, быстро переносилась съ мѣста на мѣсто. Она скрылась въ темнотѣ, и можно было подумать, что намъ явилась

скромная Наяда, обитательница этой маленькой бухты.

Взошедшій мѣсяцъ нѣсколько минутъ ничего не освѣщалъ; казалось онъ только глядѣлъ на землю, можетъ быть на насъ. Вдругъ лучи его заблестѣли въ волнахъ, и чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ шире пролегъ на морѣ свѣтлый путь, какъ будто въ отвѣтъ на мои думы, указывая мнѣ, что такъ блестящъ и свѣтель путь къ вѣчности, гдѣ мы узримъ Творца этого дивнаго неба, этого необозримаго моря!

==
Июль 7.

Побывавъ на хуторѣ Рено, я послала взять подорожную въ Симферополь, чтобы оттуда щѣхать въ Бакчисарай и на южный берегъ Крыма, что прежде боялась предпринять по слабости моихъ силъ. Но испытавъ, что меня живить морской воздухъ, я рѣшаюсь однако щѣхать сухимъ путемъ: время не позволяетъ ждать недѣлю парохода и хочется увидѣть Николаевъ и Херсонъ.

Въ 1803 году, когда герцогъ Ришелье

назначенъ былъ первымъ градоначальникомъ въ Одессѣ, въ ней было около девяти тысячи жителей, и онъ съ трудомъ отыскалъ небольшой домикъ для своего помѣщенія. Теперь, кромѣ войска, котораго болѣе шести тысячъ, въ Одессѣ слишкомъ семьдесятъ тысячъ жителей обоего пола, и однихъ частныхъ каменныхъ домовъ двѣ тысячи пять сотъ тридцать. — Всего дороже здѣсь дрова; нынче сажень стоитъ семьдесятъ пять рублей ассигнаціями, и это считается очень дешево: бываетъ сто рублей, и еще болѣе. Небогатые люди топятъ кизякомъ, то есть пластами соломы, смѣшанной съ навозомъ, но и онъ недешевъ, свыше двадцати рублей сажень.—Должно надѣяться, что скоро приступить къ разработкѣ открытыхъ въ Новороссійскихъ губерніяхъ копей земляного угля, что будетъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для всего края. — Съѣстные припасы здѣсь недороги; въ гостиницѣ по полтинѣ ассигнаціями блюдо, очень порядочно изготовленное, и по той же цѣнѣ стаканчикъ мороженаго. Рыбы много и очень дешева; мнѣ особенно полюбилась морская стерлядь; она не такъ нѣжна, какъ рѣчная, но очень вкусна и вареная, и жареная.

Пріѣзжіе, какъ я уже замѣтила въ Киевѣ, за все платить дороже, но поживъ здѣсь, кажется, все можно найти за сходную цѣну; передъ отѣзломъ нацимъ, молодая Итальянка, у которой мужъ Русскій, принесла намъ прекрасныхъ конфетовъ по два рубля съ полтиною, и чудеснаго шербету по рублю ассигнаціями фунтъ, ровно за полцѣны противъ Каруты.—Сахаръ рафинадъ съ небольшимъ двадцать рублей ассигнаціями пудъ, но плоды не всегда можно имѣть и за дорогую цѣну. Въ Петербургѣ во все лѣто продаютъ апельсины, а здѣсь только когда придутъ съ ними корабли; или слишкомъ трудно сохранять ихъ, или не хотятъ обѣ этомъ заботиться. Лимоны теперь здѣсь вдвое дороже Петербургскаго, а апельсиновъ совсѣмъ нѣтъ.

Наканунѣ отѣзда нашего пріѣхалъ въ Одессы Бессарабскій военный губернаторъ, Павелъ Ивановичъ Федоровъ, въ отсутствіе князя Воронцова управляющій въѣзжимъ краемъ.—Съ особыеннымъ удовольствіемъ познакомившись съ нимъ, я тѣмъ болѣе жалѣю, что не могу побывать въ Кишеневѣ, который, по общему увѣренію, чрезвычайно процвѣлъ при генералѣ Федоровѣ. Послѣдній рассказалъ намъ

много любопытнаго о Бессарабіи, между прочимъ, что въ 1835 году въ одномъ полѣ на четверть кукурузы родилось четыреста четвертей. Конечно, это не часто бываетъ, но и одинъ такой случай доказываетъ чрезвычайное плодородіе этого края, и какъ онъ можетъ быть полезенъ Россіи.

Прощаясь съ нами, Одесскій знакомый нашъ, Г. Х. Клайгильсъ, подарилъ мнѣ путеводителя по Крыму. Уже десять лѣтъ, какъ написалъ его поселившійся здѣсь Швейцарецъ Монтандонъ, но до сихъ поръ онъ остается лучшою въ этомъ родѣ книгою.—Не лишнее имѣть съ собою и Новороссійскій календарь. Изданный на нынѣшній годъ хороший указатель, и я очень благодарна Киевскому губернатору И. И. Фундуклею, подарившему меня имъ въ Киевѣ. Мнѣ очень лестно, что позаботились снабдить меня этими книгами, о которыхъ, признаюсь, вовсе не знала, какъ онѣ нужны путешественникамъ.

НИКОЛАЕВЪ, КУПЕЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ, СПАССКІЙ САДЪ, ГИДРОГРАФИЧЕСКОЕ ДЕПО, АДМИРАЛТЕЙСТВО, ОБСЕРВАТОРИЯ.

Іюля 8.

Насъ недолго держали въ Одесской таможнѣ, видя, что мы веземъ только собственныя вещи, и мы въ субботу, въ осьмомъ часу вечера, отправились въ Николаевъ. Дорога шла берегомъ; густыя облака то сливались съ моремъ, то казались высокими горами, и когда взошедшій мѣ-

сяцъ исчезалъ за ними, море чернѣло какъ глубокая, бездонная пропасть, но чрезъ несколько минутъ мѣсячные лучи разсыпались въ немъ алмазами, и широкая, свѣтлая полоса, какъ чистое зеркало, отдѣляло небо отъ земли!—Это были дивныя картины: только развѣ Айвазовскій могъ бы изобразить ихъ своею волшебною кистью!—Вдругъ съ обѣихъ сторонъ окружило настъ море, и мы тихо спускались къ нему не видя другаго пути, не воображая, какъ мы тутъ проѣдемъ. До сихъ поръ не знаю, дѣйствительно ли такъ было, или густой туманъ обаялъ мои чувства, но мнѣ уже казалось, что я слышу шумъ воды, что карета тотчасъ въ нее опрокинется. Ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, и онъ взлетѣли на гору, гдѣ въ селеніи Аджалыкъ почтовая станція. Можно бы спокойно ночевать тутъ, въ хорошенькой комнатѣ, и мнѣ тотчасъ подали свѣжаго молока, котораго, между Кievомъ и Одессою, нельзя было достать ни за какія деньги.

Какъ ни тяжело мнѣ щхать почью, потому что вовсе не могу спать въ каретѣ, но я рѣшилась на это, расчитавъ, что иначе пропадутъ цѣлые сутки; особенно не хотѣлось мнѣ остаться безъ обѣдни въ воскресенье и празд-

никъ Казанской Божией Матери. Пусть смѣются надо мною философы, все приписывающіе собственной мудрости, или оплошности, я не утаю сердечныхъ чувствъ моихъ. Въ 1837 году проѣзжала я вечеромъ чрезъ городъ Скопинъ, именно наканунѣ сегодняшняго дня, и какъ ни уговаривали меня въ праздникъ отслушать обѣдно, я безъ особенной нужды поѣхала да-же, и, чего вѣкъ не бывало, ямщики, сбившись утромъ съ дороги, чуть не опрокинули карету въ оврагъ. Я до смерти перепугалась, и потеряла въ четверо болѣе времени заупрямившись уѣхать отъ обѣдни.—Богу не нужны молитвы наши и никакія наши жертвы; Онъ только, по благости Своей, иногда напоминаетъ намъ, что мы, сами собою, безъ Его помощи, ни въ чемъ не можемъ успѣть.

Мы прїѣхали въ Николаевъ въ шесть часовъ утра, карету отправили на паромъ, а сами въ катерѣ переѣхали широкій Бугъ. Перевощики одѣты были очень чисто, и всѣ въ толстыхъ соломенныхъ шляпахъ, которыя они сами плетутъ. Лица ихъ не Русскія и не Малороссійскія, но я отъ усталости не могла распрашивать о ихъ происхожденіи, и молча наслаждалась прелестнымъ, истинно праздничнымъ утромъ.

Остановившись у полковника Автомонова, котораго первая жена была двоюродная племянница моя, Львова, я не могла уже заснуть, и мы, напившись чаю и кофею, отправились къ обѣднѣ, въ церковь, называемую купеческою, потому что ее украсили и особенно заботятся о ней купцы. Въ ней хорошо поютъ и много иконъ въ серебряныхъ, вызолоченныхъ окладахъ, предь которыми четыре богатые подсвѣчника, каждый съ тремя въ рядъ толстыми свѣчами, что очень величественно.

Съ самаго выѣзда нашего изъ Киева не имѣвъ возможности отслушать обѣдню, я истинно насладилась божественною службою, и, не чувствуя болѣе усталости, прямо изъ церкви поѣхала въ Спасскій садъ, основанный княземъ Потемкинымъ при построеніи города. Давно мы не видали такой густой тѣни и такой свѣжей зелени. Это мѣсто очень замѣчательное въ степномъ краю.—Я здѣсь напилась прекрасной ключевой воды. Она проведена съ горы пятью трубами въ камѣнныи бассейнъ, откуда семь жалобовъ разливаютъ ее въ разныя стороны. Это устроено отлично хорошо; надъ каждою трубою особый въ землѣ проходъ, выложенный кирпичемъ, чтобы всегда было можно

наблюдать не нужно ли что исправить. Рѣчная вода нехороша въ Николаевѣ и почти всѣ пользуются здѣшнею, кромѣ тѣхъ, у кого свои колодези, которыхъ считается въ городѣ слишкомъ тридцать.

Пріѣхавъ изъ саду, имѣла я удовольствіе познакомиться съ супругою Михайла Петровича Лазарева, главнаго начальника Черноморскаго флота. Это было истиннымъ удовольствіемъ. Родная сестра адмирала, воспитанная со мною въ Смольномъ, была замужемъ за покойнымъ двоюроднымъ братомъ моимъ, П. П. Львовымъ. Въ старину я бы считалась по этому роднею и Лазаревымъ, но и нынче я была ими обласкана какъ родная, и очень жалѣю, что не могла долѣе остаться въ гостепріимномъ Николаевѣ.

По воскресеньямъ лучшее здѣшнее общество обѣдаѣтъ у Лазаревыхъ, а вечеромъ играютъ морскіе музыканты и поютъ матросы на бульварѣ, на берегу широкаго Ингула, гдѣ тутъ можетъ пройдти стопущенный корабль. Это прекрасное гулянье; мы бы долго тутъ пробыли, но нась ждали въ обсерваторіи, и мнѣ хотѣлось по крайней мѣрѣ на нее взглянуть.—Живучи въ Петербургѣ я не собралась,

и Богъ знаетъ соберусь ли когда съѣздить въ Пулковскую обсерваторію, а дорогою, и въ Киевѣ, и здѣсь, когда мнѣ было свободно посмѣтѣть движеніе свѣтиль на небѣ, оно какъ нарочно покрывалось тучами. Въ Киевѣ я совсѣмъ не ъѣздила въ обсерваторію, а здѣсь поѣхала, и очень этимъ довольна, по крайней мѣрѣ не сочту сказкой, когда случится при мнѣ разговоръ о часахъ, изобрѣтенныхъ, лѣтъ за тридцать помощникомъ Гринвической обсерваторіи, Англичаниномъ Тейлоромъ, которые бываютъ, когда надъ ними проходитъ звѣзда, или обѣ астрографѣ, изобрѣтенному гораздо позже астрономомъ Штейнгелемъ, помощію которого легко можно сдѣлать карту неба. Все это объяснялъ намъ профессоръ Кнорре, показывая многіе другіе инструменты, и еслибы я могла пожить здѣсь, послушала бы его уроковъ. Они должны быть чрезвычайно занимательны, и въ круглой комнатѣ, гдѣ онъ читаетъ ихъ, самый слабый голосъ пріятно звучитъ.

Обсерваторія обнесена стѣною, за которую телеграфъ, имѣющій сообщеніе съ Очаковскимъ. Изъ нее видѣнъ весь городъ съ его церквами и домами, прелестно оттѣненными

зеленою садовою и посаженіыхъ по улицамъ акаций и раинъ. Онъ занимаетъ большое пространство между Бугомъ и впадающимъ въ него Ингуломъ, которые обтекаютъ его съ трехъ сторонъ, и видя ихъ свѣтлыя, широкія воды, нельзя вообразить, что безъ ключей и колодцевъ здѣсь бы нуждались въ хорошей водѣ. За рѣкою село графа Ламберта, Вайваровка, на завидномъ мѣстѣ: есть чѣмъ оттуда полюбоваться.

Николаевъ основанъ въ 1789 году. Прекрасное мѣсто это принадлежало иностранцу Фабри, вѣроятно тому самому, который во вновь учрежденномъ Херсонѣ завелъ Австрійскую купеческую контору, и онъ тѣмъ охотнѣе продалъ его въ казну, что во время войны жестоко пострадалъ въ немъ отъ Турковъ. Постройка города поручена была княземъ Потемкинымъ кригсь-комиссару Фалѣеву, изъ богатыхъ купцовъ, заслужившему любовь и довѣренность князя предпріимчивостью своею и дѣятельностію. Онъ и погребенъ здѣсь въ соборѣ, гдѣ сожалѣнію не удалось намъ быть. Съ того времени постепенно развиваясь, Николаевъ теперь въ числѣ лучшихъ и многолюдныхъ

Русскихъ городовъ. Онъ еще бы казался красивѣе и величественнѣе, если бы улицы не были слишкомъ широки. Онъ тѣмъ болѣе отъ этого теряетъ, что почти всѣ дома въ одинъ этажъ.

==

Июля 9.

Я знала, что Михайло Петровичъ Лазаревъ въ молодости своей долго жилъ въ Англіи, и, признаюсь, воображала что онъ напитанъ иностраннымъ духомъ, и, какъ часто бываетъ, пренебрегаетъ всѣмъ Русскимъ. Тѣмъ приятнѣе было мнѣ видѣть совсѣмъ противное. Адмиралъ Лазаревъ истинный Русскій дворянинъ, прямой, чистосердечный. И когда онъ показывалъ намъ адмиралтейство и принадлежащія къ нему заведенія, видя во всемъ порядокъ и совершенство, которые могутъ не вполнѣ оцѣнить, по крайней мѣрѣ понять, не одни знатоки дѣла, но всѣ, у кого есть смыслъ человѣческій, нельзя было сомнѣваться, что адмиралъ за тѣмъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ

Англіи, чтобы заимствовать тамъ все полѣзное для своего отечества.

Прежде всего были мы въ гидрографическомъ депо, где до 1836 года были мучныя кладовыя. Чрезвычайно любопытно. Въ одной комнатѣ чертежная, въ другой раскрашиваются карты, въ третьей гравируются ихъ. Послѣднее гораздо труднѣе, не жели я воображала: чтобы сдѣлать карту въ Ватманскій листъ, два человѣка работаютъ года три, и все сквозь увеличительное стекло, что должно очень портить зрѣніе. Такая карта, по заказу стороннимъ, стоила бы тысячу пять рублей ассигнациями.— Сравнивая карту Россіи съ картами другихъ государствъ, нельзя не изумляться ёя обширности. Какъ все ничтожно передъ нею!—Кажется съшишь кто-то говоритъ:—это шестая часть свѣта, которой должно имѣть свои особые законы, свои нравы и обычаи; не кстати великому подражать обыкновеннымъ людямъ, ихъ платье слишкомъ будетъ коротко ему и имъ нельзя идти рука обь руку.

Въ Николаевѣ ясно видно, какія огромныя средства имѣетъ Россія, какъ ей легко во

всемъ успѣвать. Здѣсь все свое, для постройки и отѣлки кораблей, лѣсъ, желѣзо, мѣдь, пенька. Здѣсь дѣлаютъ и всѣ инструменты, циркули, барометры, даже печатные станки не уступающіе Англинскому. Здѣсь и слова льють; одинъ человѣкъ въ день на чисто отѣлываетъ 1200 буквъ, съ небольшимъ въ минуту двѣ буквы: меня это изумляло. — Адмиралъ подарилъ мнѣ маленький дорожный термометръ, чрезвычайно вѣрный и щегольски отѣланный. Признаюсь я во все не знала, что такія вещи дѣлаются у насть въ Николаевѣ. И какъ, быть можетъ, и многіе этого не знаютъ, считаю обязанностью всѣмъ разсказать обѣ этомъ, надѣясь, что всѣмъ будетъ пріятно слышать о томъ, что мнѣ было чрезвычайно пріятно видѣть. Вложивъ мнѣ въ альбомъ раскрашенный здѣсь рисунокъ фрегата Флоры, на которомъ Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ имѣлъ плаваніе по Черному морю, Михайло Петровичъ прибавилъ еще къ этому прекраснѣйшую литографію, одного изъ здѣшнихъ художниковъ, съ картины Рафаэловой. Здѣсь разными способами литографируютъ, между прочимъ въ

подобіе гравировки на мѣди; камень плотно покрываютъ черною краскою, и не какою нибудь дорогою, выписаною, просто сажею съ вишневымъ kleemъ, и по ней, какъ говорится, нарѣзываются, а по моему царапаютъ иглою, задѣвая и камень. Рисунки выходятъ гораздо чище и можно имѣть болѣе оттисковъ.

Все это чрезвычайно занимало меня, но еще много было впереди не менѣе занимательнаго. Модели кораблей и разныхъ судовъ красуются одна передъ другою,—весело смотрѣть на нихъ; размѣръ ихъ уменьшены съ фута на дюймъ, и видя ихъ, тотчасъ понятно, какія громады можно сооружать по прекраснымъ образцамъ этимъ.—Нынче строятъ два корабля, одинъ шестидесяти пушечный, другой осьмидесяти четырехъ. Для построенія большихъ кораблей двѣ крыши, и три для прочихъ судовъ; они стоятъ довольно дорого, но построенные подъ ними корабли гораздо дольше служатъ, вполнѣ вознаграждая за сдѣланныя на крышу издержки.—Въ адмиралтействѣ большой запасъ всего потребнаго для кораблей, отъ якорей до мѣдныхъ гвоздей, отъ огромныхъ мѣдныхъ листьевъ для обшивки корабельнаго дна, до ручекъ къ двер-

рямъ. Тутъ и такіе молотки, которыхъ я не могла пошевелить, и обыкновенные, и разной величины пилы, замки, котлы и блоки, и олово, и фонари, и разная посуда, и прекраснѣйшіе стулья изъ Крымскаго чинара, и прочее, и прочее. Для просвѣтовъ въ корабляхъ, изъ одного яруса въ другой, стекла, съ одной стороны гладкія, а съ другой выпуклые, какъ разрѣзанное яблоко, и такъ крѣпки, что по нимъ таскаютъ пушки.—Но всего любопытнѣе показалась мнѣ парусина, толстая какъ политура; ее рѣжутъ машиною чрезвычайно скоро, и испытываютъ ея прочность, взвѣшивая на ней около тридцати пудъ. При насъ она сдержала безъ малаго сорокъ пудъ.—Паруса шьютъ трехгранными иглами, почти въ четверть длиною, укрѣпляя на перстокъ на ладони, которою втыкаютъ иглы, иначе не достало бы на это силы.—И эту твердую, по видимому вѣковую ткань, въ бурю рветъ вѣтеръ клочками, какъ тонкую бумагу. Невольно преклонишь голову предъ тѣмъ:

«Кого никто постичь не могъ,
«Кто все собою наполняетъ,
«Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
«Кого мы нарицаемъ Богъ!» (а).

(а) Державинъ.

Петербургскіе наши зонтики очень худо защищаютъ отъ здѣшняго солнца, вовсе непохожаго на Петербургское. Чтобы сколько нибудь отъ него укрыться, должно было бы ходить здѣсь съ зонтами отъ дождя. Сшитое въ Одессѣ синее мое платье, изъ шерстяной кисеи, въ одно утро, только на переходахъ по улицамъ, такъ полиняло, какъ будто его стирали въ щелочку. И въ горницахъ, особенно въ верхнихъ, жужасно жарко подъ желѣзными крышами, которые на солнцѣ раскаляются почти какъ въ огнѣ. Въ здѣшнихъ мѣстахъ хорошо крыть черепицею, гонтомъ или тесомъ, или хотя картономъ, о которомъ увѣряютъ, что онъ прочнѣе теса.

Послѣ тяжелаго зноя особенно было пріятно прокатиться на катерѣ, и мы, освѣжась этимъ, вполнѣ могли любоваться Царскимъ пароходомъ, Громоносецъ, устроеннымъ и убраннымъ, какъ только можно убрать кабинетъ богатой щеголихи. Я тутъ видѣла прекрасную мебель изъ Американскаго дерева, похожаго на желтый мраморъ. Оно растетъ въ Соединенныхъ Штатахъ и называется птичій глазъ.

Посмотрѣвъ на часы я изумилась, что уже четыре часа, вовсе не видавъ, какъ прошли цѣ-

лье шесть часовъ, хотя почти все время была на ногахъ.—Благодаря адмирала, я извинялась, что онъ для насъ будетъ такъ поздно обѣдать, обыкновенно садясь за столъ въ два часа.—Онъ отвѣчалъ съ веселымъ видомъ, что и самъ забылъ объ обѣдѣ, и мы вмѣстѣ отправились въ домъ его, гдѣ и наканунѣ пріятно провели большую часть дня.

Проливной дождь, благодать Божія для здѣшняго края, не позволилъ намъ тотчасъ послѣ обѣда посмотретьъ здѣшнее училище для матросскихъ дочерей, и мы уже по дорогѣ въ Херсонъ заѣзжали въ него съ любезною Екатериною Тимофеевной Лазаревой, гдѣ съ нею и простились.—Домъ каменный, въ готическомъ вкусѣ, при немъ хорошенький садикъ; внутри вся столярная работа изъ ясени. Прекрасное заведеніе, тѣмъ болѣе замѣчательное, что оно обстроено трудами воспитанницъ. Ихъ учать закону Божію, читать, писать, и рукодѣло.—И бѣдные дворяне были бы счастливы, воспитывая дочерей своихъ въ подобномъ заведеніи.

ХЕРСОНЪ, СОБОРЪ СВЯТЫЯ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, ПАМЯТНИКИ ВЪ КРѢПОСТИ, УЧИЛИЩЕ ТОРГОВАГО МОРЕПЛАВАНИЯ, ПАМЯТНИКЪ ГОВАРДУ, КАНАТНЫЙ ЗАВОДЪ.

Чудна и печальна судьба Херсона! — Какъ внезапно предсталъ онъ среди степей богатымъ и веселымъ городомъ, такъ было непрочно его величіе! — Вѣроятно было бы иначе, если бы онъ выстроенъ былъ не здѣсь, въ тридцати верстахъ отъ устья Днѣпра, а на самомъ широ-

комъ его устьѣ, при Глубокой пристани, гдѣ первоначально основаны были гавань и верфь, по предложенію опытнаго адмирала Сенявина. — Но, какъ тому много примѣровъ, князь Потемкинъ, желая быть единственнымъ творцемъ города, назначаемаго складомъ всѣхъ товаровъ, привозимыхъ изъ-за границы, и отпускаемыхъ изъ Россіи по Черному морю, построилъ его здѣсь, далѣе отъ моря, на мѣстѣ, откуда можно отправлять только на камеляхъ невооруженные корабли, и гдѣ воздухъ очень нездоровъ отъ стоячей, по низкимъ мѣстамъ, воды изъ разливовъ Днѣпра. — По справедливости знаменитый, но слишкомъ тщеславный князь Потемкинъ надѣялся все побѣдить силою ума своего и воли. Дѣйствительно, онъ всѣхъ изумилъ быстрыми успѣхами нового города; сама Императрица вполнѣ одобрила сдѣланный имъ выборъ, увидя, что въ самое короткое время на верфѣ Херсонской построены огромные корабли, и всюду въ него стекаются Русскіе и иностранные промышленники. — Князь выпросилъ у Государыни многія преимущества и пособія Херсону, о которомъ онъ особенно заботился, но опустошившая его, при началѣ его существованія, въ 1784 году, чума, какъ будто предвѣстила,

что своенравно выбранное подъ него мѣсто не упрочить ему благоденствіе. По мѣрѣ развитія торговли въ Одессѣ, положеніе которой несравненно превосходнѣе, упадалъ Херсонъ, и онъ рѣшительно опустѣлъ, когда въ 1827 году нашли нужнымъ перевести изъ него адмиралтейство въ Николаевъ.

Крѣпость Херсонская, важная до присоединенія Тавриды, послѣ того сдѣлавшись совершенно бесполезною, также уничтожена въ 1835 году. Она обнесена землянымъ валомъ, и внутри церковь святых великомученицы Екатерины, освященная въ 1786 году. Надъ входомъ въ нее, во время пребыванія Императрицы, сдѣлана бронзовая надпись. «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» — Величественная внутренность храма напомнила мнѣ прекрасный въ Киевѣ Латинскій костелъ. Въ срединѣ большой куполь на четырехъ столбахъ, и отъ него во всѣ стороны по три арки. Престолъ одинъ. Иконостасъ въ два яруса. Въ нижнемъ Спаситель и Божія Матерь, Архангель Гавріїлъ, Іоаннъ Богословъ, Андрей Первозванный, Великомученица Екатерина, и Святые Князья Владиміръ Равноапостольный и Александръ Невскій, прекрасно написаны, какъ

сказываютъ, слугою князя Потемкина, учившися въ Италии. Прочие образа должны быть другой кисти. За престоломъ Богъ Саваоѣтъ также работы очень хорошей, какъи на лѣвомъ столбѣ въ самой церкви Пресвятая Дѣва. Всѣ ея черты, неземной красоты, дышутъ любовью и вѣрою, но младенецъ Спаситель и тутъ, и въ иконостасѣ только свѣжее, пригожее дитя.—Предъ Царскими дверьми, вмѣсто паникарии, виситъ серебряный, вызолоченый Ангелъ, на обѣ стороны отдѣланный одинаково; въ правой рукѣ у него подсвѣчникъ съ тремя свѣчами, а въ лѣвой съ двумя, какъ триклирии, которыми осѣняютъ архиереи. Это вообще употребительно въ здѣшнемъ краю, но только въ здѣшнемъ соборѣ видѣла я, въ память Голгоѳы, большой черный крестъ съ терновымъ вѣнцемъ, копьемъ и лѣстницею, на деревянной горкѣ съ мертвuoю головою и костями. Его ставятъ, въ Страстную пятницу, противъ плащаницы, между двумя большими вазами, въ которыхъ курится ладонъ. Не знаю начала этого обычая, но онъ соотвѣтствуетъ печальному торжеству, и долженъ питать въ сердцахъ умиление.—Екатерина прислала въ соборъ золотый крестъ, съ жемчугомъ и драгоцѣнными кам-

нями, сдѣланныи Царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ въ дворцовую Кремлевскую церковь Спаса Нерукотвореннаго, и Евангелие, данное Петромъ Первымъ въ ту же церковь, по братѣ Его Феодорѣ Алексѣевичѣ и супругѣ Его Марѣ Матвѣевнѣ.—Еще показываютъ Евангелие Запорожца Андрея Кичкена, 1748 года, съ отличной подписью уставомъ.—Странно, что здѣсь нѣтъ никакого вклада князя Потемкина.—Какъ онъ, при извѣстной его набожности, и особенно любивъ здѣшний городъ, не вздумалъ, въ память потомству, снабдить храмъ этой богатою утварью! Удивительно, что и родственники его обѣ этомъ не позаботились, похоронивъ его здѣсь. Онъ лежитъ въ склепѣ подъ церковью, и прежде тамъ горѣла при гробѣ лампада, но уже давно задѣланъ туда ходъ, и только указываютъ мѣсто, у праваго столба, подъ которымъ уединенно покоится великолѣпный князь Таврический.

По правую сторону собора, обнесенного круглою оградою, памятникъ Принцу Александру Виртембергскому, умершему въ Галацѣ. Надъ нимъ корона и гербъ Виртембергскій съ надписью: «Праху во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ скончавшагося героя.»—Около и на

другой сторонѣ собора нѣсколько каменныхъ, уже обветшалыхъ гробницъ, въ которыхъ по большой части погребены перевезенные сюда княземъ Потемкинымъ генералы и полковники, убитые при взятіи Очакова. Это дѣлаетъ ему честь, и въ послѣдствіе и ему сооруженъ здѣсь памятникъ въ городскомъ саду.—Онъ за- служилъ это: конечно, онъ ошибался, поступки его бывали и странны и обидны, но онъ горячо любилъ Россію и ревностно старался ее возвысить.

Училище торгового мореплаванія очень полезное заведеніе, въ немъ учать и рисовать. Домъ небольшой, библиотека небогатая: тѣмъ лестнѣе мнѣ было увидѣть въ ней моего Князя Скопина - Шуйскаго. — Въ саду, посаженное Императрицею Екатериною абрикосовое дерево изумляетъ своей огромностью. Оно все осыпано плодами, которыми радушно подчиваѣтъ насы инспекторъ, но еще мало было зрѣлыхъ, и они вообще очень мелки, потому что дерево не было привито. Оно отъ самой земли тройчатое; быть можетъ Императрица, для вѣрнѣйшаго устѣха, положила рядомъ три зерна. Прошлою зимою одну вѣтвь сломило гололедицею и съ тѣхъ поръ все оно подвязаны канатами. Около

дерева чугунная рѣшетка съ мѣдною доскою, на которой вензель Екатерины и надписи:

«Все насажденное Тобой

«Для насъ хранить есть долгъ святой»,
и ниже. «Великая Императрица Всероссійская
«Екатерина II соизволила вседержавною десни-
«цею свою посадить абрикосъ сей въ Херсон-
«скомъ Адмиралтействѣ 1787 года, Мая 12 дня.»

Трогательно видѣть это дерево и надписи, усердно хранимья въ уныломъ Херсонѣ. Въ немъ и теперь жителей обоего пола около тридцати тысячъ, но, не зная этого прежде, не угадаешь такого населенія: по улицамъ не видать народа, одни дома обветшали, другіе разваливаются: ни одинъ изъ самыхъ малолюдныхъ губернскихъ городовъ не имѣеть такой грустной наружности. Въѣздъ, со стороны Николаева, мимо кладбища, и тутъ же множество простыхъ вѣтреныхъ мельницъ, какъ въ селѣ, не имѣющемъ средствъ завести водяныя.

Въ 1833 году, Государь Императоръ изволилъ пожаловать полтораста тысячъ въ пособіе хозяевамъ, строющимъ въ Херсонѣ купеческія суда, и въ поощреніе мореплаванія и торговли дарованы многія льготы всѣмъ Русскимъ подданнымъ, владѣющимъ

судами. Но эти милости возбудили только признательность, а не дѣятельность. Всего на все купцовъ здѣсь восьмидесять девять (а), на половину Евреевъ: между ними нѣтъ ни одного первой гильдіи, и только пятеро второй.

Близь кладбищенской церкви, надъ могилою Англичанина Говарда, извѣстнаго его человѣколюбiemъ, высокая пирамида изъ бѣлаго камня съ его бюстомъ, вокругъ кото-раго надпись изъ Святаго Евангелія: «Болѣнь бѣхъ и посѣтиste мя, въ темницѣ бѣхъ и «пріидосте ко мнѣ,» вънизу: «Говардъ скончался 20 Января 1790 года на шестьдесятъ пятомъ году отъ рожденія.» Кругомъ въ три ряда ступени, въ нѣкоторомъ разстояніи акацій, все вокругъ обнесено стѣною.

Климатъ здѣсь очень жаркій и хлѣбъ не слишкомъ хорошо родится: гораздо выгоднѣе имѣть сады. Возлѣ выше описаннаго абрикосоваго дерева, въ одно съ нимъ время, только неизвѣстно кѣмъ посаженное грушевое дерево, также огромно, и также осыпано плодами: судя по нимъ нельзя сомнѣваться, какъ было бы полезно здѣсь завести большія посадки деревьевъ по примѣру Воз-

(а) Новороссийскій календарь на 1845 годъ.

несенска. Въ саду училища еще пѣнилъ меня альпійскій айрантусъ, просто называемый оленій рогъ. Его разводятъ и сѣменами, и отъ корня; онъ растетъ очень скоро, листъ похожъ на акацію, но гораздо крупнѣе, цвѣты бѣлые, висятъ кистями, потомъ зеленѣютъ. — Садъ этотъ поливаются изъ обширнаго, особенно хорошо устроеннаго колодца. Онъ выкопанъ въ 1839 году глубиною въ десять сажень съ половиною, и одна лошадь вертитъ въ немъ колесо, на которомъ укрѣплено слишкомъ шестьдесятъ бадей. Каждая изъ нихъ, поднявшись въ верхъ, выливаетъ зачерпнутую ею воду въ большое корыто, и она изъ него течетъ по желобамъ куда нужно. Бады эти, для прочности, мажутъ смолою, отъ которой, въ жарѣ, сильный дегтярный духъ, но утромъ и вечеромъ вода чиста, и люди могутъ употреблять ее.

Намъ предложили еще посмотреть принадлежащій морскому вѣдомству канатный заводъ. Я подумала, что это будетъ для насъ совсѣмъ лишнимъ, и только изъ вѣжливости не отказалась отъ сдѣланнаго предложения, за что и была награждена. Одно отдѣленіе, гдѣ вьютъ канаты, шириной двѣнадцать сажень,

а длиною двѣсті сорокъ, безъ малаго полверсты, заслуживаетъ особенное вниманіе. Я невольно остановилась въ дверяхъ, не видя противоположной стѣны, не понимая, какъ можетъ держаться кровля на такомъ пространствѣ; но зданіе, хотя деревянное, очень прочно, и никто въ немъ не помышляетъ объ опасности. Въ низу о четырехъ лошадяхъ машина, отъ которой въ верху огромное колесо вертитъ одинъ человѣкъ, а двѣнадцать прядутъ пеньку руками, обвертывая ихъ толстымъ сукномъ, чтобы не попадала кострига.—Въ другомъ отдѣленіи, на полу, два отверстія: въ одно бросаютъ пряжу въ огромный котелъ съ кипящею смолою, въ другое она поднимается на машину, которая въ мигъ до суха выжимаетъ ее.—Я закричала отъ ужаса, увидѣвъ, что одинъ работникъ по локоть опустилъ руку въ смолу; я была увѣрена, что она у него отвалится, но онъ смѣясь показалъ, что она невредима, и прибавилъ, что хотѣль позабавить насъ, что кипящая смола какъ парное молоко, но когда она только закипаетъ, или начнетъ простиывать, то уже нельзя съ нею шутить.—Признаюсь, не знаю, какъ объяснить это, хотя въ старые годы и училась въ Смольномъ физикѣ. Только мнѣ теперь

понятнѣе, что не одно пріоворство рукъ заставляетъ насъ дивиться Боско, Андерсону и другимъ подобнымъ чародѣямъ, а и знаніе ихъ разныхъ таинствъ природы и наукъ.

Мы обѣдали у супруги здѣшнаго губернатора Е. Н. Рославецъ, дочери храбраго генерала Панкратьевъ. Она ёдетъ на дняхъ въ Таганрогъ погостить у родной сестры своей, которая замужемъ за тамошнимъ градоначальникомъ, княземъ А. К. Ливеномъ. — Мнѣ было очень приятно, чрезъ осьмнадцать лѣтъ, возобновить здѣсь знакомство съ роднымъ внукомъ статсъ-дамы, княгини Шарлотты Карловны Ливенъ, воспитавшей Великихъ Княженъ Александру, Елену, Марию, Екатерину и Анну, дщерей Императора Павла Петровича и Императрицы Марии Феодоровны. Она вполнѣ оправдала оказанную ей высокую довѣренность, стараясь развить природныя добродѣтели и дарованія своихъ Царственныхъ питомицъ, и, какъ-будто въ награду за это, достигнувъ глубокой старости, постоянно пользовалась особенною благосклонностью всего Императорскаго семейства, и всѣ ея приближенные искренно почитали ее. — Когда, послѣ отѣзда Великой Княгини Екатерины Павловны со вторымъ супругомъ Ея Ч. II. ⁵

въ Стутгартъ, бывъ пожалована фрейлиною Государынь Императрицъ, я стала жить въ Зимнемъ Дворцѣ, княгиня Ливенъ, бывшая тогда графинею, поручила мнѣ писать за нее Русскія и Французскія письма, которыя она только подписывала. Я по этому обыкновенно проводила у нее утро, а иногда и вечеръ, видѣла высшее общество, слышала много замѣчательнаго, и притомъ отвѣчала на всѣ письма кромѣ родственныхъ. — Сначала это затрудняло меня по незнанію моему, какъ расположена княгиня къ тѣмъ, отъ кого получала она разнаго содержанія письма. Мало по малу я стала понимать это и такое занятіе день ото дня становилось мнѣ пріятнѣе. — Княгиня всегда принимала меня съ материнскою ласкою, когда я возвращалась отъ моихъ родителей, съ которыми въ послѣдніе годы жизни ихъ обыкновенно проводила лѣто. Однажды, не выходивъ по нездоровью изъ своей спальни, оставшись одна со мною, она сказала, чтобы я ближе къ ней сѣла, и, чего прежде не бывало, крѣпко прижала меня къ своей груди, увѣряя, что всегда меня любила. Чрезъ нѣсколько дней узнала я, что это было послѣднимъ ея со мною прощаньемъ. Кон-

чина ея очень меня огорчила; я долго не могла привыкнуть заниматься по утрамъ дома, наконецъ отъ скучи начала писать первый историческій романъ мой, Князя Скопина-Шуйскаго. По всему этому можно представить, какъ была мнѣ пріятна встрѣча съ княземъ Ливеномъ, котораго я видела у почтеннѣйшей его бабки. Мы не могли о ней напомнить; все прошлое ожило въ нашей памяти. — Случай этотъ живо вспомнилъ время, когда я была молода и здорова, считаю я счастливымъ предзнаменованіемъ по дорогѣ въ Тавриду, куда я ёду искать не молодости, которая невозвратно проходитъ, о чёмъ и жалѣть не должно, зная мудрую цѣль Создателя, но здоровья, съ которымъ и въ старости можно вполнѣ наслаждаться жизнью!

и обратно в Одессу и въ супроводѣ въ гондолѣ сидѣлъ я, въспоминая о чудесахъ моря и о томъ, какъ же я неожиданно оказалась въ этой лодкѣ, въ которой сидѣли и мои близкіе друзья. Ихъ было троихъ: Мария Евдокимовна, Елизавета Евдокимовна и я. Сидѣли мы въ каютѣ, въ котрой было тепло и уютно. Было поздно, и мы сидѣли въ темнотѣ. Въдругъ послышалась звонкая, приветливая, какъ будто изъ сказки, фраза: «Вѣтъ сюда!» — и мы услыхали, какъ кто-то въспоминаетъ старые добрые времена, когда въ Одессѣ было много зелени и цветовъ, а въ лодкѣ было тепло и уютно. И мы сидѣли въ каютѣ, въ котрой было тепло и уютно, и слушали, какъ кто-то въдругъ послышалась звонкая, приветливая, какъ будто изъ сказки, фраза: «Вѣтъ сюда!»

V.

АЛЕШКИ, ПЕРЕКОПЬ, СИМФЕРОПОЛЬ.

Іюлл 44.

Мнѣ совѣтовали въ Одессѣ ѿхать изъ Херсона въ Крымъ, не большою дорогою на Береславль, а водою прямо въ Аleshки, увѣряя, что это будетъ гораздо пріятнѣе и много сократить дорогу, къ чѣму прибавила умная, пріѣзжая дама, что этимъ путемъ, по Днѣпру, ѿзжали

въ Кіевъ Печенѣги. Мы только что воротились тогда съ дачи Рено, и я, восхищенная прогулкою по необработанному, но живописному морскому берегу, услышавъ о Кіевѣ, обрадовалась случаю прокатиться по рѣкѣ, въ которой крестился народъ Кіевскій.—Въ Херсонѣ не удивились, что мнѣ хочется ѿхать въ Аleshки, потому что тутъ дѣйствительно ближе тридцатью верстами; но какъ же я сама удивилась, когда, сѣвъ въ лодку, узнала, что мы поѣдемъ не славнымъ издревле Днѣпромъ, а вовсе неизвѣстною рѣчкою Конкою, впадающею въ Днѣпръ. Невозможно было перемѣнить это, давно отправивъ впередъ карету, и не на кого было пенять, кроме себя самой, что, худо зная географію, не позаботилась обо всемъ этомъ разспросить въ Херсонѣ; но я такъ плѣнилась поэтическимъ разсказомъ любезной Н. О. Н., что даже совершенно забыла о грабежахъ и разбояхъ Печенѣговъ, помня только, что съ ними старались дружиться и Русскіе Князья и Греческіе Императоры.

Нѣсколько минутъ сидѣла я повѣся голову, стыдясь своей ошибки; наконецъ мой маленький Капташа своими ласками разогнала хандру мою, и я изумилась, увида на высотѣ, окружен-

ный водами большой, прекрасный городъ. Я спросила, какой это городъ, зная, что Алешки должны быть гораздо далѣе, и съ трудомъ повѣрила, что это тотъ самый Херсонъ, гдѣ мы видѣли такъ много развалинъ. Но развалины скрылись за возвышавшимися однѣ надъ другими церквами и садами, и на главахъ первыхъ играло заходящее солнце, освѣщая живописную картину. Я помирилась съ бѣдною Конкою, показавшуюся мнѣ въ началѣ большою лужею. Она точно непохожа на рѣку, а какъ будто между болотами озеро, гдѣ вода стоитъ наравнѣ съ берегами, по которымъ растетъ камышъ, употребляемый здѣсь вмѣсто дровъ.

Херсонъ видѣнъ до самыхъ Алешекъ, но издали онъ уже кажется не дѣйствительнымъ городомъ, а какъ-будто смутнымъ видѣniемъ, напоминающимъ что-то великолѣпное. — Это походитъ на судьбу Херсона, любимой игрушки любимца счастія, князя Потемкина, напоминая его собственную судьбу, какъ онъ послѣ дивныхъ его праздниковъ, прогремѣвшихъ въ Европѣ, окончилъ жизнь завернувшись въ свой плащъ среди степей.

У насъ правиль рулень отставный матросъ, а пятеро гребцовъ были съ торговыхъ судовъ;

у всѣхъ были умные лица, и они были одѣты очень чисто. Мнѣ понравились ихъ черныя лакированныя шляпы; ихъ дѣлаютъ Жиды изъ бумаги и продаются по шестидесяти копѣекъ серебромъ; они очень легки, и каждая можетъ служить два года.

Мы проѣхали отъ Херсона до Алешекъ, двѣнадцать верстъ, полтора часа. — Алешки, маленький уѣздный городъ Таврической губерніи, гораздо живѣе Херсона. Подъѣзжая къ нему встрѣтили мы судно, на которомъ каталась толпа женщинъ, занимающихся мытьемъ шерсти со значительныхъ овчарныхъ заводовъ въ здѣшнемъ уѣздѣ. Они казались въ самомъ веселомъ расположеніи, но едва ли бы кого развеселили пѣсни ихъ, больше похожія на рѣзкій визгъ. Странно, что простыя женщины почти всегда и вездѣ такъ визжатъ, какъ будто нарочно портятъ голоса свои. — Не такъ пѣли на берегу артиллеристы, поившие лошадей. Они пѣли, какъ мы привыкли слышать хорошія Русскія пѣсни, съ тою звучностью, которая раздается въ сердцѣ, съ тѣмъ глубокимъ чувствомъ, которое тотчасъ пробуждаетъ мысль о всѣхъ прежде бывшихъ радостяхъ и печалахъ. Имъ вторили выстрѣлы ихъ товарищей, учив-

шихся въ нѣкоторомъ разстояніи. Давно не видали мы такой дѣятельности, такой веселой суетливости. Мы насили пробрались между множествомъ лодокъ, и потомъ между толпами народа.

Увидя насъ стали запрягать лошадей въ ожидавшую насъ карету, а мы пошли между тѣмъ въ ближайшій, опрятный домикъ. Хозяева, мѣщане, уѣхали въ Херсонъ; насъ приняла дѣвочка лѣтъ пятнадцати, и я все время съ нею проговорила, дивясь ея остротѣ и вѣжливости. Умень Русскій народъ, и гдѣ, какъ говорится, просторъ уму его, творить чудеса!

Не знаю, какова большая дорога на Береславль, но за Алешками первая станція такъ песчана, что гораздо лучше проѣхать лишнія тридцать верстъ по хорошей дорогѣ. Такихъ песковъ я еще не видала, по крайней мѣрѣ такъ казалось мнѣ ночью. Мѣсяцъ, изрѣдка проглядывая сквозь густыя тучи, какъ будто нехотя освѣщалъ однѣ бѣлые, песчаныя степи, пересѣкаемыя такими же холмами. Ямщики уныло перекликались, выискивая мѣсто гдѣ бы не такъ глубоко вязла карета, и можно было чувствовать, съ какимъ напряженіемъ бѣдныя лошади, впрочемъ очень добрыя, тащили насъ впередъ. Это была тяжелая ночь; въ добавокъ

негдѣ было на станціяхъ остановиться; мы принуждены были ѿхать, не отдыхая, слишкомъ сто верстъ, и я такъ утомилась, что не могла сойти съ мѣста въ Перекопи, гдѣ намъ отдали въ распоряженіе цѣлый покойный домъ, и подали хорошій обѣдъ. Если не ошибаюсь, путешественники обязаны этимъ управляющему здѣшними соляными промыслами, господину Озерецковскому, при которомъ вообще началъ процвѣтать городъ. Жаль, что онъ въ отсутствіи; отъ него можно было бы узнать много любопытнаго: теперь я какъ-будто не бывала въ Перекопи.

Въ трехъ верстахъ отъ Перекопи, въ Армянскомъ базарѣ, вышла я изъ кареты взглянуть на гостинный дворъ, гдѣ торгуютъ по большой части Армяне и Евреи. У одного изъ первыхъ купили мы очень дешево прекрасной помады, Московскаго фабриканта Самохотова, и намъ дали для рѣдкости краски, которою Татары красятъ волосы и ногти. Она горохового цвѣта, но краснѣеть въ водѣ; женщины вседневно употребляютъ ее, не потому только, что воображаютъ скорѣе этимъ понравиться, но по какому-то преданію, почитая это дѣломъ богоугоднымъ.

Отъ Перекопи до Симферополя, сто тридцать три версты, мы очень скоро проѣхали; ямщики всѣ Русскіе, молодцы, и лошади славныя. Но по дорогѣ не начто засмотрѣться: однѣ и тѣ же степи; однако и въ однообразныхъ степяхъ этихъ пріятенъ воздухъ Тавриды, пріятна и мысль, что мы достигаемъ самой дальней цѣли нашего путешествія, что мы уже въ странѣ, издревле знаменитой, которою равно стремились обладать и народы образованные, и хищные дикари; что чрезъ нѣсколько часовъ увидимъ мы вѣковыя красы дивной природы, многихъ пѣнявшей болѣе всего, что можно увидѣть въ Греціи и Италиі.

Спокойно, быстро, совершенно безопасно ѿхали мы по Крыму, котораго одно имя нѣкогда страшило Русскихъ, гдѣ, съ небольшимъ зашестидесятъ лѣтъ, жили злобные враги нашего отечества, откуда вырывались свирѣпія толпы опустошать Россію.—Силы мои оживали, и я стала жалѣть, что ничего не видала въ Перекопѣ, этомъ нѣкогда крѣпкомъ городѣ, защищавшемъ входъ въ Крымъ, между морями Чернымъ и Сивашемъ, на семиверстномъ перешейкѣ, укрѣпленномъ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ съ каменными башнями. Онъ

неоднажды взятъ быль Русскими. Когда его бралъ, въ 1736 году, фельдмаршалъ Минихъ, находившійся при немъ издаатель извѣстныхъ записокъ, Манштейнъ, бывшій тогда капитаномъ Санктпетербургскаго grenaderскаго полка (а), разсказываетъ, что ровъ быль двѣнадцати шириной и семи сажень глубиною, а возышавшійся надъ нимъ валъ въ семьдесятъ футъ, и что сначала солдаты наши, смущенные сильною непріятельскою стрѣльбою, отчаявались преодолѣть столько трудностей, но потомъ, спустясь въ ровъ, въ которомъ по счастію не было воды, смѣло подѣли изъ него на противную сторону, по пикамъ и штыкамъ. Устрашенные этимъ Татары тотчасъ разсѣялись, и городъ не замедлилъ сдаться.—Выходя изъ него, чрезъ три мѣсяца, графъ Минихъ взорвалъ крѣпость, сривъ мѣстами и линію, то есть валъ и башни по перешейку. Татары поспѣшили это исправить, но въ 1771 году, князь Долгорукій, взявъ Перекопъ, снова разрушилъ его укрѣпленія, которыя Россіи уже не нужно возобновлять.

О нынѣшнемъ Перекопѣ пишутъ очень раз-

(а) Записки историческія, политическія и военные о Россіи. Часть 11.

лично. Одни говорять, что въ немъ нѣтъ ничего достойнаго примѣчанія; по увѣренію другихъ, крѣпость его еще недавно была въ хорошемъ состояніи.—Разсказывая то, что я видѣла, и какъ оно казалось мнѣ, я не стану обсуживать чужія повѣствованія и повторять, что было уже многими сказано, о происхожденіи, нравахъ и обычаяхъ Тавровъ, Готоевъ, Козаровъ и другихъ народовъ, одинъ за другимъ владѣвшихъ Тавридою. Это совсѣмъ не мое дѣло, и безтолково исполнивъ его, я бы только заставила зѣвать читателей, которымъ давно объявила, что я сама чувствую, какъ мои очерки слабы и недостаточны.

==

Июль 12.

Мы прїѣхали въ Симферополь къ ночи, и, въ хорошо освѣщенной гостинницѣ, нашли покойные комнаты, гдѣ намъ тотчасъ подали чай и плоды. — Проспавъ нѣсколько часовъ, я встала утромъ съ пріятною мыслью, что увижу городъ, который, по Татарскимъ преданіямъ, слишкомъ за триста лѣтъ основалъ нѣкто Ибрагимъ-Бей, на землѣ, подаренной ему Ха-

номъ за побѣду, одержанную надъ Русскими, и гдѣ теперь владычествуетъ Россія, заботясь о благѣ покоренныхъ ею Татаръ.

Мѣстоположеніе Симферополя, на берегу Салгира, очень красиво, но самъ Салгиръ не всегда достоинъ своего громкаго, поэтическаго имени. Мы его видѣли смиреннымъ ручейкомъ, тихо пробирающимся среди раскинутыхъ широко камней, которые онъ, когда случится буря, съ шумомъ и ревомъ ворочаетъ, затопляя берега. При насы ходили чрезъ него куры, и мы сами могли бы легко перейти его, только камни слишкомъ остроугольны, и трудно ступать по нимъ въ тонкихъ башмакахъ.

Разведенный на берегу городской садъ со временемъ будетъ очень пріятенъ. Теперь въ немъ еще мало тѣни, но виды прелестные; съ одной стороны густые, плодовитые сады, съ другой городъ съ красивыми, новыми домами; вдали горы: — по нимъ, играло солнце, и онъ то ярко были освѣщены имъ, то темнѣли въ тѣни. — Надъ всѣмъ этимъ, за двадцать верстъ, поднимался исполинъ здѣшнихъ мѣстъ, пресловутый Чатыръ-Дагъ, или Палатъ-гора, такъ названная по ея широкой, плоской вершинѣ,

издали казавшейся совсѣмъ лиловою. Чудныя картины: и сердцу и глазамъ пріятно смотрѣть на нихъ!

Вообще Симферополь имѣеть веселую наружность: особенно, долго ъхавъ степями, отрадно смотрѣть на него; все подаетъ въ немъ надежду, что онъ быстро процвѣтѣтъ.— Соборъ, во имя благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, основанъ покойнымъ Императоромъ, и постройка его стоила двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Жаль, что стѣны внутри красныя: онъ отъ этого много теряетъ.

Противъ собора, на площади, прекрасный памятникъ князю Василию Михайловичу Долгорукову-Крымскому воздвигнутъ его внукомъ княземъ Долгоруковымъ. Бюстъ изъ бѣлаго мрамора на пьедесталѣ изъ Крымскаго порфира, похожаго на гранитъ, съ барельефами, изображающими подвиги князя.

Передѣлки въ страннопріимномъ домѣ Бѣлозерова-Таранова не позволили намъ быть въ немъ; снаружи зданіе прекрасное, и очень хвалять его внутреннее устройство.— Намъ могли показать только, при городской больнице, непышное, но благодѣтельное заведеніе для дѣтей, которыхъ отцы сосланы въ

Сибирь. Мальчиковъ по девятому году отсылаютъ въ кантонисты, а дѣвочекъ стараются пристроить къ мѣсту, оставляя ихъ въ училище до совершеннаго возраста.

Полагаютъ, что близъ Симферополя, надъ Русскою деревнею Петровское, гдѣ живутъ потомки поселенныхъ здѣсь княземъ Потемкинымъ солдатъ, быль на горѣ древній городъ Неаполисъ, въ развалинахъ котораго находятъ монеты. Мы проѣхали мимо въ Салгирку, дачу съ хорошимъ домомъ и большимъ тѣнистымъ садомъ, купленную княземъ Воронцовымъ у Н. О. Нарышкиной, урожденной графини Ростопчиной. Городскіе жители свободно пользуются этимъ гуляньемъ. Возвращаясь оттуда мы заходили въ мастерскую, гдѣ дѣлаютъ изъ Крымскаго мрамора памятники и разныя вещи. Отдѣлка очень чистая, но въ лавкахъ все продается гораздо дешевле: мнѣ предлагали тамъ за десять рублей серебромъ довольно большую, прекрасную вазу, которая въ Петербургѣ стоила бы втрое дороже. Пріятно было бы приобрѣсти ее, но должно было отъ этого отказаться по невозможности взять ее съ собою.

Симферополь, названный основателемъ его

Акмечеть, или бѣлая мечеть, бывъ у Татаръ второю столицею. Въ немъ живали намѣстники Ханскіе, Калга-Султаны, часто назначаемые Ханами изъ ближнихъ ихъ родственниковъ, и которые по кончинѣ Хана, до избранія другаго, управляли государствомъ.

Воздухъ здѣсь очень здоровый; прежде читавъ обѣ этомъ, я совершенно въ этомъ увѣрилась, познакомившись съ А. С. Ершовой, выпущенной изъ Смольнаго гораздо прежде меня. Посмотрѣвъ на насть обѣихъ, всѣ скажутъ, что я старѣе десятью годами. Она уже несолько лѣтъ живетъ въ Симферополѣ, и купивъ здѣсь домъ, пріятно проводить время между богомольемъ и угощеніемъ путешественниковъ.

Бакчесарай отсюда въ тридцати верстахъ, и намъ бы слѣдовало прямо тудаѣхать, но, какъ уже съ нами случалось, мы очутились на ночь совсѣмъ не тамъ, гдѣ располагали быть. — Насъ увѣрили, что село Альминское гораздо болѣе достойно вниманія, нежели Бакчесарай. Чудно казалось это увѣреніе, но я не рѣшилась спорить съ туземцемъ, занимающимся розыскомъ здѣшнихъ древностей. Я

вообразила, что мы увидимъ, что нибудь особенно любопытное, еще неизвѣстное путешественникамъ, или диковинное мѣстоположеніе, или вновь открытый средства къ обогащению всего края, или наконецъ Татарское семейство отъ племени Гиреевъ, сохранившее всѣ привычки и преданія восточной роскоши. Много мечтала я дорогою о наслажденіяхъ, насыщающихъ, и мы не насладились ничѣмъ, ничего не видали, кромѣ низкаго, очень обыкновенного дома, и обширнаго плодовитаго сада, въ которомъ нынѣшній годъ не было вовсе яблоковъ, потому что прошлаго года ихъ было такъ много, что деревьямъ нужно было отдохнуть.—Именно за тѣмъ насъ и привезли сюда, чтобы мы посмотрѣли почтенные эти деревья, которыя въ хороший годъ даютъ пятнадцать тысячъ рублей и болѣе дохода и подивились близлежащей долинѣ.—Но и въ средней Россіи много доходныхъ садовъ и маленькихъ, зеленыхъ долинъ, и, разсчитавъ прежде всѣ часы, я очень жалѣла, что пропало столько времени, которое мы провели бы въ Бакчесарай. Невозможно былоѣхать туда ночью, должно было покориться судьбѣ, или лучше сказать запла-

тить за свое легковѣrie. Мы отказались отъ ужина и, напившись только чаю, спокойно ночевали, за что тѣмъ болѣе благодарны радушно принявшей насть молодой хозяйкѣ, что она вовсе не ждала незнакомыхъ гостей, и очень грустна была, заботясь о нездоровомъ дитяти.

— 23 —
доз превосходной изысканности (въ
которой несомнѣнно талантъ мастерства отъ
одного изъ лучшихъ мастеровъ въ Европѣ) въ
одномъ изъ самыхъ привлекательныхъ
и интересныхъ памятниковъ. Книгаъ въ
цѣломъ чудесна, и я съ удовольствиемъ
представляю читателю ее превосходную
форму и содержание. Я не могу не сказать
о томъ, что это чудесное произведение
имѣетъ въ себѣ несомнѣнно историческое
значеніе. И, конечно, я не могу не сказать
о томъ, что это чудесное произведение
имѣетъ въ себѣ несомнѣнно историческое
значеніе.

VI.

БАКЧИСАЙ, ДВОРЕЦЪ ХАНСКІЙ. МЕЧЕТИ. КЛАД-
БИЩЕ. САДЫ. СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ.

Іюль 12.

Покоренная Татарами въ первой полови-
нѣ XIII-го вѣка, ограбленная ими и облитая
кровью, знаменитая Таврида скоро лишилась
и своего имени. Она названа была Крымомъ
по богатому городу Крыму, въ которомъ
имѣлъ пребываніе Татарскій Ханъ Ман-

*

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

гу (а), положившій основаніе независимости сво-
его владѣнія. Другіе Ханы живали въ Ка-
расубазарѣ, въ Кафѣ и Чуфутъ-Кале, на-
зывавшемся Киркоръ. Наконецъ, послѣ взя-
тія Турками Константинаopolя, признавшій
надъ собою господство Порты Менгли-Ги-
рей Ханъ поселился въ Бакчесараѣ, гдѣ жили
и его преемники, до самаго присоединенія
Крыма къ Россіи.

Въ первую минуту странно кажется учре-
женіе столицы въ ущельѣ, между голыми
утесами, на берегу ничтожной рѣчки; но
скоро мѣсто это такъ плѣняетъ, что нельзя
вообразить, чтобы гдѣ нибудь можно было
лучше наслаждаться жизнью. И если это
теперь такъ кажется, когда все кругомъ
опустѣло, и въ комнатахъ и на дворахъ,—что
же было, когда всюду толпились здѣсь лю-
ди, въ богатыхъ одеждахъ, готовые исполнять
всѣ повелѣнія своихъ владыкъ, когда всю-
ду блестали алмазы и золото, когда, изъ
дальнихъ и ближнихъ странъ, являлись съ
дарами послы сильныхъ государей, ревно-
стно искавшихъ союза съ Крымскими Ханами,

(a) Histoire du royaume de la Chersonѣse Taurique par Sies-
trzencevicz.

для спасенія своихъ подданныхъ отъ грабежей
и разбоевъ ихъ кровожадныхъ шаекъ.

Мы почти не видали Татаръ въ Симферополь,
и не успѣвъ заглянуть тамъ въ старый городъ,
въ новомъ видѣ все Русское, Европейское:
въ Бакчесараѣ настоящій востокъ—какъ намъ
объ немъ извѣстно по разсказамъ путешествен-
никовъ. Узкая улица, версты на полторы дли-
ною, по которой вѣзжаютъ въ городъ, очень
турно вымощена большими, первовыми ка-
мнями. По обѣимъ сторонамъ ея лавки, одна
возлѣ другой, открытыя, какъ у насть въ гости-
номъ дворѣ; но въ этихъ лавкахъ занимаются
не одною торговлею, а всѣми ремеслами и по-
требностями жизни; въ нихъ и пекутъ, и жа-
рятъ, и кроятъ, и шьютъ, и куютъ лошадей.
Тутъ висятъ, на жару, и опипанныя птицы,
и части мяса, и съ отвращенiemъ отъ нихъ
отворачиваясь, видишь сидящихъ на прилав-
кахъ, поджавъ ноги, Татаръ, въ бѣлыхъ, сѣ-
рыхъ и черныхъ бараныхъ шапкахъ.—Онѣ
очень пристали къ ихъ загорѣлымъ, по боль-
шой части угрюмымъ, почти дикимъ лицамъ,
которыя показались мнѣ еще безобразнѣе,
когда я увидѣла робко пробравшихся жен-
щинъ, съ головы до ногъ, какъ мертвѣцы,

закутанныхъ бѣлыми простынями. Несчастныя эти обречены вѣчному и совершенному рабству; въ нихъ замерли всѣ понятія человѣческія; вся ихъ мудрость и добродѣтель заключаются въ томъ, чтобы не показаться мужчинамъ съ открытымъ лицемъ.—И можетъ быть у многихъ изъ нихъ предки были Христіане, которыхъ жестокими муками (а) принудили отказаться отъ святой вѣры ихъ, свирѣпые побѣдители, всюду ревностно распространявшіе льстящее ихъ самовластію и страстямъ ученіе Магомета, который, называясь посланникомъ Божіимъ, проповѣдывалъ мщеніе (б). — Надъ лавками возвышаются хижины, какъ будто гнѣзда, прильпленныя къ скаламъ, съ которыхъ, кажется, готовы сорваться огромные камни. Все это потрясаетъ чувства и не знаешь, во снѣ или на яву это видишь.

Проѣхавъ въ ворота на дворцовую площадь, гдѣ мечеть съ двумя минаретами, мы остановились подъ другими воротами, и пошли на право, по выкрашенной красной краскою и покрытой цыновками деревянной лѣстницѣ: только съ низу нѣсколько ступеней изъ бѣлого кам-

(а) Siestrzencevicz. — Livre XVI.

(б) Le Koran, chapitre II. — 173—175 (примѣчаніе 3).

кусками баранины, изжаренной на спичкахъ, и соусомъ изъ баклажанъ. Это родъ огурцовъ, лиловаго цвѣта, которыхъ мы проѣздомъ видѣли въ лавкахъ огромный кучи. Мы не полюбились эти кушанья, но черная шелковица, которой я также прежде не ъдала, показалась мнѣ очень вкусна. Она видомъ похожа на Русскую ежевику, но крупнѣе, сочнѣе и гораздо пріятнѣе. Она освѣжила меня лучше абрикосовъ и сливъ, которыхъ цѣлое большое блюдо принесъ здѣшній голова, Татаринъ почтенаго вида.

Близъ судейской залы, съ особымъ входомъ изъ тѣхъ же сѣней, четыреугольная комната съ возвышенными диванами; въ ней уже не одни окна, а вся нижняя стѣна изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, за которыми прелестные кусты и деревья, странно оттѣняемыя, кажется, просятся въ комнату, чтобы насладиться свѣжестью бывающаго по срединѣ, одѣтаго бѣлымъ мраморомъ фонтана. Потолокъ красный съ золотомъ: вообще потолки здѣсь красные, голубые, или зеленые, деревянные подъ лакомъ; по нимъ кѣтками золоченые бруски съ золочеными звѣздочками. Надъ дверьми красная, или другаго цвѣта столярная работа съ выпуклыми, золочеными цвѣтами, а на самыхъ дверяхъ грубо написан-

ные съ цветами кувшины или пейзажи съ золотыми и черными обводками.—Все это восстановлено, по старымъ рисункамъ, въ 1837 году, къ приѣзу Императорскому. Тогда же въ замѣнъ бывшихъ при Ханахъ парчей и бархатовъ, отъ которыхъ ничего не осталось, куплены въ Константинополь шитыя золотомъ и серебромъ шелковыя матеріи. Мы ихъ видѣли въ кладовыхъ, гдѣ теперь хранятся онъ вмѣстѣ съ зеркалами восточного вкуса, рамы которыхъ также изъ зеркаль, или разрисованы на стеклѣ, по темному грунту цветами, а по красному арабесками, черною и бѣлою краскою съ золотомъ. Чемъ все это пестрѣе, тѣмъ выше цѣнится, и дѣйствительно, очень красиво: можно бы и у насть дѣлать такія рамы.—Камины, говорять, всюду были мраморные, но вмѣстѣ съ дорогими столами и ящиками, давнымъ давно, разными людьми, разнесены въ разныя стороны. Теперь они вовсе не роскошны, просто каменные, или кирпичные башенки, въ которыхъ дрова горятъ почти на полу. Только окна остались въ первобытной красотѣ своей; у насъ еще не отдѣлываются ихъ такъ хорошо.

Изъ тѣхъ же сѣней съ фонтанами входъ и въ домовую мечеть, основанную Селаметъ-Ги-

реемъ, въ 1740 году. Въ ней въ низу окно въ садъ, гдѣ бассейнъ, и еще пѣсколько оконъ вверху. Она совсѣмъ оставлена, и кажется невозможно, чтобы тутъ, въ Ханскомъ дворцѣ, была когда нибудь, какъ нынче многіе думаютъ, церковь для любимой Ханской жены Маріи, какъ называлъ ее Пушкинъ, или Дильяры, какъ зовутъ Татары.—Только самъ обратившись въ Христіанство, могъ на это согласиться Керимъ-Гирей, не заботясь о слѣдствіяхъ: иначе онъ не могъ рѣшиться на поступокъ, который равно бы раздражилъ и его дикихъ подданныхъ и Тураецкаго султана, распоряжавшаго его участью.

Другая обширная мечеть чрезъ дворъ, обсаженный раинами и разными деревьями. На задней стѣнѣ ея глубокая впадина съ лѣниво работою, въ которой хранится коранъ; его читаютъ по пятницамъ, и для этого двѣ каѳедры, одна на подобіе башенки, куда всходить по довольно высокой лѣсенкѣ съ перилами, другая проще и ниже съ подставою лѣстницею.—Эта часть мечети, назначенная двору и вельможамъ, ступеню выше. По бѣльмъ стѣнамъ съ разноцвѣтными окнами надписи изъ корана. На срединѣ вмѣсто паникадила красная, деревянная звѣзда, со множествомъ лампъ и яицъ. По-

толокъ также красный; съ трехъ сторонъ хоры съ частыми деревянными рѣшетками.—Я подумала, что тутъ молятся женщины, но мулла сказъ мнѣ, что, хоры сдѣланы для народа, а женщины молятся дома, что ихъ не допускаютъ въ мечети. Услышавъ это, при самомъ началѣ, мы опасались идти впередъ, но старшій мулла почтительно приглашалъ насъ все осмотрѣть, и самъ подвелъ къ своему святынишу, гдѣ, какъ я уже сказала, хранится коранъ.—Не странно ли такое почтеніе къ женщинамъ, по мнѣнію ихъ невѣрнымъ, и пренебреженіе къ своимъ матерямъ, женамъ и сестрамъ? Не показываетъ ли это, что они только по привычкѣ и невѣжству чествуютъ Магомета, забывая, что самъ онъ призналъ Мессіей Іисуса, а Марию Святою Дѣвою (а).

Мулла видѣлъ, какъ я крестилась въ мечети, усердно молясь Спасителю міра, чтобы Онъ просвѣтилъ умы этого народа, среди которого родился мой предокъ, умерший въ Россіи ревностнымъ Христіаниномъ, о которомъ отъ всей души жалѣла я, видя, что у него подобная мнѣ женщины наравнѣ съ домашними животными, зная, что и за предѣлами гроба всѣ они

(а) Le Koran.—Chapitre III.—40.—(Примѣчаніе 4.)

ждутъ только чувственныхъ наслажденій (а). Особенно жаль мнѣ стало ихъ послѣ молебствія, или лучше сказать пляски дервишъ, которую смотрѣли мы вечеромъ съ хоръ. Дервиши стояли на коврѣ кружкомъ, одинъ пѣлъ, другіе хоромъ повторяли: алла. Сначала звуки были довольно пріятны, но мало по малу пѣвцы воспламенялись, голоса ихъ сипли; они сошли съ ковра, обнялись по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, кричали громче, алла, алла.—Наконецъ крикъ ихъ превратился въ лай: мнѣ стало тяжело, даже стало страшно, и мы обѣ ушли изъ мечети, не дождавшись конца этого безумства.

Близъ мечети два восьмиугольныхъ зданія съ куполами, называемыя дюрбе, надъ которыми, на четырехъ мѣдныхъ шарахъ, возвышается луна. Въ нихъ четырнадцать гробницъ; Ханская, съ подъемными крышами, отличаются поставленными въ головахъ зелеными чалмами, обернутыми бѣлымъ полотномъ; прочія Ханскихъ женъ или дѣтей, просто накрыты чернымъ бархатомъ; во всѣхъ вообще насыпана земля, а тѣла погребены въ подпольѣ.

(а) Le Koran.—Chapitre III.—13,—Chapitre XIX.—62, 63.—
(Примѣчаніе 5.)

Особенно замѣчательны гробницы Девлетъ-Гирея и Магмутъ-Гирея, съ Турецкими надписями и богатою выпуклою работою.

Въ первой дюрбе восемь оконъ и столько же дверей. По срединѣ, какъ въ мечети, деревянная звѣзда изъ трехъ треугольниковъ со стеклянными лампадами и деревянными яицами: число три изображаетъ у Магометанъ имѧ Соломоново. Въ углахъ двѣ впадины, куда ставятъ свѣчи, но обѣ этомъ только сказали намъ: мы не видали ни свѣчъ, ни корана. Въ другой дюрбе почти все то же, только уже окна.

Большая часть Хановъ съ ихъ семействами погребены на открытомъ воздухѣ. Мы остановились у красивой бѣлой, мраморной гробницы Керимъ-Гирея. На ней стоять горшки съ цветами, и я сорвала на память вѣтку левкоя. Между гробницами ростутъ плодовитыя деревья; муллы потрясли ихъ, и около насыпей цѣльми сотнями посыпались сливы, абрикосы и груши. — Деревья эти не питались прахомъ истлѣвшихъ подъ каменными памятниками Хановъ, они только были свидѣтелями усердія потомковъ Ханскихъ рабовъ, которыхъ, во время жизни ихъ, во-

все не заботились беречь тѣ, чьи могилы теперь такъ усердно сберегаются. И трогательно и страшно видѣть это благоговѣніе Татаръ къ давно умершимъ ихъ, по большой части, жестокимъ властителямъ.—Неужели они жалѣютъ о временахъ губительныхъ набѣговъ? или, можетъ быть, увлекаются они невольнымъ чувствомъ признательности за то, что Ханы ихъ, разучась побѣждать, передали Крымъ Россіи за спокойствіе, которымъ теперь наслаждаются, за темное предчувствіе, что рано или поздно будутъ они имѣть счастіе исповѣдывать истинную вѣру.

Гаремъ, прежде примыкавшій ко дворцу, былъ очень обширенъ; большая часть его разобрана за ветхостью; осталось немногого комнатъ, довольно веселыхъ, съ разноцвѣтными большими окнами и шкафами съ этажерками. На улицѣ, у самой стѣны, мраморный фонтанъ, и среди двора другой: пріятно было бы прожить тутъ лѣто.—Еще прекрасный фонтанъ, въ такъ-называемомъ Персидскомъ саду, въ бесѣдкѣ съ колоннами, льется широкою кистью въ бѣлый мраморный бассейнъ; кругомъ возвышеніе, на которомъ, вѣроятно, были диваны, и,

по уцѣльвшиимъ сверху окнамъ, нельзя сомнѣваться, что и внизу между столбами сплошь были стекла. Едва ли не тутъ Пушкинъ придумалъ Бакчисарайскій фонтанъ свой: тутъ гораздо удобнѣе могли рѣзвиться и играть жалкія затворницы, ожидая своего властелина, нежели въ саду около бассейна, положеніе которого несходно и съ описаніемъ поэта.

Садовникъ принесъ намъ тарелку плодовъ; онъ былъ въ черной бараньей шапкѣ и полосатой курткѣ съ узкими, короткими рукавами, изъ-подъ которыхъ висѣли широкіе, точно такого покроя, какъ наши модные рукава Греческіе. Любопытно знать, случайно ли это вышло, или кто нибудь вздумалъ вывезти отсюда эту моду, забавляясь, что въ Петербургѣ будуть восхищаться, дорого платя за новый фасонъ рукавовъ, которыми здѣсь даромъ снабдили бы Татарскіе мужики.

Противъ большихъ воротъ, по незастроенной сторонѣ двора, остатки нѣкогда великолѣпныхъ Ханскихъ садовъ, въ четыре уступа; верхній не шире, кажется, трехъ сажень. Всюду можно гулять въ самый зной подъ тѣнью огромныхъ орѣшинъ и другихъ плодовитыхъ деревьевъ, а иногда и совсѣмъ подъ крышею густо

сплетшагося винограду.—Все это одичало, всюду пусто; по мнѣ кажется, не дорого бы стало все возобновить, только бы найти человѣка, искуснаго въ хозяйствѣ, который бы истинно любилъ природу и, не слишкомъ заботясь о собственной прибыли, ревностно стремился доказать, что подъ Русскимъ скрипетромъ все цвѣтеть и совершенствуется. Здѣсь не пропадутъ труды и издергки: подъ рукою опытною и усѣрдною они будутъ скоро съ избыткомъ пограждены. Мнѣ сказывали въ Симферополѣ, что случалось отъ одной яблони, конечно не со всякой, въ годъ получать восемь сотъ рублей ассигнаціями, и два, три Татарскія семейства живутъ здѣсь доходомъ съ одного орѣхового дерева.

Виды всюду прелестные, особенно съ высокой рѣшетчатой башни, куда приходили гаремныя невидимки тайно любоваться живописнымъ городомъ съ его домами, садами и рощами, за которыми поднимаются сѣрыя каменные горы, откуда всюду проведена чистая, здоровая вода, равно необходимая людямъ, скоту и растеніямъ. Снабжая ею, безчисленные фонтаны прохлаждаютъ воздухъ. Между ними особенно замѣчательенъ фонтанъ новѣйшихъ временъ,

сь Турецкимъ вензелемъ въ Бозѣ почивающаго
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

На желѣзныхъ дворцовыхъ воротахъ надпи-
си: 1. «Владѣтель воротъ этихъ, пріобрѣвшій эту
«область, высочайшій Ханъ Хаджи-Гирей,
«сынъ Менгли-Гирея! Да удостоитъ Господь
«Богъ даровать верховное блаженство Менгли-
«Гирей Хану, отцу его и матери.» По ниже:
«2. Сооруженіе этихъ воротъ повелѣно владыкою
«двухъ морей и двухъ областей, Хаджи-Гирей
«Ханомъ, сыномъ Менгли, Гирей Хана, сultана,
«сына сultанскаго, въ 953 году (1540).»

Въ Крыму царствовали два Менгли-Гирея,
но по выставленному году видно, что ворота
сдѣланы сыномъ первого, избравшаго столицею
Бакчесарай. Сестренцевичъ изображаетъ Хана
этого, неоднажды опустошавшаго Польшу, сви-
рѣпымъ, безсовѣстнымъ разбойникомъ, но мы
должны иначе судить о немъ, помня, какъ до-
рожилъ его дружбою положившій твердое
основаніе могуществу Россіи Великій Князь
Іоаннъ Васильевичъ, великий саномъ и дѣлами.
Безъ тѣснаго съ нимъ союза едва ли бы могъ
онъ свергнуть ослабленное, но еще тяжелое и
позорное иго Золотой орды. Правда, по кончи-
нѣ Великаго Князя, Менгли, за обѣщанные ему

ежегодно Польшею пятнадцать тысячъ червон-
цевъ, допустиль сыновей своихъ грабить Рос-
сію, но въ глубокой старости онъ былъ уже
невольнымъ орудiemъ своихъ приближенныхъ.

Бакчесарай взятъ былъ фельдмаршаломъ
Минихомъ въ 1736 году, Іюня 27, и онъ, овла-
дѣвъ имъ, по разсказу очевидца, капитана Ман-
штейна, сжегъ и городъ и дворецъ. Съ того
времени Ханы, постепенно теряя свое могу-
щество, уже не имѣли прежнихъ средствъ удо-
влетворять роскошныя свои прихоти, и нельзя
сомнѣваться, что прельщающіе теперь насть
Бакчесарайскіе чертоги далеко отстали отъ
прежнихъ, какъ называется ихъ Манштейнъ,
огромныхъ зданій (а). Можетъ быть отъ нихъ
упѣлъ только желѣзныя ворота, которыя уда-
лось скрыть въ горахъ съ другими туда увезен-
ными вещами.

Домовая мечеть построена Селаметъ Ханомъ,
спустя четыре года послѣ взятія Бакчесарая,
а знаменитый фонтанъ слезъ здѣланъ уже въ
1763 году Керимъ-Гиреемъ.—Но какъ и те-
перь здѣсь хорошо; разноцвѣтныя стекла, умень-
шая блескъ солнечныхъ лучей, разливаютъ нео-

(а) Записки историческія, политическія и военные о Россіи.
Часть 11.

быкновенный, таинственный свѣтъ; душистый въздухъ и журчанье фонтановъ располагаютъ къ сладостнымъ мечтамъ!—Воображаю, каково было Шагинъ-Гирею навсегда покинуть очаровательныя мѣста эти, преклонить колѣна передъ женщиною, переселиться среди торжествующихъ Христіанъ!—Екатерина присоединила Крымъ къ Россіи, въ 1783 году, не одною силою оружія, но и искусствами переговорами. Когда она чрезъ четыре года посѣтила древнюю столицу Ханскую, ее съ восторгомъ приняли Татары, и съ тѣхъ поръ у вѣзда въ дворцовыя ворота двуглавый орелъ какъ будто наблюдаетъ, съ бѣлага каменнаго столба, за спокойствiemъ вновь ввѣренного ему края. Подъ нимъ надпись: «Блаженной памяти Императрица Екатерина изволила быть въ Бакчисараѣ 1787 года Маія 14.»

Получая приличное высокому сану его содержаніе, Шагинъ-Ханъ вообразилъ, что ему гораздо будетъ пріятнѣе жить въ Константинополѣ, нежели въ Калугѣ, куда перенѣхалъ онъ изъ Воронежа (а), и отправился туда по согласию Екатерины, но тотчасъ по его прибытіи Султанъ сослалъ его на островъ Родосъ, неоднажд-

(а) Киевскій Синопсисъ 1836.

ды служившій мѣстомъ заточенія его предшественникамъ, и онъ, бѣдственно погибая отъ рукъ своихъ единовѣрцевъ (а), долженъ былъ горько жалѣть, что не захотѣлъ умереть между Христіанами, неспособными мстить за все, что нѣкогда Русскіе Князья и вся Россія потерпѣли отъ Татаръ.

Мы нашли во дворцѣ, кромѣ живущаго здѣсь поліцеймейстера, господина Бларамберга, сына известнаго ученаго, оставившаго много любопытныхъ сочиненій о древностяхъ здѣшняго края. Онъ присланъ сюда все изготовить къ прїѣзу Великаго Князя Константина Николаевича, и вмѣстѣ съ П. Г. Максимовичемъ, прежде бывшимъ флотскимъ офицеромъ, всюду провожалъ насть.

Насть пригласили посмотреть свадебный Татарскій пиръ. Съ радостью принявъ это предложеніе, мы отправились въ маленькой бричкѣ, по той же длинной, тряской улицѣ съ лавками, по которой вѣзжали въ городъ, въ домъ квартального, нѣкогда служившаго фельдфебелемъ въ Петербургѣ, въ Крымскомъ эскадронѣ, гдѣ онъ произведенъ былъ въ офицеры. У него женился сынъ, и онъ, встрѣтивъ насть

(а) Siestrzencevicz. Livre XVI.

на дворѣ, представилъ намъ въ сѣняхъ жену свою, и женщины, подхвативъ насъ обѣихъ подъ руки, повели въ комнату и тамъ посадили на низенькій диванъ.—Надъ нами, по всему потолку, висѣли на снуркахъ, вмѣстѣ съ приданымъ молодой, вышитые платки и полотенцы, которые она задолго до свадьбы начала готовить для будущаго мужа.

Провожавшиѣ насъ мужчины остались на дворѣ, гдѣ очень не дурно плясали Татары, по нестройной Цыганской музикѣ, и кривялся шутъ въ дурацкомъ кампакѣ, котораго Бларамбергъ нарисовалъ мнѣ на оборотѣ визитной карточки, не имѣвъ другаго лоскутка бумаги. Окна были отворены, и съ улицы можно было хорошо видѣть женщинъ, сидѣвшихъ безъ покрывалъ на диванахъ и разостланныхъ на полу тюфякахъ. Нѣкоторыя были очень нарядны, въ бархатныхъ и атласныхъ расшитыхъ платьяхъ, кругомъ, а у иныхъ и то всѣмъ швамъ, обшитыхъ галунами, и въ шитыхъ золотомъ широкихъ поясахъ съ огромными серебряными застежками прекрасной работы. Но почти всѣ были или совсѣмъ босыя, или въ желтыхъ сафьянныхъ туфляхъ на босую ногу.

Всѣхъ пригоже собою была молодая; по

ихъ обычаямъ, она цѣлья шесть недѣль никому не должна показываться, но по особенному снисхожденію ее выводили къ намъ на нѣсколько минутъ. Шея и грудь были у нее совершенно закрыты сизанными въ нѣсколько рядовъ золотыми Турецкими монетами, и свекровь ея открыла намъ ея лицо, сверхъ дымковаго покрывала закутанное шелковымъ.—Принужденная прежде цѣловаться со всѣми подходившими ко мнѣ Татарками, я поцѣловала съ большимъ удовольствиемъ молодую, милую женщину, которой черты выражали величайшую кротость. Но я не могла уговорить, чтобы ее взяли меня посадили, и она, ставъ на колѣна хотѣла, поцѣловать у меня руку, а между тѣмъ накинули намъ обѣимъ на головы аршина по два вышитой шерстью кисеи. Это былъ подарокъ молодой, за который, вовсе не предвидѣвъ этого, мы могли отдарить ее только деньгами, которыя нашлись въ кошелькахъ нашихъ.

Это былъ истинный востокъ. Намъ кланялись приложивъ руки ко лбу, подавали все на колѣнахъ, и, хотя мы были не у вельможъ, все было очень вкусно, кофе и шербетъ, и въ прекрасной посудѣ.—Все время плясали женщины; пляска ихъ напоминаетъ Русскую, но во-

близости живутъ Цыгане; они долго провожали насъ, пока не догадались мы кинуть имъ деньги, со своею дикою музыкою, впрочемъ согласною съ ихъ дикими лицами и чудною картиною высокихъ, каменныхъ скаль, между которыми ѿхали мы въ тѣсномъ ущельѣ. Эти скалы, съ отверстіями, похожими на окна, можно почесть стѣнами древней крѣпости, или лучше сказать нѣсколькихъ, огромныхъ крѣпостей.—Но что бы стоило вѣковыхъ доходовъ сильнѣйшихъ въ мірѣ Царствъ и миллионовъ рукъ человѣческихъ, было воздвигнуто единымъ словомъ. Я не боялась, чтобы овцы, укрывавшіяся подъ утесами, мѣстами внизу обвалившимися, или выломленными, были ими задавлены, увѣренная, что Всемогущая рука, создавшая эти громады, не допустить кроткихъ животныхъ подъ ними погибнуть.

Подъхавъ къ монастырю, вѣрнѣе сказать къ церкви Успенія Божіей Матери, мы по высокой, высѣченной въ камѣ лѣстницѣ взошли на деревянный балконъ, непонятно какъ укрѣпленный въ такомъ мѣстѣ, и я, посмотрѣвъ на глубокое подо мною ущелье, на крутою противъ меня гору, на ясно голубое небо, съ уми-

лениемъ почувствовала, что здѣсь не нужны мірскія удовольствія, и вполнѣ можно насладиться однимъ созерцаніемъ величія Божія. Есть преданіе, будто бы тонувши на Черномъ морѣ плаватели, бывъ спасены въ день Успенія Божіей Матери, по данному ими обѣту, выдолбили здѣсь въ каменной горѣ существующую нынѣ церковь съ куполомъ. Она довольно пространна, и въ ней все, даже подсвѣчники, изъ того же камня.—Мы просили отслужить намъ молебенъ. Трогательно было это молебствіе. Престарѣлый протопопъ Бакчисарайскаго собора, кромѣ котораго нѣтъ теперь здѣсь другаго священника, усердно молился, какъ настоящій отшельникъ, предпочтій міру эту пустынню, и ликъ Божіей Матери, чрезвычайно привлекательный, казалось приглашалъ насъ оставить здѣсь всѣ заботы и думы житейскія.

Мы заходили въ келейку, гдѣ живетъ старушка, посвятившая себя смотрѣнію за церковью; мнѣ хотѣлось съ нею поговорить, но мы были не далеко отъ Чуфутъ-Кале, который также любопытно было поглядѣть, и время не позволяло медлить. Я однако простояла минуту на выдавшейся изъ горы площадкѣ, гдѣ погреба-

ють Христіанъ, и на памятникѣ изъ Крымскаго порфира прочла, что тутъ лежитъ семнадцатилѣтняя дочь генерала Потапова. Дивное кладбище; здѣсь не засыпаютъ землею гробы, а ставятъ ихъ, будто въ склепѣ, вырубая мѣсто въ горѣ; иныхъ по желанію хоронятъ также въ церкви.

Изумленная всѣмъ, что видѣла, я еще болѣе изумилась, когда вдругъ, на вершинѣ огромнаго, прямаго утеса, показался, какъ будто изъ него высѣченный, рядъ домовъ. Но прежде, нежели успѣла я разсмотрѣть ихъ, бричка наша остановилась, и насть встрѣтилъ раввинъ Соломонъ-Бейшъ, приглашая посѣтить Чуфутъ-Кале, жилище здѣшнихъ Караймовъ. Онъ повель насть въ такъ-называемую долину Іосафатову, гдѣ издревле кладбище Еврейское. Вѣковые дубы и другія деревья осѣняютъ тамъ множество каменныхъ гробницъ, испещренныхъ Еврейскими надписями, и раввинъ сказалъ намъ, что тутъ погребено уже сорокъ тысячъ человѣкъ. Можетъ быть: въ 1840 году, ученый Караймъ Авраамъ Фирковичъ отыскалъ здѣсь гробницу Исаака Сангари, умершаго слишкомъ за тысячу лѣтъ, который, по преданію, обратилъ въ Еврейскій законъ владѣвшихъ тогда Тা-

вридою Козарь (а). Гордясь этимъ, раввинъ не-премѣнно хотѣлъ показать намъ гробницу Исаака, но вдругъ пошелъ дождь, и мы, распустивъ бывшие съ нами по счастью зонты, не оглядываясь побѣжали въ Чуфутъ-Кале къ раввину, который тотчасъ принялъ насть подчивать чашемъ, заренными, и, что всего было лучше, Константинопольскими конфектами. У него очень чисто въ комнатѣ, убранной въ Татарскомъ вкусѣ, съ разметанными по потолку золочеными звѣздочками. Домъ стоитъ на краю отвесной горы; окна съ трехъ сторонъ и виды прелестные. Когда прошелъ дождь, вдали заиграли въ морѣ лучи заходящаго солнца. Очень жалью, что не учились рисовать съ натуры.

Осматривая комнату, увидѣла я на стѣнѣ, въ рамкѣ, неизвѣстныя мнѣ письмена. Я спросила обѣихъ хозяина.

—«Это, отиѣчаль онъ, мое сочиненіе, слабое подражаніе извѣстному народному гимну «Боже Царя храни» знаменитаго Василья Андреевича Жуковскаго,» и по желанію моему обѣщала мнѣ доставить переводъ, который предлагаю вмѣстѣ съ подлинникомъ.

(а) Записки Одесского общества исторіи и древностей. — Томъ 1.

ГИМНЪ БОГУ.

1.

Во свѣтлости лица Царева жизнь. О Ты, Спаситель, живущій вовѣки, Внемли воплю Израиля! Ниспошли свѣтъ Твой, чудное спасеніе Твое, на славу Царя крѣпкаго и благочестиваго—славы силь нашихъ!

2.

Призри съ высоты небесъ на народъ Твой, призывающій имя Твое во гласъ молитвы и моленія своего!

Внемли, Отецъ небесный, молитвамъ его (твоего народа), которыя онъ возносить къ тебѣ въ своихъ собраніяхъ!

3.

Ты, Царю вселенной, ниспосымаешь Монархамъ спасеніе, на которое они уповаютъ. Благослови и спопѣшствуй пути Царя правосуднаго, неоцѣненнаго, чтущаго Тебя (Боже), дивный и праведный!

4.

Великій Государь! Крѣпость и утвержденіе наше! Счастіе его постоянно увеличивается; имя его преславно, и какъ благъ совѣтъ его!

1.

בָּאַלְבָּ פְּנֵי מֶלֶךְ חַיִם
שִׁירְכָּן עַד הַגְּרָאֵל .. פְּנֵה נָא אֶל
שְׂרוּעָת יִשְׂרָאֵל .. שְׁלָחָן אֶלְךָ .. הַפְּלָאָעָה
עַל הַרְדֵּן .. אֲדִיר מֶלֶךְ .. יִקְרָא תּוֹלֵה
גָּאָרָן עַזְּנָה ..

2.

הַבְּטָמֵנִיה .. עַל עַמָּךְ
קְלָרָאִים שְׁמָךְ .. בְּקָרָל רְנָתָם .. וּבְתָחְנָתָם
הַקְּשָׁב .. לְרֹוב שִׁיחָתָם .. בְּמַקְהָלָתָם
אַתָּה אָבִינוּי ..

3.

נוֹתֵן לְפָלָכִים .. יְשֻׁעָה חֲלָכִים
מַרְשָׁלְ פָּלָכִים .. אֲנָא תְּבָרֵךְ .. תְּצִילֵת דָּרָךְ
תְּמִימִס .. מֶלֶךְ יוֹקִירָה .. אֵין לוּ עַדְךָ
אֲדִיר צְדָקָנִי ..

4.

אַמְפְּרָאָטוֹר גְּדוּלָה .. עֹוז וּמְגַדָּרָל
טִיבָּר לֹא יְחִיל .. מְכִיבָּד שְׁמָרָ .. וּמָה טָרָב טַעֲמָר

Онъ милосердъ, благочестивъ, прекрасенъ, праведенъ и незлобивъ! Онъ вѣнецъ главъ нашихъ!

5.

Кто, будучи подобенъ Богу, въ праведности исправляетъ недостатки, пожигаетъ терніе, изливаетъ щедроты на бѣдствующій, трепещущій и скитающійся народъ? Не узрятъ несчастія тѣ, которые тщательно будутъ исполнять слово Царя нашего.

6.

Родъ Его возвеличенъ, окружень всѣми благами. Августѣйшая Его Супруга, первородный Сынъ Его и все Августѣйшее Потомство и блаженное съмѧ Его, избранника Божія, свидѣтельствуютъ о его добродѣтеляхъ.

7.

Да наслаждаются Они долголѣтіемъ безмятежной жизни; да умножится радость Ихъ, да возвеличится благодать Ихъ, да облекутся Они въ блестящую славу, да увеличится счастіе Ихъ, ибо—въ этомъ спасеніе наше!

8.

Всѣ правители, всѣ поданные Его, повинующіеся волѣ его, хранящіе Его велѣнія, да процвѣтаютъ во спасеніи, да освѣщаются свѣ-

חַמְןָן
יָקֵר בְּנָעֵמָר · צָדִיק בְּפָמָר
נָדֵר דָאשְׁלָה

5.

מֵי כָּאֵל צָדִיק .. תָּקוּ בְּדִק
וּמְכֻלָּה תָּהִק
גָּוֹטֶל חֲסִידִים .. לְנַעֲשֵׂת מְדִינָה
עַם לְל ..
לֹא יַרְאֶה אִזְׁדִּים .. כֹּל הַחֲרָדִים
לִדְבָּר מְלֵפָה

6.

בֵּית מְרוּם מְדֻעָה .. לְטוּבָה עַד
פְּרוֹבָּב כָּל מְסֻעָה
נָוֹתֵךְ יְכָרְלָה .. בְּנוֹל בְּכָרְלָה
עַם כָּל ..
יְלִדי פְּאַרְלָה .. וּזְרַע אַשְׁרָה
בְּחִיר צִירָה

7.

יְמַצָּאוּ לְבִּחְיָה .. לְשַׁבְּעַתִּים
בְּאָרֶן יְדִים ..
וּרְבָה שְׁשָׁלָנָם .. וּוּגַדְלָה חַנָּם
יְעַטָּה ..
צְבִּי גָּאָלָנָם .. וּוּרְבוּם קְרִינָם
פְּרִי זָה יְשִׁיעָנָה ..

8.

כָּל שְׁרִיר עַבְדִּיו .. תְּתַת יְדוֹ

томъ, да будетъ счастливъ путь ихъ во всемъ,
да живутъ въ радости, по волѣ Творца нашего!
9.

Преклонимъ колѣна, простремъ руки наши
къ небесамъ!

10.

Боже невидимый! Споспѣшствуй миру Ца-
реву! Велѣнія властителя нашего блестящи,
какъ сафиръ и алмазъ.

11.

Да преклонятся предъ Нимъ всѣ возстающіе
на Него, да успокоятся и да насладятся миромъ
Его народы. Да исполнитъ Спаситель Его всѣ
Его желанія, да процвѣтаетъ миръ въ Его воин-
ствѣ, спокойствие въ предѣлахъ Его государ-
ства, и посреди нашего народа (Евреевъ).

12.

Господи силою Твою возвеселится Царь и
о спасеніи Твоемъ возрадуется зѣло, сказано въ
Писаніи (а).

(а) Переводъ исправленъ въ С. Петербургѣ, господиномъ
Профессоромъ Левисономъ, и много отъ этого выигралъ.

שָׁרֶםֶל פְּקוּדָיו
יִשְׁעַ יִפְרֹחַ אֲבָאָר וּזְרֹחָה
דָּרְכָם
בְּפֶל יִצְלִיחָל .. יְהִוָּי שְׁמָה
כְּרַצֵּן קְרֻנָּה

9.

נִכְרָע עַל בְּרִכִּים .. לְפָנֵי שְׁמִיטָה
נִפְרָשׁ כְּפָרָם

10.

אֱלֹהִי שְׁלוֹת .. תִּקְדַּם הַלּוֹת
פָּנֵי
מֶלֶךְ בְּשְׁלוֹת .. סְפִיר יְתָלָות
גּוֹרָת מָרְנָה

11.

יְכַרְעַ. לְ קָמִיר .. וְנִתְהַעֲפִיר
יִשְׁמָח בְּשְׁלֹרְמִיר
יְפִיק גְּרָאָל .. אַת כֵּל מְשִׁיאָלָר
יִפְרָח
שְׁלָלָם בְּחִילָּה .. שְׁלָלוֹה בְּגִבּוֹלָה
וּקְהָל עַפְנָה

12.

כְּתִיב הָ בְּעֵהָה יִשְׁמָח מֶלֶךְ גְּבִישָׁה עַתָּה
מָה יַגֵּל מַאֲד

Соломонъ Бейшъ, человѣкъ довольно образованный, предложилъ мнѣ, напечатанную за два года, въ прибавлениіи къ Таврическимъ губернскимъ вѣдомостямъ (а), любопытную статью о Караймахъ, какъ называются Евреи, буквально съѣдующіе библіи. Вообще Евреи, Талмудисты, или Раввинисты, прибавляютъ къ библейскимъ книгамъ разныя преданія, будто бы завѣщанныя праотцами, отъ чего происходит много различія не только въ обрядахъ, но и въ самомъ законѣ. Талмудисты женятся на братнихъ вдовахъ, что запрещено Караймамъ; за то первые гнушаются многоженствомъ, а послѣдніе могутъ имѣть четырехъ женъ, что у нихъ осуждается однимъ общимъ мнѣніемъ. Впрочемъ Караймы пріобрѣли гораздо болѣе довѣрія, и имъ предоставлены разныя права, которыми не пользуются прочіе Евреи. Въ Крыму восемь сотъ Караймскихъ семействъ; въ одномъ Чуфутъ-Кале ихъ около полутораста.

— Въ Россіи, сказалъ Соломонъ, живетъ нашихъ братій болѣе нежели въ какой нибудь другой землѣ: нигдѣ не поступаютъ съ нами такъ мило斯tиво.»

(а) № 44—1843.

— «Нельзя этому дивиться,» отвѣчала я, съ душевнымъ удовольствіемъ выслушавъ горячую похвалу раввина Караймскаго Царяма нашимъ, «наши Государи въ полномъ смыслѣ Христіане.»

Раввинъ за это не разсердился, и потомъ, послѣ Царской актены, помолился и обо мнѣ.— И я молилась о Евреяхъ, какъ прежде молилась о Магометанахъ. «Да будетъ едино стадо, и «единъ пастырь» (а). «Отъ человѣка сіе невозможно есть, отъ Бога же вся возможна» (б).

Дождь помышдалъ намъ прийти во время въ синагогу; наканунѣ субботы не зажигали въ ней огня и мы могли только разсмотрѣть, что въ ней очень много лампадъ. Положенное число ихъ семь, въ память семидневнаго сотворенія міра: лишними жертвуютъ по усердію.

Взглянувъ на красивый памятникъ дочери Ханской, бывшей, какъ рассказываютъ, жертвою любви ея къ Христіанину, пошли мы къ бричкѣ, ждавшей насъ у воротъ древней крѣпости, здѣшнею большою, но притомъ очень тѣсною улицею, съ самородною каменною мостовою. По обѣимъ сторонамъ ея одни дома разваливаются; изъ другихъ хозяева, соскучивъ въ

(а) Св. Евангеліе отъ Иоанна.

(б) Св. Евангеліе отъ Матея.

этой каменной пустынѣ, переѣхали въ Бакчисарай, въ Евпаторію и въ Одессу. Темные проулки не шире, коли не уже двухъ аршинъ, пересѣкаютъ эту улицу.— Все здѣсь странно; это осо-бый міръ; это похоже на волшебную сказку, на смутное сновидѣніе.

На возвратномъ пути въ Бакчисарай прово-жали настъ съ огнемъ; безъ этого нельзя было бы безопасно доехать. Ночь была темная, горы еще чернѣе; тѣмъ казались онѣ выше, тѣмъ ярче блисталъ огонь, тѣмъ величественнѣе пред-сталъ чудный, роскошный дворецъ.— Воздухъ благоухалъ: въ цемъ какъ будто носилась жизнь, исполненная здоровья, чувствъ и мыслей. Та-кая жизнь, верхъ земнаго блаженства, нико-го не утомитъ, никому не наскучитъ; старики и молодые равно могутъ наслаждаться ею! Жалки тѣ, въ комъ такая ночь, такой воздухъ, такія горы не пробуждаютъ горячей любви и безусловной покорности ко Всесильному, Бла-гому ихъ Зиждителю.

==

Іюля 13.

Только что встали мы, заложили намъ каре-ту, и мы отправились въ Коралесь къ княгинѣ

Балатуковой, вдовѣ извѣстнаго князя Адиль-Бея, посмотрѣть, какъ живетъ знатная Татар-ская госпожа, и отъ нее сѣздить въ Мангупъ-Кале и Черкесъ-Керменъ. День былъ чудесный; гладкая, живописная дорога, то шла между ви-ноградниками и орѣховыми деревьями, то меж-ду зелеными горами, съ огромными каменными вершинами. Мы не видали какъ проѣхали пят-надцать верстъ, и вдругъ явился передъ нами гостепріимный домъ, хозяева котораго владѣ-ютъ обширными и плодоносными землями. Княгиня еще хороша собою и видъ имѣеть важ-ный и благородный. Къ сожалѣнію она не знаетъ по Русски; у насъ былъ переводчикомъ единственный ея сынъ Сеферъ-Бей, скром-ный и ловкій мальчикъ пятнадцати лѣтъ, вос-питывающійся въ Симферополѣ.

Мы три раза забѣжали въ Коралесь, первый разъ изъ Бакчисарай завтракали, въ другой изъ Мангупа обѣдали, въ третій изъ Черкесъ-Кер-меня пили чай. Но мы видѣли только двѣ ком-наты, просто убранныя по Европейски; подъ окнами садъ, густые деревья котораго защи-щаются отъ солнца и вѣтра, и откуда вѣялъ ис-полненный благоуханія легкій вѣтерокъ.— Обѣдъ былъ изобилъный, Татарскія блюда не очень

нравятся намъ, но супъ и наловленныя въ Коралескомъ ручье форели очень были вкусны. Угощая насъ съ величайшимъ радушиемъ, княгиня была очень довольна, когда мы чтонибудь хвалили.—Послѣ обѣда пришли четыре ея дочери, старшая, лѣтъ шестнадцати, уже помолвена, двѣ маленькия еще дѣти: у всѣхъ пріятныя лица; особенно пріятно въ нихъ выраженіе невинности и кротости. Сверхъ бѣлыхъ шерстяныхъ платьевъ были на нихъ парчевые полукафтаны, по Татарски джеба. У невѣсты на шеѣ не на одну тысячу было золотыхъ монетъ, а на головѣ изъ золотаго глазета шапочка съ баҳрамою, изъ-подъ которой кругомъ висѣло косичекъ пятнадцать или болѣе. Каково ждать, пока заплетутъ ихъ; это стоитъ стариныхъ, взбитыхъ тупеевъ. Княгиня показала намъ дары, приготовленные дочерью жениху ея, разныя шитья шелками и золотомъ: въ Парижѣ подивились бы такой работѣ. Молодая, милая княжна провела лучшіе годы своей жизни за пытками, работая для мужа, котораго узнаетъ, когда будетъ уже совершенно рѣшена ея участь.—Мнѣ казалось, что я въ стаинномъ Русскомъ, боярскомъ домѣ, когда, въ бѣдственныя времена владычества Татарь, женщины и дѣвицы жили

въ теремахъ занимаясь только рукодѣльемъ. Но онѣ ъздили по церквамъ и монастырямъ, гдѣ свободно наслаждались зрѣлищемъ великолѣпныхъ священныхъ обрядовъ, слушая Божественное ученіе Евангельское, охраняющее права ихъ въ здѣшнемъ мірѣ, и въ вѣчности имъ обѣщающе, за всякое лишеніе и печаль, сладостное вознагражденіе среди ликующихъ, у престола Божія, небесныхъ силъ. Татарокъ не допускаютъ и въ мечети; имъ только велять молиться дома Богу и почитать Магомета. Но можно ли, съ малѣшко разсудительностью, почитать его, зная, что, назвавшись посланникомъ Божіимъ, онъ хвалился, что самъ Богъ предоставилъ ему владѣть неопределеннымъ числомъ женъ, и отбирать ихъ всюду, гдѣ онъ вздумаетъ, не уважая ни родства, ни закона (а).

Я слышала, что княгиня Балатукова, женщина умная и твердая, жаждетъ Европейскаго образованія; она свободно принимала опекуновъ своихъ дѣтей, и разговарясь съ однимъ изъ нихъ, сказала, что у Татарокъ три могилы, то у отцовъ онѣ какъ въ могилѣ, то у мужей, и наконецъ когда умираютъ.

(а) Le Koran. Chapitre XXXIII.—47—Примѣчаніе. 6.

— «Киягиня, спросила я у нее чрезъ Сеферъ - Бея, вамъ конечно извѣстно, что и въ Россіи женщины, по примѣру завоевавшихъ ее Татаръ, долго жили, какъ вы теперь живете, въ заперти; но Императору Петру угодно было, чтобы онъ, наравнѣ съ мужчинами, пользовались свободою;—что бы вы сказали, если бы благополучно царствующій Императоръ Николай то же бы приказалъ?

У княгини заблистали глаза; она съ жаромъ проговорила нѣсколько словъ, и съинься, усмѣхнувшись, отвѣчалъ мнѣ, что мать его была бы очень этимъ довольна и пора бы это приказать.

Оставивъ карету въ Коралесѣ, мы отправились послѣ завтрака въ некрасивой, неспокойной, но очень полезной намъ бричкѣ въ Мангупъ-Кале, со всѣми, пріѣхавшими съ нами изъ Бакчисарая охотниками посмотретьъ развалины крѣпости, столь древней, что даже не могутъ согласиться, кѣмъ она построена. Къ намъ присоединились молодой князь Балатуковъ съ Русскимъ чиновникомъ, управляющимъ его имѣнiemъ, и нѣсколько Татаръ прекрасно одѣтыхъ. Всего было пятнадцать конниковъ. Сначала

они щахали вмѣстѣ, потомъ стали разсыпаться, то отставали отъ брички, то неслись впередъ по горамъ, и слыша восточные гики, и видя чудную отвагу, мы сами смѣло следовали по опаснымъ крутизnamъ; сердце сладостно билось, глаза были очарованы дивными картинами! — Кто не бывалъ въ Крыму, не знаетъ какъ хороши міръ!

Уже показывались давно опустѣлые, полуразвалившіяся, но издалека еще грозныя башни и стѣны Мангупа, когда я вдругъ увидѣла, что мы Ѣдемъ по самому краю отвеснаго утеса, что мы почти висимъ надъ глубокою пропастью; я закричала отъ ужаса, и не смотря на всѣ увѣренія, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, что Татарскія лошади никогда и нигдѣ не спотыкаются, мы обѣ предпочли идти пѣшкомъ. До крѣпости казалось меныше полуверсты, но она гораздо была далѣе, и на палящемъ солнцѣ чрезвычайно тяжело было взбираться на крутую, нѣкогда неприступную высоту.—Наконецъ мы на нее вскарабкались, и со всѣхъ сторонъ открылись предъ нами обворожительныя картины, всюду горы, сѣрыя, зеленые, бѣлые, поднимаются одна надъ другою—

изумляя своимъ разнообразiemъ, за ними блеститъ море, и на берегу его, за тридцать верстъ, на ясномъ, голубомъ небѣ, рисуется Севастополь. Смотря издали на этотъ новый, цвѣтущиій городъ, гдѣ все кипитъ жизнью, гдѣ безпрестанно прибываетъ населеніе, не такъ грустно видѣть одичалый Мангупъ, нѣкогда также многолюдный и богатый. — Послѣдній владѣтель его былъ Князь Исаїка, Православнаго исповѣданія. Великій Князь Иоаннъ Васильевичъ III прочилъ дочь его въ невѣсты старшему сыну своему Иоанну Иоанновичу, и отправивъ въ Крымъ, къ Менгли Гирею, посломъ Алексея Старкова, поручилъ ему развѣдать, какое приданое Мангупскій Князь даетъ за своею дочерью (а). Но между тѣмъ Турки, взявъ Кафу, овладѣли и Мангупомъ, куда скрылось много бѣжавшихъ изъ разграбленной Кафы Генуэзцевъ, и тяжело вспомнить: главною причиною его гибели было безразсудство одного изъ вождей, выѣхавшаго на охоту, когда непрестанно должно было ожидать нападенія Турковъ (б).

(а) Исторія Карамзина. Томъ VI.—(б) Siestrzencevicz. Livre XV.

Къ сожалѣнію, одинъ оставшись съ нами, морякъ Максимовичъ, никогда не бывавъ здѣсь, вмѣсто того, чтобы идти на право, повелъ насъ на лѣво, и мы, преодолѣвъ всѣ трудности, не видали самой любопытной части Мангупа, по-перемѣни принадлежавшаго разнымъ народамъ, разныхъ вѣрованій, гдѣ бывали заключены и Русскіе послы и родные Ханскіе братья. Сестренцевичъ еще нашелъ здѣсь, въ 1786 году, жителей, которые по чертамъ ихъ показались ему потомками древнихъ Готеовъ, долго имѣвшихъ здѣсь свою столицу. Теперь кругомъ пусто, и по всему можно надѣяться, что со временемъ и на Кавказѣ крутизны и овраги перестанутъ служить убѣжищемъ врагамъ Россіи.

Окинувъ глазами обширныя развалины крѣпости на плоской высотѣ горы, и не видя нашихъ товарищѣй, которыхъ тщетно громко кликали бывшіе съ нами Татары, мы пошли вдоль зубчатой стѣны, съ двумя четыреугольными и тремя круглыми башнями, спускавшейся съ горы въ лощину и оттуда поднимавшейся на другую гору, чтобы всюду пресечь средства овладѣть Мангупомъ. Очень трудно было идти между густыми кустами, по изрытой, ка-

менистой землѣ; но вооружившись толстыми палками, мы пробралися къ средней, большой, круглой башнѣ. Она можетъ быть давно бы разрушилась, если бы не скрѣпилъ ее плющъ, который, самъ въ низу подрубленный, пустилъ новые корни въ разсѣлинахъ древняго зданія. Когда я это рассматривала, оторвавшійся съ трескомъ камень упалъ къ моимъ ногамъ. Онъ чуть меня не задѣлъ, но я не испугалась: никакія заботы земныя не смущали мыслей моихъ, устремленныхъ къ Богу. Вся природа гласила о Его могуществѣ, все Имъ созданное, за нѣсколько тысячъ вѣковъ, также было величественно и прекрасно, какъ въ первую минуту создания, а все, что воздвигли люди, было давно обезображенено и разрушено.

Не легко намъ было отыскать свою бричку; версты двѣ, или около того, шли мы все спускаясь съ горъ, и часто такъ было круто, что должно было обѣими руками держаться за кусты,—и въ этомъ положеніи, не помышляя объ опасности, съ восторгомъ любовалась я неизоб разимыми красотами.

Товарищи наши прежде настъ воротились въ Коралесть, несомнѣваясь, что мы тамъ ждемъ ихъ, не доѣхавъ до Мангупа. Узнавъ о всемъ

съ нами случившемся, они уже послѣ обѣда, когда мы отправились въ Черкесъ-Керменъ, не уѣзжали слишкомъ далеко впередъ, и мы всѣ вмѣстѣ осмотрѣли тамъ нѣсколько пещеръ: чтобы побывать во всѣхъ, мало было бы цѣлыхъ сутокъ. Пещеры эти все отдельныя; въ иные входъ какъ въ комнату, въ другія вѣроятно спускались по подставнымъ лѣстницамъ; въ нѣкоторыхъ, какъ полагаютъ, хранили хлѣбъ. Въ обширной пещерѣ со столбами была церковь. Принужденные скрываться въ нѣдрахъ земли отъ жестокихъ гоненій за вѣру, древніе Христіане вмѣстѣ съ жилищами устраивали себѣ церкви, всего болѣе дорожа утѣшеніемъ слышать слово Божіе. По уцѣльвшимъ здѣсь остаткамъ иконъ Спасителя и Успенія Божией Матери нельзя сомнѣваться, что это была церковь Православная, и горько мнѣ было видѣть, что теперь Татары загоняютъ въ нее скотину. Не трудно было бы запереть туда входъ, — равнодушіе наше къ нашимъ святынямъ внушаетъ иновѣрцамъ пренебреженіе и къ нимъ, и къ намъ самимъ.

Въ 1778 году въ Черкесъ-Керменѣ было жестокое сраженіе, когда Татары, по наученію Турковъ, возмутились противъ пре

данного Россіи Шагинъ - Гирей Хана, и въ этомъ сраженіи особенно отличилось, подъ начальствомъ Генерала П. С. Потемкина, Албанскное войско изъ переселившихся Грековъ, уже неоднажды доказавшихъ храбрость свою и преданность Россіи.

Здѣсь необыкновенный колодезь въ скалѣ гдѣ пещеры, и къ нему оттуда древняя, внутрення лѣстница съ особымъ въ низу выходомъ. Но, уже за одиннадцать лѣтъ, когда писалъ Монтандонъ, лѣстница эта считалась опасною; только Бларамбергъ рѣшился спуститься по ней; онъ исчезъ въ темной пропасти, и чрезъ нѣсколько минутъ мы услышали голосъ его въ долинѣ: Татаринъ благополучно провелъ его къ дивному источнику.—Мы сошли потомъ другою дорогою, и едва могли вѣрить, что были на вершинѣ скалы, такъ она снизу высока и отвѣсна. Сюда можно Ѣздить изъ Коралеса только въ самую хорошую погоду; дорога очень узка и камениста, и по ней тихо струится ручеекъ. Если бы вдругъ, какъ здѣсь неожиданно случается, набѣжало облако и пошелъ дождь, этотъ едва примѣтный ручеекъ, тотчасъ обратившись въ бурный потокъ, опрокинулъ бы нашу бричку, и мы бы легко могли въ немъ

погибнуть. Но небо кругомъ было ясно, и беззаботно можно было любоваться чудными горами;—иная точно великолѣпный замокъ съ огромными башнями; на другой будто стоитъ исполинская статуя.—Хорошъ и высокий, одинокій тополь, издали казавшійся пирамидою, воздвигнутою кому нибудь изъ воиновъ, падшихъ среди пустынныхъ, неприступныхъ скалъ этихъ, гдѣ одинъ храбрый рыцарь долго могъ защищаться.

Безъ насть княжны забавлялись примѣривая шляпу нашей молодой горничной и наряжая ее въ свои шапочки и ожерелья.—Жаль мнѣ вѣсть, милыя дѣвицы! Красота ваша и любезность уянуть какъ заглохшій въ крапивѣ цвѣтокъ. Вѣрно изобразилъ вашу участъ поэтъ:

Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводятъ (а).

Княгиня очень унимала насть ночевать, но на слѣдующій день насть ждали уже въ Севастополѣ. Я получила любезное письмо отъ супруги командира порта, Елизаветы Максимовны Авиновой, въ которомъ она, напоминая мнѣ

(а) Пушкинъ. Бакчарайскій фонтанъ.

знакомство наше въ первые годы нашей молодости, приглашала остановиться у нее въ Севастополь. Съ признательностью принялъ это предложеніе, я назначила день пріѣзда нашего, и притомъ не хотѣлось мнѣ въ воскресенье прогулять обѣдню. Но я очень жалѣла, что не могла воспользоваться случаемъ, въ такомъ миломъ семействѣ, узнать короче Татарскій быть, и прощаясь съ княгиней и дѣтьми ея искренно пожелала имъ всякаго благополучія.

==

Іюля 14.

Бѣденъ соборъ Бакчисарайскій! Непохожъ онъ на соборы Русскіе! При немъ нѣтъ и колокольни, иконы дурно написаны, поютъ нескладно. Грустно видѣть это въ Магометанскомъ городѣ. Поставьте здѣсь одну изъ нашихъ Кіевскихъ или Петербургскихъ церквей съ ихъ причтомъ и пѣвчими, и это всего вѣрнѣе привяжетъ къ намъ, неразрывными узами, народъ, воображеніе котораго всего болѣе поражаетъ наружность.

Предъ нашимъ отѣзломъ изъ Бакчисарай, когда уже закладывали намъ лошадей, вдругъ

сдѣлалась жестокая буря съ дождемъ и громомъ. Это не долго продолжалось; но земля хорошо промокла, и жители чрезвычайно были этимъ обрадованы. Буря эта заставила насъ ждать слишкомъ часть, пока можно было проѣхать по мосту, который глубоко залата выступившая изъ береговъ Чурукъ-Су. Мы обошли еще дворецъ, посмотрѣли на бассейнъ Марии и на городъ, посидѣли на обнесенномъ рѣшетками балконѣ, гдѣ мы по утрамъ пили кофе, всюду жалѣя, что слишкомъ мало пробить могли въ прелестныхъ мѣстахъ этихъ.

Съ трудомъ переѣхавъ Чурукъ-Су, мы сами увидѣли, о чёмъ прежде слышали, какъ здѣшніе рѣчки и ручьи въ дождь дѣлаются тотчасъ опасны. Шумно и сердито текла во все стороны раздувшаяся Чурукъ-Су, вполнѣ оправдывая цвѣтомъ своимъ название Гнилой, какъ будто въ ней густо разведена была глина.

Въ Дуванкѣ, большой деревнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Бакчисарай, нѣкогда живали князья, и двѣ уцѣлѣвшія съ чалмами гробницы ихъ почти уперлись въ окна убогаго домика. Мы тутъ останавливались у старшины, всюду насъ провожавшаго, и еще въ первый разъ сидѣли на настоящихъ Татарскихъ диванахъ въ

четверть аршина вышиною. Передъ нами стоялъ круглый подносъ съ плодами и медовыми вареньями, и хозяинъ, угостившій насть сверхъ того прекраснымъ кофеемъ, иначе не могъ насть подчиваТЬ, какъ на колѣнахъ. Онъ показалъ намъ двухъ женъ своихъ въ особой горницѣ. Бѣдныя женщины: закоснѣвъ въ невѣжествѣ и рабствѣ, онъ дѣйствительно вообще здѣсь кажутся гораздо низшими созданіями, нежели мущины.

VIII.

СЕВАСТОПОЛЬ, ГЕОРГІЕВСКОЙ МОНАСТЫРЬ, РАЗВАЛИНЫ ХЕРСОНЕСА, ИНКЕРМАНЪ.

Іюля 15.

Только въ Россіи можно въ три, четыре часа, изъ города совершенно Азіатскаго, населеннаго Магометанами, перѣѣхать въ приморскій городъ Европейскій, гдѣ ничто не напоминаетъ ни Азіи, ни Магомета. Пріятно было въ Бакчисараѣ видѣть дворецъ и сады восточные,

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

полные красоты и роскоши, воображая, что созданные Татарами, отъ которыхъ нѣкогда гибла Россія, они сдѣлались достояніемъ Русскихъ Государей;—еще того пріятнѣе, на Черномъ морѣ, на мѣстѣ убогой Татарской деревушки Ахтіаръ, видѣть Русскійгородъ Севастополь, по Гречески, «зnamенитый городъ.»—Истинно знаменитъ онъ, и рѣдкимъ удобствомъ одной изъ лучшихъ въ мирѣ гаваней, и сильнымъ флотомъ, ограждающимъ Россію съ юга, и своею красотою, и своими укрѣпленіями. Знамениты и окрестности его, бывшія нѣкогда особыми царствами и потомъ областью Римскою: не мало надо времени, чтобы все осмотрѣть.

Мы пробыли пять дней въ Севастополѣ въ гостепріимномъ домѣ Авиновыхъ. Мнѣ очень было пріятно познакомиться съ почтеннымъ адмираломъ, супругу котораго, дочь адмирала Коробки, давно видала я у покойной сестры моей игумены, въ Новгородѣ, гдѣ она гащи- вала со своею матерью, по примѣру которой съ самаго юнаго возраста была очень набожна. Сохранивъ это чувство, залогъ истиннаго сча- стія, Елизавета Максимовна Авинова также по прежнему любезна и добра.—Старшая дочь ея

недавно выпущена изъ Смольного, гдѣ я ви- дала ее у начальницы, вмѣстѣ со мною воспи- танной, и, что мнѣ очень дорого, навсегда оставшейся мнѣ другомъ Мары Павловны Ле- онтьевой.—Меньшая прелестное, милое дитя, которое увида невольно захочешь расцѣловать.

—

Іюля 16.

На другой день приѣзда нашего въ Севастополь были мы утромъ въ близь лежащемъ отъ него новомъ Херсонесѣ, какъ вообще зовутъ здѣсь Греческій Херсонъ, взятие котораго Великимъ Княземъ Владиміромъ слишкомъ за восемь вѣковъ предвѣстило здѣшнему краю вла- дычество Россіи. Насъ провожалъ туда, а по- томъ и по другимъ мѣстамъ, капитанъ первого ранга Захаръ Андреевичъ Аркасъ, которому я обязана приложенными къ книгѣ этой, достой- ными особенного вниманія видами и планами Херсона или Херсонеса, и всего полуострова Ираклійскаго. Такой проводникъ несравненно полезнѣе печатныхъ описаній, которыя почти всѣ противорѣчатъ одно другому, и, не имѣя возможности рѣшить, чье мнѣніе справедливѣе, невольно сомнѣваешься во всемъ. Указывая гдѣ

прежде находились разныя зданія опустошенаго Херсона, капитанъ Аркасъ такъ увлекательно говорилъ объ этомъ, что въ глазахъ моихъ рисовался богатый и многолюдный городъ, изъ развалинъ котораго отчасти построенъ Севастополь.—Въ 1363 году Литовскій Князь Ольгердъ разграбилъ Херсонъ, и онъ съ того времени, начавъ упадать, уже цѣлые два вѣка былъ необитаемъ, когда присоединена была къ Россіи Таврида. Развалины его быстро исчезаютъ; мы видѣли только на берегу основаніе круглой башни и другую, далѣе, полуразрушенную съ остаткомъ стѣнъ, въ которыхъ не такъ крѣпки камни, какъ связывающій ихъ цементъ. Мы взяли съ собою отпадшій кусокъ послѣдняго и никто не могъ его разломить. Въ короткомъ, но весьма занимательномъ обзорѣ здѣшнихъ древностей капитана Аркаса, сказано, что цементъ этотъ состоялся изъ извести, хряща и толченой черепицы.

Внутри крѣпостныхъ стѣнъ, имѣвшихъ, какъ можно видѣть по уцѣлѣвшимъ ихъ основаніямъ, двѣ съ половиною версты, или немногого болѣе въ окружности, между простыми камнями валяются обломки колоннъ и капителей превосходной работы, и мелкие куски бѣлаго мрамо-

ра и Этруссскихъ вазъ.—Изъ трехъ здѣсь бывшихъ церквей, только у ближайшей къ берегу цѣлы въ низу стѣны, и видно по нимъ, что она была крестообразная съ круглымъ алтаремъ. По мѣстному преданию въ этой церкви крестился, и потомъ сочетался бракомъ Великій Князь Владиміръ.—На это нѣтъ вѣрныхъ доказательствъ, но пріятно воображать, что стоишь на мѣстѣ, гдѣ храбрый Князь нашъ, овладѣвшій Херсономъ, отказался отъ своего завоеванія, чтобы пріобрѣсти иную славу, иныя надежды, славу просвѣтителя Россіи истинною вѣрою, надежду на блаженство вѣчное.—Сладко вспоминать это, и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно видѣть въ развалинахъ эту церковь, которой скоро можетъ быть не будетъ и слѣдовъ. Теперь еще можно, бережно разбравъ ея остатокъ, по самому этому плану, изъ тѣхъ же камней, которыхъ кругомъ много лежитъ, съ нѣкоторою прибавкою, возстановить небольшой храмъ въ память безсмертнаго события, въ свидѣтельство величія Россіи.

Сестренцевичъ (а) утверждаетъ, что супруга Владимира была не сестра, а племянница Императоровъ Греческихъ, дочь Булгарского

(а) *Histoire du royaume de la Cherson  e Tauride. Livre V.*—

Государя, и что онъ и крестился въ Булгаріи, ссылаясь на Епископа Іоахима, жившаго прежде Нестора, при чёмъ прибавляеть, что самъ Несторъ родился въ Херсонѣ. Но этого нигдѣ не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ, а о бракѣ Владимира съ Греческою Царевною писали историки Арабскіе, Византійскіе и Нѣмецкіе (а).

Мнѣ очень было лестно предложеніе посмотретьъ доки, батареи и военный сто-двадцати пушечный корабль.—Не изъ одной праздности, а по глубокому участію во всемъ, отъ чего зависятъ безопасность и польза отечества, желала я взглянуть на заготовляемыя къ тому средства, и, замѣтивъ это, не скучали моими распросами, не смѣялись, что я все записываю, боясь положиться на память мою, нѣкогда чудную, но внезапно убитую сильнымъ испугомъ.—Я записывала все собственно для себя, своими словами; но для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, желають имѣть хотя слабое понятіе о всемъ замѣчательномъ, скажу только, что въ докахъ разомъ можно починивать три корабля и два фрегата, которые изъ корабельной бухты вводятся по каналу, съ четырьмя воротами и нѣсколькими шлюзами, въ

(а) Исторія Карамзина. Томъ 1, примѣчаніе 452.

огромный бассейнъ, возвышенный надъ моремъ на тридцать футовъ, и тамъ, поставивъ ихъ каждый особо на гранитныхъ подмосткахъ, воду, по которой они приплыли, всю до суха выпускаютъ въ море подземными каналами. Стѣны бассейна, построенные амфитеатромъ, съ тремя огромными уступами, выложены бѣльмъ камнемъ, а три при нихъ лѣстницы для людей и два ската для лѣсу изъ Крымскаго чрезвычайно прочнаго порфира.

Въ южной бухтѣ совсѣмъ другого устройства, маленькие доки для корветъ, пароходовъ и прочихъ мелкихъ судовъ; ихъ тащатъ тамъ, съ помощью людей, машиною по наклоннымъ рельсамъ.—По близости адмиральство и магазины съ пятью огромными погребами, въ одномъ изъ которыхъ хранится двѣнадцать тысяч пудовъ масла. Еще предполагаютъ построить пять такихъ погребовъ. Всюду продолжаютъ работать, кладутъ стѣны, срываютъ горы: умъ, знаніе и деньги побѣждаютъ всѣ препятствія.—Мы нѣсколько минутъ стояли у машины, которую бьются сваи. Шесть человѣкъ поднимаютъ и опускаютъ, между двумя деревянными столбами, чугунную бабу, въ тридцать пять пудовъ, вертя на колесѣ канатъ.

Вообразить нельзя какъ, просто, скоро и легко она дѣйствуетъ. Все это видя, пріятно вспоминать слова Писанія: «что человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію.»

Англичанинъ, подполковникъ Уptonъ, строитель доковъ, не забылъ показать намъ и удивительную свою цитерну, все толкуя очень ясно и понятно. Небольшое зданіе раздѣлено на три части; первое, чрезъ чугунныя трубы, наполняется водою изъ впадающей въ море рѣчки Черной, откуда она переливается въ другое отдѣленіе, въ которомъ слоями насыпаны песокъ и уголь, и тамъ, поднимаясь до круглаго отверстія, течетъ уже совсѣмъ очищенная въ цитерну, а изъ нее, чрезъ подземную трубу, въ краны, изъ которыхъ ее наливаютъ прямо въ корабельныя бочки.

=

Іюль 17.

Въ восемь часовъ утра отправились мы, съ любезною Елизаветой Максимовной, въ открытой коляскѣ къ обѣднѣ, за двѣнадцать верстъ отъ Севастополя, въ Георгіевскій монастырь. Я много читала и слышала о живописномъ его положеніи на высокомъ морскомъ берегу, и что

стоитъ онъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ знаменитый Діанинъ храмъ, въ которомъ была жрицею Ифигенія, дочь Агамемнона и Клитемнестры (а).— Вспоминая повѣсть эту, я нетерпѣливо желала увидѣть мѣсто, прославленное древними и новыми писателями, но тщетно смотрѣла я во всѣ стороны; только вновь посаженные, совсѣмъ не живописные виноградники и чахлыя миндалевыя деревья изрѣдка пересѣкали однообразіе, не совсѣмъ плоской, но не менѣе того скучной степи. Наконецъ показалась колокольня, потомъ вновь строющаяся церковь, при ней нѣсколько памятниковъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи колодезь.— Я хотѣла спросить, кто вздумалъ тутъ селиться, дивясь, что не выбрали красивѣе мѣста; но коляска остановилась у низенькихъ, бѣдныхъ воротъ, надъ которыми прибитъ вызолоченный великому-ченикъ Георгій на красномъ полѣ, и Елизавета Максимовна сказала, что мы пріѣхали.— Я изумилась. Гдѣ же, подумала я, этотъ дивный, живописный берегъ, издревле знаменитый? Гдѣ бурное море, по которому сюда пріплыли Орестъ и Пиладъ? Гдѣ сѣды всѣхъ этихъ преданій, слишкомъ три тысячи, лѣтъ воспира-

(а) Siestrzencevicz. Introduction.

менявшихъ поэтовъ и историковъ? Неужели все это только снилось мнѣ, или теперь мнѣ снится, что я стою среди изсохшей степи? Я не могла вымолвить слова, не понимала, что со мною происходит.

Скоро отворили ворота, но вмѣсто ожидаемой обители увидѣла я только длинный сводъ, какъ будто примыкавшій къ лѣсу, котораго зеленая вѣтви показались вдали, когда мы стали спускаться по каменнымъ широкимъ ступенямъ.. Я спѣшила узнать, куда ведетъ таинственный входъ этотъ и остановилась въ сладостномъ восторгѣ. Какъ будто волшебная сила внезапно перенесла меня въ иной міръ, какъ будто ослѣпшіе глаза мои прозрѣли. Вмѣсто выгорѣвшей, пыльной пустыни, за минуту меня томившей, увидѣла я безграничное, синее море, съ неприступными среди его утесами, съ крутымъ, гористымъ берегомъ, съ густыми вѣковыми деревьями. Отсюду вѣяла благовонная прохлада; и въ волнахъ морскихъ, и на древесныхъ вѣтвяхъ, и по горамъ играли золотые лучи, падавшіе съ ярко-голубаго неба. Съ каждымъ шагомъ представлялось что нибудь новое, поразительное; на каждой въ низъ ступени шире и шире развивалась дивная, очаровательная картина. Я

устремила глаза къ небу. Сердце мое было полно благоговѣйныхъ чувствъ. Все казалось мнѣ прообразованіемъ того, что ждетъ нась при смерти. Я воображала, что, какъ теперь пройдя темнымъ своимъ, внезапно увидѣла я, вмѣсто оставшейся за нимъ печальной, знойной степи, прелестные, богатые берега, такъ, но въ тысячу разъ сладостнѣе будетъ праведнику, когда онъ, оставилъ грустный, бѣдный здѣшній міръ, увидѣть уже не дивное только Созданіе Божіе, но самаго Создателя!

Благовѣсть къ обѣднѣ прервала мои размышленія, и мы, оставивъ въ правѣ гору, пошли мимо саду и келій управляющаго монастыремъ, Греческаго митрополита Агафагелла, въ небольшую церковь съ куполомъ и четырьмя столбами у фронтона. Въ ней все просто, но все хорошо. Иконостасъ свѣтлого лубой съ золотомъ, и золотая, по темно-синей краскѣ, надъ царскими дверьми надпись: «Утвержденіе на мя на-«дѣюшихся. Утверди Господи церковь юже стя-«жая честною своею кровью.»

У правой стѣны на бронзовой доскѣ вырѣзано, когда посѣщали обитель разныя особы Царскаго дома, а на лѣвой погребенъ умершій въ помѣстьѣ его на южномъ берегу князь А. Н.

Голицынъ. Въ ногахъ у него, за стѣною, лежитъ бывшій начальникомъ Новороссійскихъ военныхъ поселеній, графъ Витте. Надъ нимъ прислоненъ къ стѣнѣ камень, на которомъ написано, что онъ былъ генералъ отъ кавалеріи, и родился 1780 года Іюня 24, скончался 1840 года Іюля 4.—Тутъ же подъ стекломъ, довольно уже ветхое, печатное изображеніе Спасителя въ черной рамочкѣ, и на ней слова: «Упокой Господи душу графа Витте.» Эта гбѣдная вклада на могилѣ богатаго и вельможи, свидѣтельствующая искреннее усердіе, конечно, положена другомъ, о преданности котораго, быть можетъ, графъ Витте и не зналъ во время жизни его.

Послѣ обѣдни пригласилъ насъ къ себѣ поченный Митрополитъ, всегда радушно принимающій богомольцевъ. Онъ живетъ очень просто, какъ истинный отшельникъ, но усердно заботится объ устройствѣ древней обители. Въ ней теперь укрѣпляютъ осыпающейся противъ церкви берегъ, кругомъ подводя стѣны; на верхнихъ уже сдѣлана, прочна и красиво, каменная терраса.—Работники всѣ Русскіе. Камень ломаютъ зимою на вершинѣ горы, и по томъ, когда начинаются работы, спускаютъ въ

ящикахъ на канатахъ по слезямъ, то есть подмосткамъ, на подобіе катальной горы.

Не понимаю, какъ не дрогдалась я спросить у Митрополита, когда построена обитель, и о ея существованіи во время владычества Татаръ. Въ Россійской Церкви обѣ этомъ ничего не сказано; въ ней только сказано изъ географического словаря, что Георгіевскій монастырь основанъ Греками, когда еще процвѣталъ Херсонесъ.

Мы побывали въ хорошенькому домикѣ, построенномъ для отдыха богомольцевъ на площадкѣ по скату горы между церковью и моремъ. Но мы не рѣшились спуститься до самаго моря: слишкомъ круто. Можно иначе увидѣть монастырь, какъ будто прильпленный къ горѣ; стоять только войти въ него не въ ворота, а не доѣзжая выше упомянутаго колодезя, повернуть на право. И этотъ видъ очень хорошъ, но его сравнить нельзя съ первымъ. Здѣсь прелестная картина, тамъ райское видѣніе.

И на живописномъ берегу этомъ, гдѣ все возбуждаетъ любовь и признательность ко Всевышнему Творцу, никогда дикие жители приносили захваченныхъ ими въ пленъ

людей въ жертву бездушному истукану. Я бы не пожалѣла обѣ Ифигеніи, разлученной съ родителями, братьями и женихомъ, если бы привезенная сюда она могла жить здѣсь въ неизвѣстности. Осужденіе ея на казнь за то, что отецъ ея охотясь убилъ дикую козу въ лѣсу, посвященномъ Діанѣ, и особенно требование Греческихъ вождей, славившихся умомъ и мужествомъ, чтобы исполненъ былъ безразсудный, звѣрскій приговоръ оракула, разительно доказываютъ, какъ счастливы мы, что живемъ послѣ пришествія Христа Спасителя, узнавъ отъ него истинную вѣру. — Какая Христіанка, даже самая слабая, самая нечувствительная, не предпочтетъ смерти обязанности всегда быть готовою на убийство, обагряться кровью людей, ей вовсе неизвѣстныхъ, ничѣмъ ее не оскорбившихъ. Воспитанная въ язычествѣ, царевна, дочь Агамемнонова, спокойно покорилась страшному ея назначенію, рука ея прогнула только, когда она узнала, что подъ ножемъ ея стоитъ родной ея братъ. Можно вообразить, съ какимъ трепетомъ, въ эти времена, мимо ужаснаго этого берега проходили суда, прислушиваясь къ воплямъ несчастныхъ,

закалемыхъ неумолимою жрицею, или встрѣчая носившіеся по морю трупы, которыхъ отрубленныя головы безсмысленные дикари ставили надъ своими жилищами, въ залогъ удачныхъ грабежей (а). Теперь горимые бурею плаватели съ надеждою обращаютъ глаза на мірный храмъ Христіанскій, гдѣ молятся о спасеніи рода человѣческаго, гдѣ въ темную ночь блестятъ лампады предъ святыми ликами, гдѣ слышно пѣніе иноковъ, прославляющихъ величіе и милосердіе Божіе!

Я не надѣюсь когда нибудь увидѣть природу прелестнѣе какъ въ Георгіевскомъ монастырѣ; едва ли увижу и корабль совершеннѣе корабля двѣнадцати Апостоловъ, который видѣла послѣ обѣда въ тотъ же день. Это цѣлый сокращенный городъ, гдѣ можно найти все желаемое для удовольствія и безопасности, можно танцевать въ прекрасной залѣ, прогуливаться на открытомъ воздухѣ, читать на балконѣ, отдыхать на мягкихъ диванахъ, не страшась бурь, противъ которыхъ приняты всѣ предосторожности, еще менѣе опасаясь непріятелей, для отраженія которыхъ за-

(а) Siestrzencevicz. — Livre I.

на престолъ Императорскій (а). Онъ зналъ уже, что не на сладкій покой, а на тяжелые труды зовутъ его въ Византію, и великая душа его не позволила ему отказаться отъ вѣнца терноваго. — Покидая Феодори, онъ можетъ быть утѣшался предчувствіемъ, что нѣкогда, послѣ многихъ превратностей, родныи его краемъ будутъ владѣть единовѣрные его государи.

Что Феодори въ эти времена принадлежала родственникамъ Греческихъ Императоровъ, подтверждается находящимся въ пятнадцати верстахъ отъ Симферополя, въ принадлежащей графинѣ Лаваль деревнѣ Сабли, и неизвѣстно когда и кѣмъ найденномъ камнѣ, съ Греческою надписью 1427 года:

«Довершень храмъ сей съ благословенною скрѣпостью, которую нынѣ видите, во дни «господина Алексія владѣтеля города Феодори и «приморскаго берега, и ктитора святыхъ все-«ленныхъ Боговѣнчанныхъ великихъ Государей «Константина и Елены, мѣсяца Октября, инди-«кта 6, лѣта 6936» (б).

(а) Siestrzencevicz Livre IV. Thouzmann, description de la Crimée.

(б) Сборникъ Кеппена.

Высѣченная на этомъ камнѣ половина дву-главаго орла показываетъ, что Алексій былъ или самъ по себѣ, или по своей супругѣ родственникомъ Императорскимъ. Спустя шесть лѣтъ Алексію удалось овладѣть Балаклавою, принадлежавшею Генуэзцамъ, но послѣдніе обратно взяли ее чрезъ годъ, и наконецъ, въ одно время съ Кафою, и Феодори покорена была Турками въ 1475 году.

Инкерманъ значитъ по Турецки пещерная крѣпость. Название это, данное Феодори Турками, показываетъ, что уже тогда существовали высѣченныя въ каменной горѣ церкви, комнаты и лѣстницы, остатки которыхъ привлекаютъ любопытныхъ посѣтителей не менѣе развалинъ самой крѣпости, издревле построенной на вершинѣ горы. Это заставляетъ сомнѣваться въ справедливости мнѣнія, что пещеры эти сдѣланы были гонимыми Христіанами: не вѣроятнѣе ли, что и здѣсь, во время владычества Грековъ, благочестивые отшельники изготавляли себѣ подземныя жилища, какъ у насъ въ Киевѣ, изъ ревности къ богомыслю, чтобы ничто не развлекало ихъ набожныхъ думъ. Какъ бы то ни было, теперь издалека вся гора представляется какъ древній, нѣкогда много-

людный зámокъ.—И точно тутъ много могло помѣщаться жителей, и они имѣли не только между собою, но и съ построеною надъ ними крѣпостью свободное сообщеніе, чрезъ вырубленные въ скалѣ переходы и лѣстницы. Кости ми ихъ, вѣроятно снесеными изъ разныхъ мѣстъ, наполнены небольшія пещеры, мимо которыхъ проходили мы. Я заглянула только въ одну; грустно видѣть эти бѣдные остатки людей, нѣкогда исполненныхъ дѣятельности, чувствъ и мыслей.—Неизвѣстно, были ли при началѣ этихъ трудныхъ, для нашего поколѣнія непостижимыхъ работъ, пробиты здѣсь окна, или послѣ сдѣлались отверстія, въ которыя отъ обвалившихся камней любовалась я прелестными видами на небольшую долину съ остатками дубового лѣса, ясеней и вербъ, на маякъ, возвышающійся на совершенномъ обнаженной и какъ мѣль бѣлой горѣ, на рѣчку Черную, по Татарски Чоргунь или Узень, на узкую полосу закрытаго отсель моря, по которому прїѣхали мы въ адмиральскомъ катерѣ. Всего лучше сохранились здѣсь двѣ церкви, одна маленькая, другая по близости, длиною кромѣ сѣней, въ четыре, а ширину и высотою въ три сажени. Въ стѣнѣ, гдѣ были ал-

тарь, прекрасной работы каменный крестъ и остатокъ живописи, изображавшей распятіе Спасителя. Далѣе сохранилась Греческая надпись, которую перевѣл намъ капитанъ Аркасъ. «Господи, спаси раба твоего Оуму.» Въ церкви этой три арки и были колонны, къ соjalѣнію увѣзенные; судя по всему оставшемуся, нельзѧ сомнѣваться, что онѣ были изящной архитектуры. Такая церковь всюду была бы замѣчательна, но еще удивительнѣе, что она такъ правильно, съ такою легкостью и вкусомъ выгѣчена въ каменной скалѣ. Должно сказать, что у Грековъ были неподражаемые зодчие. Мы пошли изъ церкви въ крѣпость по древней крутой лѣстницѣ, только въ одномъ мѣстѣ подправленной. Отъ бывшихъ здѣсь домовъ цѣлы одни основанія, но по остаткамъ стѣнъ и башень можно еще судить, какъ были онѣ величественны: они примкнуты къ неприступному утесу, гдѣ вовсе не было укрѣпленія. Отсюда уже не такъ высоки кажутся горы по ту сторону узкой Инкерманской лощины, и вдали показываются моровые горы Балаклавскія.

Сколько было въ древности городовъ на небольшемъ Ираклійскомъ полуостровѣ! Какое было здѣсь населеніе, какое богатство! Все это

разграбили Турки и Татары.—Теперь, вместо Херсона, Феодори и Полакиона, процветает Севастополь, и дивно цѣбѣтъ онъ между развалинъ, его окружающихъ, но невозможно, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, вознаградить вѣковыя потери, тѣмъ болѣе, что отъ коренныхъ жителей нѣтъ тому никакого содѣйствія. Всѣ мастеровые и рабочіе здѣсь изъ Россіи, которая сама слишкомъ мало населена, чтобы безъ ущерба отдать сюда часть своихъ жителей. Здѣсь некому осушить и болота Инкерманскія, отъ которыхъ, при малѣйшей неосторожности, распространяются заразительныя лихорадки.

На противоположной крѣпости горѣ также церковь и много пещеръ, но мы не имѣли времени посмотреть ихъ, и какъ сказывали, онъ гораздо менѣе любопытны, а попасть въ нихъ гораздо труднѣе. Но мы останавливались у древняго моста, по преданію существующаго со временъ Митридата; онъ былъ о трехъ сводахъ, цѣль только одинъ: изумительно, какъ онъ пережилъ столько грабежей и еще сохранилъ красоту свою.—Мышли пѣшкомъ, чтобы лучше увидѣть какъ ломаютъ белый камень. Употребляемые на это люди идутъ одинъ за другимъ на крутою гору, по вырубленной въ

ней лѣсенкѣ, и отбивая на вершинѣ ея камень, спускаютъ его по веревкамъ, и потомъ водою доставляютъ въ Севастополь. Въ древности камень этотъ возили на постройку въ Грецію.

Сюда бытъ сосланъ Святый Климентъ Папа Римскій, ученикъ и преемникъ Апостола Петра, брошенный потомъ въ море, по повелѣнію Императора Траяна, въ 93 году послѣ Рождества Христова, за распространеніе здѣсь вѣры Христіанской. — И этотъ кроткій, любимый народомъ Государь гнагъ Христіанъ, не понимая святости вѣры ихъ, увлекаясь злонамѣренными совѣтами. Тѣло священно - мученика отыскано было преданными ему учениками и мощи его долго почивали въ Херсонѣ, откуда часть ихъ была перевезена въ Киевъ Великимъ Княземъ Владимиромъ, а другая, еще прежде раздѣленія церкви, взята была въ Римъ святымъ епископомъ Константиномъ (а).

Отправившись изъ Инкермана обѣдать на казеннную адмиральскую дачу, Новая Голландія, мы прошли по водопроводу въ пробитый въ горѣ каналъ (туннель) для доставленія воды

(а) Карамзинъ. Томъ I. Примѣчаніе 457.

момъ началъ его обѣщавшій, что судьба Турции впредь будетъ зависѣть отъ воли Россійскихъ Государей.

=

Июля 49.

Мы располагались сегодня выѣхать, но любезные хозяева наши пригласили насъ пробыть еще день, чтобы посмотрѣть, какъ пойдетъ въ море флотъ, чего мнѣ еще не случалось видѣть, и едва ли когда нибудь увижу, и мы, пользуясь временемъ, взглянули на вновь построенное, огромное укрѣпленіе Николаевское, въ двѣсти пятьдесятъ сажень длиною, съ морской стороны унизанное пушками. Укрѣпленія Александровское и Константиновское не такъ обширны, но со многими другими обѣщаются, сколько можно полагаться на трудъ человѣческій, всегдашнюю безопасность Севастополю и всей южной Россіи.

По святому обычай Русскому, въ Николаевскомъ укрѣпленіи устроенъ огромный краснаго дерева кіотъ, въ сажень ширину, и въ немъ стоитъ образъ святых Троицы въ разложеномъ, прекраснѣйшей работы окладѣ, соруженный въ 1835 году инженернаго корпу-

са военнорабочими № 14 роты.—Мнѣ казалось, что надъ нимъ носится благословеніе Божіе—и я глубоко тронута была усердіемъ людей этихъ, которые, не отъ избытка своего, но изъ трудовыхъ своихъ копѣекъ, по горячей своей вѣрѣ, стремились украсить святое изображеніе Того чья лесница охраняетъ Царей и Царства.

Противъ Николаевского укрѣпленія, на горѣ, памятникъ храброму Казарскому. Къ сожалѣнію прекрасная мысль неудачно исполнена; можно похвалить только вокругъ решетку и надпись:

*Казарскому.
Потомству въ примѣръ.*

Тутъ и новый бульваръ съ красивою Китайскою бесѣдкою, откуда во всѣ стороны прелестные виды. Севастополь расположенъ очень живописно, по скатамъ горъ, надъ моремъ: мы любовались имъ изъ разныхъ мѣстъ, но намъ сказали, что мы не видали его во всей его красѣ, потому что къ несчастью недавно сгорѣла стоявшая на высшей точкѣ общественная библиотека, откуда весь городъ съ его окрестностями представлялся какъ дивная, живая панорама.

Мы слушали всенощную въ церкви Петра и Павла. Она недавно построена по плану Тезеева храма въ Аениахъ, рисунки котораго всѣ видали. Прекрасное и обширное зданіе; но только близко виденъ надъ фронтономъ золотой крестъ, и можно разсмотрѣть, что стоящія у входа бѣлые мраморныя статуи изображаютъ святыхъ Апостоловъ. Архитектура Византійская несравненно величественнѣе для храмовъ Божіихъ, совершенно отличая ихъ отъ жилищъ человѣческихъ.

Въ Севастополь недешево жить; нынче, лѣтомъ, коровье масло шестнадцать рублей пудъ, а сѣно восемьдесятъ копѣекъ. Но здѣсь можно пріятно проводить время, и нельзя сомнѣваться, что моряки очень между собою согласны, увида въ домѣ дворянскаго собранія нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для пріѣзжающихъ на службу офицеровъ, пока не пріїшутъ они квартиру. Истинно братское попеченіе! — Зала собранія здѣсь необыкновенная; съ двухъ сторонъ въ ней по восьми оконъ, но только въ верху, потому что она среди строенія и одна въ два этажа. Это прекрасно; на балахъ не должно бояться простуды и легче освѣтить.—Тутъ разводятъ и маленький садъ. Сады тѣмъ здѣсь при-

ятнѣе, что около города почти вовсе нѣтъ зелени. При дому командира порта садъ въ нѣсколько уступовъ, какъ въ Бакчисараѣ, обсаженъ виноградомъ и плодовитыми деревьями.—Всего лучше разбрести здѣсь старый бульваръ. На краю его, изъ обнесенной перилами, открытой бесѣдки видны городъ, море, и долина съ небольшими домиками и садами у подошвы безплодныхъ горъ. Я тутъ вечеромъ долго сидѣла, и слушая музыку вспоминала роднаго брата моего Павла Петровича, воспитаннаго въ морскомъ корпусѣ, гдѣ онъ въ 1805 году былъ первымъ кадетомъ, и Апрѣля шестаго, прослуживъ одну кампанію, произведенъ быть въ мичмана. — Удостоивъ меня въ Смольномъ Своимъ милостивымъ вниманіемъ, Августѣйшая моя благодѣтельница, Императрица Марія Феодоровна, изволила сказать мнѣ, что Она не можетъ ничего пожелать мнѣ лучшаго, какъ быть достойною сестрою моего брата. При необыкновенномъ умѣ, онъ былъ очень добръ и чувствителенъ, и одаренный прекрасною наружностью, глубоко быть преданъ престолу и отечеству.—Ранняя кончина его сразила нашихъ родителей, уничтоживъ самыя вѣрныя надежды ихъ, и я въ продолже-

ніє многихъ лѣтъ не могла вспоминать о немъ безъ душевнаго волненія.—Теперь, устарѣвъ, страшусь жалѣть, что милый мой братъ въ цвѣтущей юности призванъ былъ насладиться вѣчными радостями.—Въ Севастополѣ, и прежде въ Николаевѣ неоднажды воображала я, что онъ бы могъ жить здѣсь, и оба эти города, гдѣ я прината была съ истиннымъ Русскимъ радушіемъ, оставили мнѣ особенное, какъ будто родственное воспоминаніе.

==

Іюля 20.

Мы пріѣхали немного поздно смотрѣть отправленіе флота. Корабли уже уходили одинъ за другимъ, съ распущенными кругомъ парусами, и удаляясь каждый изъ нихъ совершенно измѣнялся, иной можно было почестъ старинною церковью со множествомъ главъ, другой походилъ на купу раинъ.—Прекрасно и величественно рисовались они на голубомъ небѣ, то бѣлѣли на солнцѣ какъ мраморный обелискъ, то представлялись въ тѣни, какъ древняя развалина.—Дивное созданіе ума и рукъ человѣче-

скихъ! Сами люди, какъ бы ни искусно плавали они, только нѣсколько часовъ могутъ держаться на водѣ, а сооруженное ими огромное судно съ сотнями людей, съ десятками пушекъ, съ тысячами ядеръ, безопасно обтекаетъ весь извѣстный міръ.

=====

— 166 —

Іюль

лучами, какъ призраки мелькаютъ горы южнаго берега, то грозно выставляясь, то совершенно исчезая, то какъ будто ласково маня къ себѣ путешественника.

Не встрѣтить ни одного живаго существа, мы вдругъ, подѣѣзжая къ Балаклавѣ, увидѣли множество людей, въ праздничныхъ нарядахъ, поднимавшихся на высокую гору. Послѣ узнали мы, что они шли къ обѣднѣ, и я очень пожалѣлъ, что не пошла съ ними помолиться святому пророку Иліѣ, особенно почитаемому на моей родинѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣла бы я вблизи этихъ Грековъ, отцы которыхъ, поселившись въ Россіи, передали дѣтямъ своимъ вѣрность свою и преданность новому отечеству.— Во времена войны съ Турками, когда флотъ нашъ, подъ начальствомъ графа Алексея Григорьевича Орлова, находился въ Архипелагѣ, Греки участвовали почти во всѣхъ сраженіяхъ, и вообще оказали много услугъ Русскимъ, за что по отбытии войскъ нашихъ грозило имъ жестокое мщеніе. Прежде, неоднажды, писавъ объ этомъ храброму Греческому капитану Мавримихали, графъ Орловъ Чесменскій, передъ отѣїздомъ своимъ, торжественно объявилъ, что Императрица Екатерина желающимъ по-

IX.

БАЛАКЛАВА, БАЙДАРЫ, АЛУПКА, МИСХОРЬ, ГАСПРА.

Іюля 20.

Отъ Севастополя до Балаклавы двѣнадцать верстъ; дорога идетъ по холмамъ, которые, постепенно возвышаясь, становятся настоящими горами. У подошвы ихъ разсыпаны хутора и виноградники, и изъ-за голыхъ, каменистыхъ вершинъ, различно расцвѣченныхъ солнечными

селиться въ Россіи Грекамъ обѣщаетъ всѣ нужные пособія и многія выгоды. Это было подтверждено указомъ Императрицы на имя графа, даннымъ въ Москвѣ 1775 года Марта 28, и нѣсколько семействъ тотчась этимъ воспользовались. Но не успѣвъ еще устроиться въ присоединенныхъ предъ тѣмъ къ Россіи городахъ Керчи и Ениколѣ, Греки, подъ именемъ Албанского войска, съ величайшимъ усердіемъ и мужествомъ содѣствовали покоренію Крыма, и испытанная вѣрность ихъ заставила князя Потемкина поручить имъ охраненіе береговъ, отъ Севастополя до Феодосіи, на разстояніи трехъ сотъ верстъ, для чего и перемѣстили ихъ въ Балаклаву, гдѣ имъ отвели земли и назначили отъ казны содержаніе. — Съ тѣхъ поръ, неусыпно охраняя Тавриду, особенно важную услугу оказали Греки въ 1812 году, когда, во время нашествія Французовъ, Крымскіе Татары, забывъ благодѣянія Русскихъ Государей, по враждѣ къ Христіанамъ вздумали отложитьсь отъ Россіи. Изумивъ ихъ внезапнымъ нападеніемъ, бывшій тогда начальникомъ Балаклавскаго батальона Феодосій Революти съ храбрыми своими сподвижниками разсѣялъ собиравшихся мятежниковъ, и уничтожилъ

злые умыслы (а). Справедливымъ за это воздаяніемъ были разныя милости въ Бозѣ почивающаго Императора Александра Павловича, которыя онъ еще усугубилъ въ двукратную бытность свою въ Крыму.—Благополучно царствующій Государь также облагодѣтельствовалъ Балаклавцевъ во время Его пребыванія на южномъ берегу съ Государыней Императрицей. Теперь собственно въ Балаклавѣ жителей мужеска пола слишкомъ триста, а со всѣми принадлежащими къ баталіону деревнями около девяти сотъ, и ими пополняются двѣ роты, съ 1842 года находящіяся на службѣ въ крѣпости Новороссійскѣ, на восточномъ берегу Чернаго моря.

Капитанъ Аркасъ проводилъ насъ и въ Балаклаву, гдѣ мы, познакомившись съ командиромъ баталіона М. А. Манто и его семействомъ, оставили у нихъ карету, и взявъ толстыя палки, отправились посмотреть развалины крѣпости, которая, по увѣренію историковъ, первоначально была основана и названа Полакіонъ Полакомъ, сыномъ Тавро-Скиѳскаго Царя Скилура (б), тогого самаго, о которомъ разсказываютъ, что онъ,

(а) Записки Одесского общества исторіи и древностей.

(б) Исторія Генуэзскихъ поселеній въ Крыму.—Бларамбергъ и пр.

передъ смертью, предлагалъ сыновьямъ своимъ переломить пукъ связанныхъ стрѣль, чего не могъ ни одинъ сдѣлать, но потомъ, когда развязали стрѣлы, они тотчасъ по одиночкѣ переломали ихъ, и это было имъ совѣтомъ жить въ тѣсномъ между собою союзѣ, что одно могло упрочить ихъ спокойствіе.

Пріѣзжающіе сюда путешественники не всегда рѣшаются взойти на самый верхъ горы, и конечно бы я на это не рѣшилась, если бы могла вообразить, что какъ ни трудно подниматься на крутую гору по мелкому камню, который скользитъ и катится подъ ногами, но еще несравненно труднѣе спускаться въ низъ. Проходя мимо, мы остановились посмотретьъ издревле знаменитую бухту, около которой такъ чудно изгибаются горы, что она совершенна похожа на Французскую букву Z, и увидя ее подъѣзжая къ Балаклавѣ, думаешь, что тутъ озерко, но она такъ глубока, что въ ней стоять большие корабли, спасаясь отъ бурь.—Поднявшись нѣсколько, мы пошли ущельемъ и опять стали подниматься. Шедшій впереди Греческій солдатъ, котораго Монтандонъ и многие зовутъ Арнаутами, какъ въ началѣ злобясь на нихъ ихъ прозвали Татары, въ слухъ разсуждалъ

самъ съ собою, довольно чисто по Руски, что онъ не постигаетъ, какъ женщины лѣзутъ туда, гдѣ рѣдко и мужчины отваживаются ходить. Но мы отъ него не отставали. Скоро бухта и ближайшія къ ней башни скрылись изъ глазъ у насъ, и только видны были, на самой высотѣ, часть крѣпостій и кругомъ бесплодныя горы. Пустынныій видъ этотъ наводилъ грусть, и показавшійся маленький виноградникъ Балаклавскагоunter-офицера, былъ приятнымъ развлечениемъ. Наконецъ, достигнувъ вершины, мы были вполнѣ награждены эа трудный путь; море широко развернулось передъ нами, и во все некрасивый въ низу городокъ явился надъ бухтою, какъ прекрасная, обширная картина, съ отдаленою Греческою деревнею Кадикой, и близкими къ намъ скалами, пересѣкавшими одну другую.

Весело мнѣ было, что у меня достало силъ взойти на такую крутизну, о чемъ за два мѣсяца я не могла бы и подумать, но нужно было отдохнуть. Я сѣла на камнѣ, и прислонясь къ древней стѣнѣ тотчасъ записала все, что видѣла. Шедшее вдали судно боролось съ вѣтромъ, но у насъ было тихо, и мы съ полнымъ удовольствіемъ осмотрѣли хорошо сохранившуюся,

высокую, круглую башню. Въ ней нѣтъ ни дверей, ни лѣстницы, только въ три ряда окна, въ верху одно, пониже два, и наконецъ въ низу три, но и послѣднія довольно высоки. Въ одно изъ нихъ влѣзъ Татаринъ, упираясь ногами въ небольшія разсѣлины стѣнъ, и, нагнувшись оттуда, подалъ мнѣ руку, мнѣ помогли съ низу, и я сама очутилась въ древней башнѣ, посреди которой цитерна. Вѣроятно въ ней накоплялась вода чрезъ подземныя трубы изъ какого нибудь на горѣ ключа. Жаль, что я не распросила объ этомъ нашего доброго, всезнающаго спутника, но когда видишь такое множество новыхъ, любопытныхъ предметовъ, и глаза и мысли разбѣгаются. Въ башнѣ этой еще цѣлы четыре балки вверху, и двѣ въ низу, по которымъ, какъ и по окнамъ, нельзя сомнѣваться, что она была въ три этажа. Потолокъ сводомъ изъ тесаныхъ камней, точно склеенныхъ между собою.—Мы пришли сюда въ ворота, а потомъ пошли между полуобрушившимися стѣнами. Одна изъ нихъ, простираясь до самаго края утеса, виситъ на нѣсколько саженъ далѣе, безъ всякой поддержки. Вѣроятно тутъ обрушилась подъ нею гора; тѣмъ болѣе должно дивиться искусству строителей, къ сожалѣнію теперь забытому. Едва ли и

въ Англіи и во Франціи новыя постройки выдержать такое испытаніе.

Поднявшійся вдругъ вѣтеръ не позволилъ намъ обойти всю крѣость, только издали видѣли мы древнюю церковь Генуэзскую и четырехугольную башню, въ которой Крымскій Хань Сайдетъ-Гирей держалъ въ заключеніи роднаго брата своего Саипъ-Гирея, бывшаго Царемъ Казанскимъ, и который потомъ царствовалъ въ Крыму. — Въ это время, въ началѣ XVI вѣка, Турецкіе Султаны назначали уже Хановъ и почти ни одинъ изъ нихъ не владѣлъ спокойно; герой Бакчесарайскаго фонтана, роскошный Керимъ-Гирей, четыре года провелъ въ изгнаніи, и многіе, нѣсколько разъ бывъ сосланы, возвращались царствовать. Это какъ будто сдѣлалось игрою для Султановъ и для Татаръ, въ которой не столько успѣвали люди даровитые, какъ смѣльчаки и проныры.

Вѣтеръ такъ усилился, что невозможно было воротиться прежнею дорогою, отъ которой мы были слишкомъ далеко, и, пославъ за лодкою, мы пошли къ тому мѣсту, гдѣ могла она пристать. Не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса; надъ нами, подъ нами, торчали камни; должно было лѣпиться около нихъ, по ихъ закра-

инамъ, гдѣ не всегда могла помѣститься нога, и если бы камень оторвался, еслибы закружила голова, мы бы упали въ открытый передъ нами страшныя пропасти.—Сердце мое леденѣло, но я не дрожала; я понимала, что отъ малѣйшаго содроганія могу потерять равновѣсіе, и напрягая всѣ силы души моей подвигалась впередъ за капитаномъ Аркасомъ, который держалъ меня за руку, оберегая съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ увѣрялъ, что мы сойдемъ въ низъ благополучно, но вой вѣтра, заглушая голосъ его, умножалъ мое уныніе; я готова была остановиться и закрывъ глаза отдаться на произволъ судьбы; — вдругъ почувствовала я, что кто-то схватилъ меня за другую руку, и оглянувшись увидѣла знакомаго Татарина, на котораго опершись я нѣсколько ободрилась, хотя и самъ онъ казался встревоженъ.

Когда мы сѣли въ лодку, я не могла промолвить ни слова, но я уже не боялась, меня не страшилъ сильный вѣтеръ, онъ не грозилъ прежними муками.—Приставъ къ берегу, мы прямо пошли въ каменную церковь чудотворца Николая. — Я не могла ничего разсмотретьъ въ ней, не слыхала привѣтствія Греческаго священника, даже не могла молиться, какъ буд-

то забыла всѣ молитвы. Я только чувствовала, что спасена отъ страшной смерти, что изъ-за меня не погибнутъ мои товарищи; я помнила только, что я въ святомъ храмѣ, гдѣ возсыпаются молитвы Богу Христіанскому, Богу милосердія и любви, который прежде настъ самихъ знаетъ о чёмъ хотимъ просить Его, что чувствуемъ и мыслимъ.

Мы всѣ пріятно отдохнули въ домѣ М. А. Манто, куда проводилъ настъ и священникъ. — За обѣдомъ ѿли мы какую-то зелень съ ранжевыми сѣменами, похожую на самую нѣжную капусту, и вкусныхъ морскихъ ершей: сами они невелики, но съ пребольшими головами. Въ Балаклавской бухтѣ много рыбы, которую загоняютъ въ нее дельфины.—Послѣ обѣда, услужливый хозяинъ позвалъ унтеръ-офицера Греческаго батальона въ полномъ вооруженіи, которое они должны имѣть собственное. За плечами у него былъ въ сумкѣ Турецкій пистолетъ, доставшійся отъ прадѣда вмѣсть съ саблею, украшенною серебряною чеканкою, и онъ держалъ Албанское ружье, длиннѣе Русскихъ, и не одинаковое съ солдатскими.

Поговоривъ съ юношою, по лицу котораго тотчасъ можно было угадать благородное его

происхождение, мы пошли, со всеми добрыми нашими знакомыми, гулять по городу. Улицы въ немъ очень узкия, не разъѣхаться двумъ каретамъ, и здѣсь, какъ въ Бакчисараѣ, работаютъ и пекутъ въ открытыхъ лавкахъ.—Когда Крымъ присоединенъ былъ къ Россіи, здѣшніе Татары разошлись, только остались ихъ обычай. Опустѣлые дома ихъ отданы были Грекамъ. Мы заходили къ двумъ отставнымъ солдатамъ. Ихъ живетъ четверо на маленькомъ дворикѣ; у каждого особое крыльцо, около котораго, по связаннымъ веревками кольямъ, вѣтвь винограда со множествомъ плода, теперь еще зеленаго; прелестное убѣжище отъ жару, какого въ нашихъ краяхъ не можетъ имѣть ни одинъ богачъ. Въ верхнихъ горницахъ нѣтъ потолка; прямо кровля, какъ и стѣны, хорошо выбѣленая; вообще все очень чисто, хотя полъ и земляный. Лучшее убранство образа, предъ которыми горятъ лампады: Греки очень набожны, и это облагороживаетъ всѣ ихъ движения.—Жаль, что женщины оставляютъ прекрасный нарядъ свой; мы видѣли только одну благородную Гречанку, одѣтую по своему, что несравненно красивѣе мимолетныхъ Французскихъ модъ. Простыя женщины и девушки одѣ-

ты здѣсь какъ наши горничныя, только у первыхъ на головахъ платки и по нимъ обвиваются косы.

=

Іюлл 24.

Отъ Балаклавы до Байдаръ двадцать двѣ версты. Дорога гористая; съ начала показывается мелкій, потомъ и строевый лѣсъ. На горѣ, откуда съ хорошими глазами можно видѣть Севастопольскіе маяки, окруженнія тополями маленькая часовня Иоанна Предтечи съ колодцемъ. Прошлаго года убили въ ней сторожа и съ тѣхъ поръ она заперта.—Преступники легко могутъ скрываться здѣсь въ горахъ, по большей части покрытыхъ лѣсомъ.

Въ полуверстѣ отъ дороги отдѣльваются дача министра внутреннихъ дѣлъ, Льва Алексѣевича Перовскаго. Я всходила на самый верхъ башни, откуда видны Байдары, но уже смеркалось и ничего нельзѧ было разсмотрѣть между густыми, гористыми лѣсами. Здѣсь растутъ разнаго рода дубъ, ясень, букъ, липа, грабина, но Крымскій лѣсъ вообще не такъ прямъ, какъ у насъ и очень коробится, хотя его долго сушатъ. Его болѣе употребляютъ для кораблей и на

Ч. II.

столярную работу: строить по большей части изъ Русского лѣса.

Кто не смыкалъ о Байдарской долинѣ, прославленной путешественниками едва ли не болѣе издревле знаменитой долины Темпейской. Послѣдней я не видала и конечно никогда не увижу, но признаюсь, что, окруженнага горами, долина Байдарская не сдѣлала на меня особеннаго впечатлѣнія. Это произошло, можетъ быть, и отъ того, что я слишкомъ много ожидала, или отъ того, что очень устала въ Балаклавѣ. Но я хорошо отдохнула въ Байдарахъ, гдѣ мы нашли за умѣренную цѣну покойный почлегъ у старого Грека.

Выѣхавъ рано утромъ, мы долго видѣли долину съ ея пашнями и садами, по извилистой дорогѣ, поднимаясь на горы, кругомъ выступающія съ ихъ обнаженными вершинами.

Съ особеннымъ удовольствиемъ познакомилась я въ Севастополѣ съ бывшимъ Таврическимъ губернаторомъ, нынѣшнимъ губернскимъ предводителемъ А. И. Казначеевымъ, и онъ далъ мнѣ записку о всемъ, что мы увидимъ по дорогѣ, до возврата въ Симферополь. Прочитавъ въ ней, что за нѣсколько верстъ отъ Байдаръ строятся ворота въ рай, то есть

на южный берегъ, я обрадовалась, увида приготовляемые для этого камни Русскими работниками, и чтобы лучше насладиться ожидаемою восхитительною картиною земнаго рая, мы вышли изъ кареты. Насъ тотчасъ окружили Русскіе мужички, благодаря Бога, что видѣть приѣзжихъ изъ Россіи, и могутъ объ ней поговорить. Высокая плата привлекаетъ ихъ въ Крымъ, но они скучаютъ по Россіи, гдѣ все имъ кажется гораздо лучше, люди умнѣе и добрѣе, пища вкуснѣе и питательнѣе, воздухъ здоровѣе.—Они проводили насъ съ пол-версты и разстались съ нами какъ съ родными.—Никогда не забуду я этой встрѣчи. Это были не грубые, закоснѣлые дикари, безотчетно вздыхающіе о скучной, суровой родинѣ, это были люди исполненные высокихъ, пламенныхъ чувствъ. Для пользы семействъ своихъ покинули они родной край, но никакія выгоды не могли имъ замѣнить его. Приходя сюда обыкновенно на три года, они нетерпѣливо ждутъ возвращенія домой, гдѣ не выгораетъ отъ солнца трава, гдѣ нѣтъ страшныхъ, бесплодныхъ горъ, гдѣ говорятъ одинъ съ ними языкъ, гдѣ особенно всѣ молятся одному Богу, гдѣ такъ красивы воздвигнутые Ему храмы.—Великъ народъ нашъ! Ма-

лѣйшее участіе, ласковое слово глубоко его трогаютъ. Онъ готовъ всюду идти за тѣмъ, кто подобно ему благоговѣеть къ вѣрѣ Православной, кто истинно преданъ Царю и отечеству. И какъ мало ему нужно, чтобы удовлетворить нужды его. Съ такимъ народомъ нетрудно покорить міръ и утвердить въ немъ счастіе!

Почтовая дорога по южному берегу идетъ на половинѣ горнаго хребта, называемаго Яйлою, который опоясываетъ море. Когда увидѣла я эти горы, какъ неприступныя, огромныя, каменныя стѣны возвышавшіяся съ лѣвой стороны, а съ правой безбрежное море, и между нимъ и дорогою громады скалъ, на краю которыхъ, ничѣмъ еще не огражденномъ, помчалась четверомѣстная наша карета по твердому, гладкому шоссе, у меня захвatiло духъ. Я долго молчала.—Развѣ потому только, сказала я наконецъ моей спутницѣ, также изумленной и испуганной, какъ я сама, можно назвать берегъ этотъ раемъ, что здѣсь трудно и опасноѣхать, какъ трудно достигать царствія небеснаго среди искушеній мірскихъ?

Я совсѣмъ не того ожидала. Отъ раскинутыхъ по морскому берегу прелестныхъ, какъ всѣ увѣряютъ, дачъ, видны съ дороги толь-

ко кровли; виноградники при нихъ кажутся капустниками, сады мелкимъ кустарникомъ, сгорѣвшія всюду травы рыжимъ пескомъ. И въ добавокъ къ этой грустной картинѣ, недалеко отъ воротъ, противъ Фороса, имѣнія Нарышкина, навалены по дорогѣ огромные камни, прошлаго года оторвавшіеся отъ горъ, промытыхъ дождями, съ ужаснымъ стремленіемъ льюющимися съ крутыхъ ихъ вершинъ.

Мы медленно подвигались впередъ. За нѣсколько дней на Байдарской долинѣ, на совершенно ровномъ мѣстѣ, уронили карету Николая Михайловича Лонгинова, и самъ онъ тяжело ушибся: боясь этого, мы на каждомъ крутомъ поворотѣ или спускѣ шли пѣшкомъ. Это было гораздо легче, нежели воображать, что малѣйшая неосторожность ямщика можетъ опрокинуть насъ между торчавшими острыми скалами, отъ которыхъ отдѣляло насъ самое малое разстояніе, совершенно исчезавшее, когда сидѣли мы въ каретѣ.—Нѣсколько минутъ стояла я среди чудныхъ, поразительныхъ картинъ у деревянного креста, гдѣ въ 1834 году оторвавшаяся скала увлекла съ собою четырехъ солдатъ, работавшихъ на дорогѣ; истер-

занныя тѣла ихъ тутъ и погребены.—Обѣзжая свою епархію, Таврическій архіепископъ Гаврілъ отслужилъ здѣсь литію. Можна вообразить, какъ было величественно моленіе святителя надъ бездою морскою, подъ навѣсомъ исполинскихъ горъ! Картина, достойная краснорѣчиваго пера и знаменитой кисти! Съ тѣхъ поръ дорога отнесена далѣе на лѣво, и для большей безопасности въ одномъ мѣстѣ пробиваются ее въ скалѣ. Мы видѣли, какъ въ нее вколачивали длинныя желѣзныя палки, и вынувъ ихъ насыпали туда пороху, послѣ чего, когда, въ слѣдъ за нами, вышли работники, одинъ изъ нихъ осторожно зажегъ порохъ, и чрезъ минуту отъ распавшихся камней точно раздались выстрѣлы, и изъ пробитаго сводомъ отверстія пошелъ густой дымъ.

Проѣхавъ мимо Мердвена огромной, каменной лѣстницы между двумя скалами, по которой можно взбираться пѣшкомъ и верхомъ на Яилу, но куда не допустить нась слишкомъ осторожный проводникъ нашъ, увидѣли мы на полугорѣ къ морю небольшую лачу. Намъ сказали, что она принадлежитъ генеральшѣ Бюрно, и, умирая отъ жажды,

послала попросить воды. Пригласивъ нась къ себѣ, привѣтливая хозяйка подчиowała нась шелковицею, сливами и простоквашей. Мужъ ея на Кавказѣ, и она живеть одна съ маленькою дочерью. По просьбѣ моей, показала она мнѣ садъ свой и огородъ; все въ нихъ поблекло и заяло отъ жару, и нельзѧ пособить этому: выработавъ рубль, лѣнивые Татары ни за какія деньги не примутся за работу, пока опять нечего будетъ Ѣсть. Впрочемъ, эта сторона юнаго берега считается еще почти дикою, и мы очень довольны, что все лучшее у насъ впереди.

==
Іюля 21.

Чтобы вполнѣ оцѣнить дивную Тавриду, должно Ѣхать верхомъ, или въ самомъ легкомъ экипажѣ, заѣзжая всюду, гдѣ замѣтно чтонибудь привлекательное. Съ большой дороги, какъ я уже сказала, видны однѣ кровли приморскихъ дачъ, и невозможность попасть туда истинно томительна. Я часто заглядывала въ листокъ А. И. Казначеева, и когда показалась въ дали Алупка, прочла съ большимъ удовольствіемъ, что туда спускаются въ каретѣ, только

должно ее подтормозить. — Алупка нѣсколько разъ показывалась и скрывалась, но я уже не тревожилась, что мы ее не увидимъ, и приближаясь къ ней любовалась чудною, прелестною архитектурою замка, которому въ Россіи нѣть подобнаго. Немного остается у насть и вельможъ, живущихъ, какъ живетъ князь Воронцовъ. Посѣтители помѣстя, имъ созданнаго и украшеннаго, и въ его отсутствіе пользуются его гостепріимствомъ. Насть приняли въ томъ домѣ, гдѣ онъ самъ жилъ до построенія замка, и въ продолженіе двухъ сутокъ, проведенныхъ нами въ Алупкѣ, угощали съ Русскимъ, боярскимъ радушіемъ. Я этому не удивилась,— мнѣ казалось иначе не могло быть въ домѣ князя Михайла Семеновича.

Не знаю, что болѣе достойно здѣсь любопытства и удивленія: обширный ли замокъ, сооруженный по плану Англійскаго архитектора Русскими работниками, изъ Крымскаго порфира, твердость котораго не могутъ сокрушить вѣка, или пространныя сады съ деревьями и цвѣтами, о которыхъ даже не слышать на сѣверѣ, которыхъ премѣсть нельзя вообразить, не видавъ ихъ. Замокъ готовыи къ прїезду Великаго Князя Константина Николаевича, но и въ

неубранныхъ, пустыхъ комнатахъ весело было ходить, любуясь изъ оконъ дивною природою. Въ гостиной (а), во всю ширину дома, съ лѣпными, но голубымъ стѣнамъ и потолку бѣлыми цвѣтами, съ одной стороны видѣ на море, съ другой на возвышающейся между Яйлою почти на шесть сотъ саженъ отъ морской поверхности, каменный исполинъ Ай-Петри.— Въ столовой съ необыкновеннымъ дубовымъ потолкомъ, какъ по описаніямъ бывали они въ древнихъ рыцарскихъ замкахъ, огромная, богатѣйшая ваза пожалована Государемъ Императоромъ, въ память пребыванія Его въ Алупкѣ въ 1837 году. Въ этой комнатѣ и еще въ другихъ, вмѣстѣ съ мраморными каминами, мраморные фонтаны, въ которыхъ проведенна съ горѣ вода такъ вкусна и свѣжа, что уже не захочется никакого другаго питья.

Надъ выложенною порфиromъ обширною террасою, между замкомъ и моремъ, съ бѣлыми мраморными вазами для цвѣтовъ и вновь приготовляемыми фонтанами, еще другая тер-

(а) Русское слово гостиная гораздо лучше Французскаго «салонъ» объясняетъ свое назначеніе, и вообще Русскимъ легко можно обойтись безъ употребленія иностранныхъ словъ, изрѣдка необходимыхъ.

раса около всей передней стороны замка, откуда, углубленный внутрь, сквозной входъ съ порфировыми колоннами, отъ которыхъ прелестно отдѣляются бѣлыя, съ богатою лѣпною работою стѣны. Надъ ними рисуется восточная надпись; нѣкому было мнѣ объяснить ее, и я даже не знаю Турецкая она, или Арабская, но ее можно почесть заклинаніемъ, чтобы входящіе въ чудный замокъ гости не нарушили спокойствія его жителей, и сами насладились въ немъ всѣми утѣхами волшебного края.—Мы были и на кровлѣ, съ горной стороны обнесенной островерхочными зубцами, а съ моря перилами, тонко высѣченными также изъ порфира. Множество башенъ и башенокъ, вмѣстѣ съ соединенными между собою по три, по пяти и по семи трубъ, умножаютъ красу зданія, доказывающаго, что въ Россії есть изъ чего и кому соорудить вѣковые памятники, какимъ со всѣхъ странъ Европы єздятъ удивляться въ Римъ, нѣкогда располагавшій судьбами народовъ и сокровищами всего міра.

Посѣтители Алупки по большей части предпочитаютъ верхній садъ нижнему. Трудно решить, который изъ нихъ дѣйствительно прелестнѣе. Въ послѣднемъ цѣлый лѣсокъ кипарис-

ный, гдѣ, укрываясь отъ солнечнаго жара, забываешь, что это прелестное дерево, такъ сказать, посвящено умершимъ. Грустныя мысли недоступны въ мѣстахъ этихъ, гдѣ зреютъ на воздухѣ лимоны и апельсины, махровыя олеандры выростаютъ вдвое выше высокаго человѣка, и не видать зелени розъ подъ ихъ разнообразными цветами. Я удивлялась простой магноліи въ славной оранжерѣ графини Браницкой, а здѣсь махровая магнолія растетъ въ саду. И сколько здѣсь различныхъ лавровъ? Одни душистые, другіе весь годъ зеленые; какія огромныя смоковницы, осыпанныя еще незрѣлыми плодами; сколько маслинъ и шелковицы черной и бѣлой, какая прелестная акація съ остатками розовыхъ цветовъ! Между всѣми этими, и еще многими прекрасными деревьями, великолѣпные цветы, и съ одного дерева на другое перекидывается самородный виноградъ, плодомъ котораго здѣсь пренебрегаютъ, потому что онъ мельче и кислѣе посаженнаго.

Въ верхнемъ саду въ одной каменной пещерѣ могъ бы поселиться пустынникъ, въ другой погребена любимая княгинина собака, вывезенная изъ Бруссѣ. Каменные лѣстницы, ущелья, водопады, пруды, лужайки и ручейки разно-

образять садъ этотъ, гдѣ также много тѣни и великолѣпныя деревья, и по обрывкамъ скаль вьются плющъ или прелестные цвѣты. Мы взобрались между громадами камней на площадку, и съ удивленiemъ увидѣли подъ ногами Татарскую деревню, гдѣ на плоскихъ кровляхъ сушились сливы, у нѣкоторыхъ на холстинѣ, у другихъ просто на земляной кровлѣ, гдѣ онѣ мѣшались со всякою грязью.

Я тѣмъ болѣе наслаждаюсь всѣмъ, что вижу въ Алупкѣ, что это подаетъ мнѣ надежду, что и весь Крымъ также будетъ со временемъ обработанъ. Не одинаковы на это средства, но всюду одно небо, одинъ воздухъ, только должно дѣйствовать осторожно, не торопясь насладиться, соображаясь со своимъ достаткомъ.

Когда темный вечеръ принудилъ насъ воротиться въ комнаты, мнѣ поставили свѣчи на обширномъ балконѣ, и я написала нѣсколько писемъ, восхищаясь, что пишу изъ Крыма, съ южнаго берега. Свѣчи ярко горѣли на воздухѣ, наполненномъ сладкимъ запахомъ кавалерскихъ звѣздъ, которыя у насъ такъ трудно выростить въ комнатѣ, а здѣсь онѣ зимуютъ въ саду и вьются по периламъ балкона во второмъ этажѣ. Послѣ ужина мы еще посидѣли тутъ,

уже безъ огня, любуясь, какъ въ тихомъ морѣ отражался ясный мѣсяцъ.

=

Іюля 22.

Добрый спутникъ нашъ М. И. Декленъ прі-искалъ намъ маленькую бричку, и мы въ ней отправились по окрестностямъ, съ тѣмъ, чтобы на ночь воротиться въ Алупку, гдѣ оставили карету. Въ открытомъ экипажѣ несравненно пріятнѣе здѣсь ѳздить. Живописная природа видна уже не частями и отрывками, какъ изъ кареты, а во всей полнотѣ своей, и разомъ обнимаешь глазами небо, море и горы, между которыми щедрая рука Создателя на каждомъ шагу разсыпала дивныя, невообразимыя красоты. — Миновавъ столбъ, на которомъ съ одной стороны гербъ князя Воронцова, а съ другой Льва Александровича Нарышкина, что означало, что мы уже въ Мисхорѣ, помѣстьѣ послѣдняго, мы ѡхали прекраснымъ садомъ, въ которомъ особенно замѣчательна лавровая роща. Домъ очень покойный; въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи для хозяйки, рожденной графини Потоцкой, маленькая Латинская церковь, прекрасной

архитектуры, прекрасно отдеяна внутри: не скоро узнаешь, что бѣлыя подъ мраморъ стѣны не настоящія мраморныя, особенно потому, что мѣстами проведены по нимъ черты, какъ будто онъ сложены изъ кусковъ. Колонны около алтаря и расписанныхъ боковыхъ оконъ также совершенно какъ порфировыя. Надъ престоломъ прекрасной Флорентинской мозаики, круглое окно съ разноцвѣтными стеклами, а надъ входомъ, чтобы не было слишкомъ темно, окно обыкновенное, во всю ширину двери. Все это вмѣстѣ очень красиво. Полъ мраморный, только у дверей кирпичный выкрашенъ бѣлою масляною краскою: не знаю, прочно ли это, но видъ очень хороши.

Отъ Мисхора верста до Кораса, принадлежавшаго княгинѣ Аннѣ Сергеевнѣ Голицыной, и ею устроеннаго. Домъ очень обыкновенный, съ большимъ крыльцомъ, по нынѣшнему террасой, но по скату къ морю прекрасный садъ и чудесные виды. Съ одной стороны Мисхоръ, съ другой Гаспра покойнаго князя Голицына, и наконецъ станція.—Эта дача изъ самыхъ здѣсь значительныхъ. При ней девяносто десятина земли и виноградники даются уже двѣнадцать тысячъ рублей ассигнациями доходу, а, какъ

увѣрялъ меня иностранный управитель, могутъ давать вдвое болѣе. — Церковь просторная, по вовсе не величественная. Иконостасъ плотничной съ четырьмя большими иконами въ узкихъ, золоченыхъ рамахъ, окрашенъ голубою краской. Царскія двери прорѣзныя, совсѣмъ гладкія, на срединѣ крестъ до потолка, аршинъ въ пять или выше. На лѣвой сторонѣ погребена княгиня Голицына, умершая, пятидесяти девяти лѣтъ, въ Симферополѣ, откуда сбиралась она ѻхать за границу, соскучивъ въ Тавридѣ. Говорятъ, и многіе здѣсь скучаютъ. Вѣрю, но не понимаю.

Гаспра, гдѣ владѣлецъ ея, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, никогда прежде въ ней небывавшій, поселился передъ его смертью, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большой дороги. Тополевая аллея идетъ отъ воротъ къ прекрасному дому въ два этажа съ церковью и двумя башнями. Въ одной часы и лѣстница, въ другой была часовня, отъ которой остался одинъ деревянный крестъ. Священникъ увезъ ключи отъ церкви; мы видѣли ее только съ хоръ; иконостасъ темнаго дерева, и въ алтарѣ большое разноцвѣтное окно. Странно, что князь пріѣхалъ сюда лишенный зрѣнія, когда онъ не могъ уже насла-

ждаться красотами природы. Особенно нельзя не дивиться этому, прочитавъ на стѣнѣ, подъ портретомъ князя, надписи Государя Императора и Государыни Императрицы, свидѣтельствующія Ихъ милостивое къ нему расположение: ему не должно было выѣзжать изъ Петербурга. Царскія надписи сохраняются подъ зеркальнымъ стекломъ въ дубовой рамѣ превосходной работы.

Сторожъ, простой крестьянинъ, принесъ намъ тарелку черной шелковицы, чрезвычайно сочной, и мы, освѣжившись ею, нѣсколько минутъ любовались картиными видами съ балкона. Кромѣ дачь Нарышкина и княгини Голицыной, виденъ еще маякъ Айтодорскій, на крутомъ мысѣ, гдѣ былъ нѣкогда монастырь святаго Феодора. Тамъ еще находятъ остатки мраморныхъ колоннъ, но нельзя иначе проѣхать туда, какъ верхомъ.

Х.

ДВЪ ОРІАНДЫ, ЛИВАДІЯ, ЯЛТА, МАССАНДРА, БІОКЪ-
ЛАМБАТЬ, АЛУШТА.

Іюля 15.

Въездъ въ Оріанду Великой Княгини Елены Павловны такъ прелестенъ, что охотно бы воротился назадъ, чтобы еще проѣхать мимо высокаго, отвеснаго утеса Мегаби, поросшаго лѣсомъ, надъ которымъ золотой крестъ возвышается, что прекраснымъ этимъ краемъ владѣетъ. Ч. II.

ють уже не хищные поклонники Магомета, опустошившие порабощенную ими Тавриду, а исповѣдники Иисуса Христа, при которыхъ нѣкогда цвѣли здѣсь города и села. За этою скалою другая, едва ли еще не выше, съ небольшою пещерою; часть ея покрыта плющемъ необъятной величины, и она стоитъ какъ прямая стѣна, на которую, кажется, могутъ подниматься одни орлы, часто летающіе въ здѣшнихъ мѣстахъ; но съ противной стороны легко можно взойти на нее, и въ присутствіе Государыни Императрицы въ 1837 году вершина ея была иллюминирована.

Изъ дому, оставшагося послѣ графа Витте, которому принадлежала дача эта, купленная имъ у господина Ашера, обширные, прелестные виды. Немного и въ Крыму такихъ видовъ.—Но не это мѣсто пленило покойнаго Императора, не его угодно было Ему пріобрѣсти, не здѣсь изволилъ говорить Онъ, что Ему бы хотѣлось тутъ пожить. Я не могла вообразить ничего красивѣе; но я не сомнѣвалась, что мѣсто, которое предпочтѣль Императоръ Александръ, должно превзойти все, что я уже видѣла, что еще увижу, и скоро въ этомъ убѣдилась, пріѣхавъ въ избранную имъ Оріанду Государыни Императрицы. — Вотъ гдѣ Тавриду можно, должно назвать раемъ.

Здѣсь изумляютъ не бесплодныя каменные скалы, какъ въ Бакчисараѣ, не страшныя крутизы, какъ въ Балаклавѣ или Мангупѣ-Калѣ; здѣсь нѣтъ и древнихъ развалинъ, нѣтъ еще и новыхъ обширныхъ зданій. Искусство только начинаетъ здѣсь проглядывать; но здѣсь обворожительна природа, величественная, разнообразная, изобилующая всѣмъ, что потребно человѣку, что можетъ возвысить духъ его, развеселить и растрогать его сердце!

Прежде всего взошли мы на лѣсистую скалу надъ моремъ, гдѣ Государынѣ Императрицѣ угодно было приказать поставить крестъ. Крестъ этотъ виденъ издалека, и можно представить, съ какимъ чувствомъ устремляютъ на него глаза пловцы, когда судно ихъ борется съ вѣтромъ.—Я упала на колѣна передъ изображеніемъ того святаго креста, на которомъ запечатлѣлось спасеніе міра, и пламенная молитва о благодѣствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ вылилась изъ преданной души моей. Съ малолѣтства всѣмъ обязанныя Царскому Дому, я вполнѣ убѣждена, что благо отечества безцѣнно нашимъ Государамъ, и что они готовы облагодѣтельствовать всякаго, чьи печали и нужды могутъ быть имъ извѣстны!

Срѣзавъ вѣточку съ посаженного по близости Государыней Императрицей еще невысокаго, но кудряваго лавра, я сѣла на самой крутизнѣ. Надо мною только было свѣтлое небо, откуда какъ будто сыпались въ море золотыя блестки; оно все казалось обширнымъ золотымъ ковромъ.—Сначала шли мы сюда широкою дорогою, по которой можно бы спокойно ѿхать въ коляскѣ, и отдохнувъ на площадкѣ, гдѣ, подъ густыми деревьями, стоять, изъ дре-весныхъ вѣтвей, сельские диваны, продолжали путь нашъ между нагроможденными вѣками камнями, подъ тѣнью растущихъ въ щеляхъ ясени, терпентина и можжевельника. Послѣдній вовсе непохожъ на наши можжевеловые кусты. Это здѣсь дерево, какъ наши средняго роста сосны, и изъ него дѣлаютъ щегольскую мебель, свѣтлѣ и красноватѣе орѣховой. Терпентинъ, изъ сѣменъ котораго дѣляется скапидаръ, такъ же хорошъ для столярной работы и долженъ быть очень красивъ, когда зеленая теперь кисти его покраснѣютъ.

Чѣмъ выше поднимались мы, тѣмъ дорога становилась уже, и наконецъ кончилась стезею, высѣченною въ скалѣ. Вънизу, въ глубокой долинѣ, строится дворецъ, на другомъ концѣ ея,

противъ утеса со крестомъ, выдвигается изъ лѣса такой же утесъ, на которомъ рисуются бѣлые колонны сквозной бесѣдки. За нею виденъ между деревьями двухъ-этажный съ башнею домъ управляющаго, а далѣе, на поворотѣ, у подошвы разноцвѣтныхъ горъ, какъ будто выходитъ изъ моря прелестно въ немъ нарядившійся городокъ Ялта, и потомъ за нимъ, по гораздо выше, обширнѣйшее на юномъ берегу помѣстье князя Воронцова, Массандра, и наконецъ весь Магарачъ.—Такъ называется горный скатъ къ морю, долго бывшій въ запустѣніи. Въ 1830 году, по волѣ Государя Императора, находящіяся тутъ сто двадцать десятинъ раздѣлены на сорокъ участковъ, которые и розданы всѣмъ желавшимъ садить виноградъ, безъ всякой за это платы, только съ нужными предосторожностями, чтобы это дѣйствительно было исполнено. Съ тѣхъ поръ мало по малу мѣсто это обратилось въ обширный садъ, по которому разметаны прелестные домики. Сладко смотрѣть на нихъ, воображая, сколько одна высокая, благодѣтельная мысль произвѣла добра, надѣливъ и состояніемъ и вседневными наслажденіями трудолюбивыхъ поселенцевъ.

Я не чувствовала усталости, забывала, что давно пора обѣдать. Обѣдъ ждалъ нась въ маленькой, досчатой палаткѣ, гдѣ отдыхаетъ угощавшій нась подрядчикъ дворцоваго строенія. Но мы прежде посмотрѣли эту постройку, которая производится подъ присмотромъ стройшаго замокъ въ Алупкѣ, Англичанина Гунта (а), но по плану, сдѣланному въ Петербургѣ архитекторомъ Штакеншнейдеромъ. Это четыреугольное зданіе съ небольшимъ внутри дворомъ и обширною террасою. Она будетъ очень великолѣпна, но еще сдѣлано только основаніе и въ дворцѣ еще нѣтъ половъ; мы ходили въ немъ по доскамъ, положеннымъ для работниковъ. Стѣны изъ Инкерманскаго камня, который всѣхъ здѣсь бѣлѣе и крѣпче; лѣсъ привозятъ чрезъ Херсонъ изъ Брянска. На полы и потолки вмѣсто земли будутъ класть, въ два вершка толщиною, мелко рубленное старое сѣно, разведенное водою съ пескомъ и известью, на подобіе тѣста, а надъ окнами и дверьми, гдѣ дерево касается камня или кирпича, мажутъ его кипящею сосновою смолою. Вообще принимаютъ всѣ предосторожности, чтобы строеніе было сухо и прочно.

(а) Hunt.

Виды изъ дворца во всѣ стороны очаровательные; очаровательна и вся Оріанда. Между двумя покрытыми лѣсомъ горами блеститъ са- мородный водопадъ. Если теперь, послѣ сильной засухи, онъ бѣлою струею быстро стремится съ огромной вышинѣ, по широкимъ уступамъ, можно вообразить красоту его и величие весною и осенью. Надъ нимъ висятъ орѣшины и ясени, и онъ, обратясь въ ручей, катится потомъ по дорогѣ, ведущей къ морю, подъ крышею винограда, площа и ломоноса (*clémasites*). Поразнымъ въ горахъ лощинамъ цвѣтники съ кучами магнолій, бѣлыхъ и розовыхъ олеандровъ, и необычайной красоты гортензій, которая цвѣтуть почти цѣлые шесть мѣсяцевъ. — Но всего удивительнѣе въ главномъ цвѣтникѣ, еще въ первый разъ поспѣвающей бананъ. Около стебля въ девять рядовъ плодъ, и въ каждомъ ряду девять плодовъ, похожихъ на большие огурцы. Они и пахнутъ огурцами; неизвѣстно, каковы будутъ зрѣлые, но зеленые вяжутъ ротъ и kleятъ руки. Индійскій плодъ поспѣваетъ въ Россіи; въ обширной Россіи соединены всѣ произведения сѣвера и юга. Все, что въ другихъ земляхъ должно искать за дальнymi морями, у чужихъ народовъ, у нась, подъ властью одного Госу-

ДАРЯ, въ одной обширной межѣ. Правда, слишкомъ обширная межа эта; но со временемъ ми-
щенья дороги и каналы сблизятъ у насть раз-
стоянія, а степи и лѣса заселятся,—и если зави-
стливые иноземцы вздумаютъ мѣшать нашей
торговлѣ, одинъ внутренній промыслъ не допу-
стить обѣднить тѣхъ, у кого свой хлѣбъ, свой
лѣсъ, свое золото, свое жельзо, свои стада и
свои плоды.

Подивившись огромнѣйшей во всемъ Крыму
смоковницѣ, слишкомъ въ десять саженъ выши-
ною, осыпанной еще незрѣлыми плодами, и
пожелавъ, чтобы болѣе разводили красивое дер-
жи-дерево, изъ сѣменъ котораго, сказывали мнѣ,
дѣлаютъ самое лучшее масло, мы спустились къ
морю, какъ будто отсюду насть къ себѣ манившему.—Здѣсь въ новомъ видѣ представляется
дворецъ; долина подъ нимъ кажется высокою
горою, и онъ стоитъ на ней среди густыхъ ро-
щай и отвѣсныхъ утесовъ, какъ чистая, бле-
стящая жемчужина, окруженнная прелестною,
разноцвѣтною эмалью. Зачерпнувъ рукою мор-
ской воды, мы набрали мелкихъ, чрезвычайно
гладкихъ и красивыхъ камушковъ, которые
сердясь выбрасываетъ море. Ихъ накопилось
тутъ четыре уступа, по которымъ судить мож-

но о разныхъ степеняхъ его раздраженія. Чѣмъ
выше, тѣмъ крупнѣ камни; они достигаютъ
самой подошвы горъ саженъ десять отъ моря.
Въ иныхъ мѣстахъ берегъ обложенъ маленьки-
ми скалами; одна, какъ будто оторванная бу-
рею, стоитъ одиноко въ морѣ, и волны шумно
около нея разбиваются. Долго гуляли мы тутъ
послѣ обѣда, за которымъ гостепріимный ку-
пецъ Поливановъ подчивалъ насть, между про-
чимъ, кефалю, морскою рыбою; она въ родѣ
нашихъ сиговъ, но гораздо вкуснѣе.

Мыѣхали изъ Оріанды въ Ливадію преле-
стными мѣстами, гдѣ развелось много дикихъ
козъ, которыхъ здѣсь зовутъ данилками. Ве-
село было глядѣть, какъ онѣ по одинакѣ и по
нѣсколько вмѣстѣ бѣгали и рѣзвились по луж-
камъ и лѣсочкамъ, надъ которыми возвыша-
ются лиловыя горы.

Изъ Ливадіи, прежде принадлежавшей гене-
ралу Ревильоти, а теперь графу Потоцкому,
также живописные виды по морскому берегу;
мѣстами каменные горы спускаются до самого
моря, а одна гора вся поросла лѣсомъ, и ея гу-
стая зелень оживляетъ богатую картину разныхъ
дачъ. Ялта отсюда въ четырехъ верстахъ, и
можно видѣть все, что тамъ дѣлается на улицахъ.

Поля 24.

Долго пробыть въ Оріандѣ, мы прѣхали поздно въ Ялту, но по счастію тотчась нашли въ гостинницѣ хорошую комнату, гдѣ, напившись чаю, спокойно ночевали.—Здѣсь нѣкогда была крѣпость, въ XV вѣкѣ разрушенная землетрясеніемъ. Выгодная гавань снова привлекла сюда жителей, и можно надѣяться, что сдѣланная городомъ Ялта скоро процвѣтѣтъ. Ее особенно оживляютъ пристающіе изъ Одессы пароходы, на которыхъ прѣѣжаютъ путешественники, желающіе видѣть южный берегъ Крыма.—Постоянныхъ жителей здѣсь съ небольшимъ четыреста душъ обоего пола, и каждый годъ приходитъ до двухъ сотъ работниковъ.

Церковь въ Ялтѣ крестомъ очень свѣтлая, со множествомъ главъ разной вышины и величины. Прекрасно, но на высокомъ, открытомъ мѣстѣ очень непрочно: вѣтеръ уже сорвалъ нѣсколько главъ и кровля течетъ. Такія изогнутыя кровли могутъ хорошо дѣлать только самые искусные плотники, какихъ немноги въ Россіи. Церковь эта построена въ 1837 году и очень украшаетъ хорошеній городокъ. Въ немъ уже три улицы и набережная, вымощенная булыжникомъ, по которому тяжело ходить,

но нельзя пособить этому: море тотчасъ уносить все, чѣмъ засыпаютъ неровный камень.

Мнѣ очень хотѣлось посмотретьть, (версты за двѣ отъ города, славный водопадъ Акаръ-Су, но онъ отъ жаровъ совсѣмъ высохъ, и мы, до него не добѣхавъ, видѣли только маленькую церковь при Греческомъ селенії Аутка. Старикъ священникъ не знаетъ, когда она построена, вѣроятно, при Татарахъ; это не церковь, а тѣсная, убогая хижина, снаружи, и съ кровлею, не много выше моей головы. Въ нее спускаются по тремъ ступенямъ. Иконостасъ, какъ и стѣны, каменный съ каменными же для образовъ широкими полками, на которыхъ выдолблены мѣста для свѣчъ. Двери царскія, или лучше сказать мѣсто, гдѣ имъ должно быть, не шире двѣнадцати вершковъ, и только виситъ занавѣсь. Вмѣсто оконъ два отверстія, одно въ алтарѣ, другое въ церкви, вершковъ по шести длиною и съ небольшимъ вершокъ шириной.—Тяжело все это видѣть, особенно среди Магометанъ. Жители Аутки давно бы могли построить новую церковь, оставивъ эту въ память протекшихъ страданій отцовъ своихъ, какъ въ Балаклавѣ хранится церковь Петра и Павла, подобная Аутской. Принявъ отъ Грековъ вѣру Хри-

стіанскую, Русские несравненно ихъ попечительнѣе о храмахъ Божиихъ. Самый бѣдный крестьянинъ нашъ, не имѣя возможности дать на это денегъ, когда въ его приходѣ строится церковь, усердно на нее работаетъ, или возить дрова, или готовить глину.

Насъ ждали въ Массандрѣ наканунѣ къ ночи, и если бы мы успѣли туда пріѣхать, могли бы гораздо лучше увидѣть прекрасное это помѣстие съ шестью стами десятинъ земли, гдѣ графиня Потоцкая замышляла основать городъ. Оно было потомъ куплено графиней Александрой Васильевной Браницкой и подарено ею внуку ея, молодому графу Воронцову. Мы здѣсь обѣдали, пользуясь, какъ въ Алупкѣ, вельможнымъ гостепріимствомъ отсутствующихъ хозяевъ.—Прекрасная здѣшняя церковь недавно построена на развалинахъ древняго монастыря, и въ ней въ подвалѣ источникъ, откуда вода течетъ подъ каменныи сводъ, гдѣ прибита цыпъ съ ковшомъ для прохожихъ. По правую сторону крыльца висятъ колокола на огромномъ дубѣ, около котораго, подъ густою тѣнью, на скамьяхъ могутъ помѣститься слишкомъ двадцать человѣкъ, а вблизи подъ орѣшиною около двадцати. Церковь эта мнѣ понравилась гораз-

до болѣе Алупской въ видѣ Тезеева храма. Ее осѣняетъ огромный кипарисъ и кругомъ кипарисы и другія деревья.

Домъ здѣсь обыкновенный, но очень покойный и помѣстительный. Противъ него большой лугъ, какихъ еще не видали мы на южномъ берегу; но скосленное сѣно отъ жаровъ совсѣмъ желтое. Кстати скажу, что Татары свое сѣно, чтобы оно не портилось отъ дождей и не трогалъ его скотъ, вѣшаютъ на деревья. Странно видѣть это, и по одному этому судить можно о лѣнности жителей, которымъ слишкомъ трудно кажется огородить возъ сѣна.

Въ Массандрѣ есть и наши сѣверныи ели, и право, онѣ не безобразны и между кипарисами. Но всему краса море, неровно окаймленное горами; ближайшія совсѣмъ зеленыя, а далѣе онѣ какъ будто накрыты синимъ флеромъ. Здѣсь разводятъ табакъ. Растеніе это съ большими его листьями и розовыми цветами нарядило бы цветники наши. Виноградники здѣшніе очень значительны. Главный надъ ними смотритель, Гейзеръ, сказывалъ мнѣ, что наиболѣе дѣлаютъ Шампанское вино. Насъ подчивали изъ княжескихъ погребовъ Шампанскимъ еще въ Херсонѣ, гдѣ платятъ за бутыл-

ку четыре рубля ассигнациями. Я очень мало въ этомъ разумѣю, но по моему вино это не хуже иностраннаго.—Въ Алупкѣ зазвалъ насъ въ погребъ главный винодѣлъ, Французъ Собисъ, изъ Бордо, и тутъ поднесъ намъ прямо изъ бочки мускатнаго вина съ пріятнѣйшимъ запахомъ и отмѣннаго вкуса. Оно нейдетъ въ продажу.—Отецъ Собисъ, подъ вѣдѣніемъ котораго плоды, принесъ мнѣ корзинку винограду и фигъ, которыя онъ непремѣнно захотѣлъ для меня срѣзать, хотя онъ не достигли совершенной зрѣлости. На мои распросы о Французскомъ винодѣліи, онъ утвердительно сказалъ, что хорошия Крымскія вина не уступятъ Французскимъ, и со временемъ Россія можетъ освободиться отъ убыточнаго потребленія иностраннныхъ винъ. Къ водѣ подавали намъ и въ Алупкѣ и въ Массандрѣ Айданиль, такъ называемый по дачѣ княжеской, гдѣ обширнѣйшіе виноградники. По мнѣ вино это гораздо лучше иностраннныхъ бѣлыхъ винъ, которыхъ, какъ многіе увѣряютъ, и при отправкѣ и при полученіи разводятъ и подправляютъ.

За Ялтою, горы, уже не такъ высокія и угрумые, отчасти покрыты лѣсомъ, но лѣсь этотъ рѣдокъ и сквозь него видны камень и песокъ.

Деревня Ай-Василь очень живописна. Пройхавъ ее, дорога идетъ по горамъ извилинами, по нѣсколько разъ оборачиваясь около одного мѣста, и при каждомъ оборотѣ перемѣняются виды, и всюду хочется постоять, чтобы ими полюбоваться; но лошади летятъ и волшебный картины исчезаютъ какъ призраки, какъ легкія облака, которая гонить сильный вѣтеръ.—По счастію мы все еще ѿхали въ открытой бричкѣ, и это доставляло намъ наслажденіе видѣть все, что ждало насъ впереди и что оставалось за нами. Иначе я бы сказала, что странно, почему гору Аю-дагъ сравниваютъ съ лежащимъ медведемъ; пока мы видѣли ее со стороны Оріанды, гора была какъ гора, но когда я, оборотясь назадъ, ее увидѣла, я схватила за руку Настасью Петровну, чтобы и она подивилась, какъ похожъ Аю-дагъ на огромнаго звѣря, припавшаго напиться въ морѣ. — Къ нему какъ будто прижался Артекъ А. М. Потемкина. Домъ и бѣсѣдка, какъ кажется съ дороги, на самомъ краю отвеснаго берега, прелестно рисуются на синемъ морѣ. Помѣстие это, по словамъ Монтандона, исполнено романническихъ красотъ, но время не позволило намъ посмотреть его, и говорятъ, даже въ легкомъ экипажѣ очень трудно

туда проѣхать съ тѣхъ поръ, какъ уже нѣсколько лѣтъ не бывали въ немъ хозяева.

И Юрзуфъ, И. И. Фундуклея, съ прилегающими къ нему развалинами древней Генуезской крѣпости и двумя отдѣльными въ морѣ скалами, видѣли мы только издали. Артекъ скоро исчезъ, но Аю-дагъ какъ будто слѣдовалъ за нами. Противъ него въ тѣснинѣ съ каменными, изъ такъ называемаго песчаника, столбами мостъ, подъ который шумно течетъ съ утеса на утесь величественный водопадъ. Бѣлая его пѣна рѣзко отдѣляется отъ черныхъ шиферныхъ скалъ, которыхъ куски распадались у меня въ рукахъ. По нимъ растутъ мелкая грабина и дубъ, и это лучшая земля для винограда, особенно Рейнскихъ породъ. Вънизу на водопадѣ Татарская мельница деревни Дерменкой, лучшая на южномъ берегу по количеству воды; въ сутки мелеть отъ восьми до десяти четвертей.

Когда исчезъ Аю-дагъ, показалась окруженная садами прекрасная дача Караксанъ. За нею раскиданныя по берегу острыя скалы, какъ будто развалины древняго города торчатъ между деревьями, и потомъ снова показываются отвѣсныя каменные горы. Все это мелькало въ

глазахъ у насъ. Мы уже не просили ямщика тише ехать, спѣша перемѣнить лошадей въ Біюкъ-Ламбатѣ, чтобы не запоздать на дорогѣ въ Алушту. Въ Крыму страшноѣездить по ночамъ.

Біюкъ-Ламбатѣ построенъ по скату горы, и издали Татарскія хижины съ ихъ плоскими кровлями кажутся природными террасами; только совсѣмъ подъѣхавъ къ нимъ видно, что тутъ живутъ люди. Кровли эти убиты глиною, смѣшанною съ землею, и въ дождѣ надо очень трудиться, чтобы ихъ не размыло, для чего лежать на готовѣ особые катки. Хотѣлось было и Русскимъ поживиться дешевыми кровлями, но не достало, видно, терпѣнья ихъ уколачивать, скоро все обвалились.

Насъ привезъ въ Біюкъ-Ламбатѣ пожилой ямщикъ съ бритою бородою. Я подумала, что онъ отставній солдатъ, но на вопросъ мой обѣ этомъ, онъ оборотясь отвѣчалъ, что онъ выкрестъ.—Впервые услышавъ это слово, я спросила, что оно значитъ?—Я быль Татаринъ, сказалъ ямщикъ.—А теперь?—Теперь слава Богу Русской.—Я поняла что онъ принялъ святую вѣру нашу, и спросила еще кто его научилъ?—Богъ, отвѣчалъ ямщикъ съ глубокимъ

чувствомъ, я зашелъ посмотретьъ церковь, и мнѣ такъ сладко показалось въ ней, что я уже не захотѣлъ идти въ мечеть; слава Богу этому, уже двадцать лѣтъ. Меня глубоко тронули слова эти, особенно голосъ, съ которымъ произнесъ ихъ бывшій Магометанинъ; онъ сильно выражалъ горячую его вѣру, какъ въ ясныхъ глазахъ его и во всѣхъ его чертахъ изображалось спокойствіе.

Изъ Бюкъ-Ламбата дорога въ Алушту идеть лѣсомъ, который, какъ будто опасаясь утомить своимъ однообразіемъ, мѣстами расширяется, чтобы показать прелестные виды. По обѣимъ сторонамъ порфиръ, снаружи желтоватый, а внутри, гдѣ расколотъ, голубой; долженъ быть въ полировкѣ безподобно хороши; взяла бы съ собою кусочекъ, но не видала маленькаго. — Гора Кастель, на которой, до покоренія Тавриды Татарами, какъ и на Аюдагѣ, было нѣсколько монастырей, стоитъ отдельно на берегу; она покрыта лѣсомъ, и особенно живописна, когда по обѣимъ сторонамъ ея видно море, а вдали, на поворотѣ, какъ легкія тѣни, другія горы. Если бы мы не подъ вечеръ проѣзжали мимо Кастеля, я бы рѣшилась взойти на нее, что, говорятъ, не очень трудно, а виды должны быть восхитительны.

Около Бюкъ-Ламбата и въ Алуштѣ, на небольшихъ лужкахъ по горамъ, пасутся коровы. Ихъ очень мало держать на южномъ берегу по дорожизнѣ сѣна, которое иногда доходило до двухъ рублей ассигнаціями пудъ, а масло до сорока рублей. Дрова также очень здѣсь дороги, не по недостатку лѣса, но потому что очень трудно доставать его съ горъ, откуда и лѣтомъ возять его на полозьяхъ.

За Ялтою много полей съ табакомъ, отъ котораго доходъ считаются вѣрнѣе нежели отъ винограда; но всего прибыльнѣе въ Крыму сады яблочные, только не на южномъ берегу: здѣсь не хороша для нихъ земля, и сильные съ моря вѣтры обиваютъ плоды и даже ломаютъ деревья.

Июля 25.

Мы, что называется, вчера летѣли въ Алушту, не обративъ даже вниманія и на вновь явившійся памъ Чатырдагъ. — Не напрасно спѣшили мы; только что мы расположились въ большомъ казенномъ домѣ, гдѣ останавливаются проѣзжіе, погасъ послѣдній свѣтъ. — Это было наканунѣ имянинъ моихъ, и когда я утромъ

проснулась, милая моя спутница, Настасья Петровна, пришла съ разными небольшими, но прекрасными вещами, которыя она везла издалека, чтобы подарить ихъ мнѣ въ этотъ день. Она такъ пріучила меня ко всевозможнымъ угощеніямъ, что я не могла удивиться новому доказательству ея дружбы, ибо живо тронутая обнама ее, и мы напившись шоколаду отправились въ церковь.

Церковь здѣсь прекрасная, Византійской архитектуры, но къ сожалѣнію не было священника, отлучившагося изъ города; мы зажгли только свѣчи предъ мѣстными иконами, и уединенно помолившись пошли посмотретьъ близкія развалины крѣпости, построенной въ VI вѣкѣ Императоромъ Іустиніаномъ, для защиты Тавриды.—Она не могла навсегда защитить ее, и безобразные ея остатки торчатъ между еще безобразнѣйшими Татарскими хижинами, давно замѣнившими Греческія палаты. Отъ двухъ башенъ уцѣлѣло только по стѣнѣ, у третьей сохранился круглый низъ. Оборванные Татарскіе ребятишки сидѣли на этой развалинѣ никогда величественнаго зданія, сооруженнаго можетъ быть по совѣту Велисарія, который, защищая отъ Персовъ разслабленную Имперію,

вѣроятно неоднажды былъ въ Тавридѣ, и можетъ быть обдумывалъ здѣсь свои великіе, бессмертные подвиги, прославившіе имя его, и царствованіе Іустиніана, но не защитившіе его отъ зависти.—Хотя достовѣрно изслѣдовано (а), что онъ не бывалъ лишенъ зрѣнія, и не просилъ никогда милостыни, какъ разглашено было, спустя цѣлько вѣковъ по его кончинѣ, но онъ дѣйствительно страдалъ отъ низкихъ пронсковъ, и слѣпая злоба враговъ его уничтожила пользу, которую его побѣды должны были принести отечеству.

Въ Алуштѣ успѣши разводится виноградъ и много плодовитыхъ садовъ, надъ которыми, между Яйлою и другими горами, различной высоты и цвета, величественно поднимается Чатырдагъ, поражающій своей огромностью всѣхъ Ѣдущихъ изъ Россіи, гдѣ самая высокая гора также низка противъ здѣшнихъ горъ, какъ онъ, по описаніямъ, низки противъ Кавказа и Альповъ.

При всѣхъ выгодахъ, имъ предоставленныхъ, Татары могли бы здѣсь легко обогащаться, если бы только были трудолюбивы; но я никогда не видала такой какъ здѣсь нечистоты и

(а). Le comte de Ségur.—Histoire du Bas-Empire.

бѣдности; по улицамъ должно идти зажавъ носъ, и тяжело смотрѣть на попадающихъ жителей. Мы заходили къ двоимъ, у одного гаже было самой гадкой избы нашей и вовсе не было оконъ, только мелькалъ свѣтъ изъ трубы, и это болѣе походило на хлѣвъ, нежели на жилище человѣческое.— Но, должно сказать, что такое Татарская труба и Татарская печь; послѣдняя просто впадина, гдѣ на камняхъ или кирпичахъ раскладываютъ огонь; тутъ стоитъ таганъ, на которомъ варятъ пищу въ кастрюляхъ, или какъ здѣсь зовутъ, въ казанахъ безъ ручекъ, снимая ихъ съ огня за верхній ободокъ. Труба прямая, къ верху уже, а къ низу шире; у иныхъ по срединѣ ея желѣзная решетка, у другихъ и того нѣтъ, и нерѣдко Татары увозятъ себѣ въ трубы женъ и уходятъ чрезъ нихъ преступники. Лѣтомъ такія печи достаточны въ здѣшнемъ климатѣ, но зимою можно грѣться здѣсь только сидя на корточкахъ у огня, который часто задуваетъ вѣтеръ, или заливаетъ дождь, наводняя всю хижину. Невозможно, чтобы сами Татары не страдали отъ этого, но они тщеславятся тѣмъ, что хранять всѣ древніе свои обычай коснѣя въ невѣжествѣ и предразсудкахъ.

Показавъ какъ живутъ здѣсь бѣдные, повели насъ къ другому, зажиточному хозяину. Онъ недавно воротился изъ Мекки, и заслуживъ этимъ путешествіемъ название хаджи, казался твердо убѣженъ въ своей святости и превосходствѣ надъ Христіанами. — Однако онъ безъ отговорокъ показалъ намъ жену свою, пожилую женщину съ правильными, совершенно Греческими чертами, и ласковымъ но робкимъ видомъ: она была въ полушелковомъ полосатомъ платьѣ съ покрывающимъ изъ рѣдкаго миткалю своей работы. Въ горницахъ у нихъ опрятно, и цѣлая стѣна завалена постелями, подушками и одѣялами. Татары особенно любятъ ими запасаться, но, какъ увѣряютъ, никогда ихъ не провѣтриваютъ, отъ чего заражается всякая нечистота и даже портится воздухъ. — Еще принадлежность Татарскихъ хижинъ, богатыхъ и бѣдныхъ, большой кованый сундукъ; кто не могъ самъ нажить его, тотъ бережетъ доставшійся ему по наслѣдству. Впрочемъ хотя у хаджи потолокъ выбѣленъ и по перекладинамъ развѣшаны полотенца, и у него въ окнахъ, вместо стеколъ, масляная бумага, а полъ земляной, обмазанъ глиною съ остатками льна. Истинное благодѣяніе, что здѣсь для путешественниковъ выстроены отъ казны большой

двухъ этажный домъ, въ которомъ могутъ спокойно помѣститься нѣсколько семействъ. Изъ него слышно какъ шумитъ море, по берегу котораго посажены рашны. Этъ очень красиво, и въ тихую погоду должно быть пріятно гулять здѣсь, но при насы волны уныло ревѣли, разбиваясь бѣлою пѣною, и мы благодарили Бога, что нигдѣ не было видно судовъ, и что сами єдемъ сухимъ путемъ.

На десятой верстѣ отъ Алушты фонтанъ въ память князя Кутузова, который здѣсь былъ раненъ въ глазъ, въ сраженіи съ Турками, бывъ тогда еще генераль-маюромъ. Напрасно не сказано, въ которомъ году это было.

Проехавъ далѣе три версты, мы вышли изъ кареты, увида пирамиду, поставленную на мѣстѣ, гдѣ изволилъ отдыхать покойный Императоръ Александръ, въ послѣднее Его пребываніе въ Крыму. На передней сторонѣ надпись: «Повѣлѣніемъ Императора Александра Перваго, дорога отъ Симферополя до Алушты, чрезъ хребетъ «Яйлы, начата въ 1824 году, устроена 1826 года и прочее.»—Въ Монтandonѣ надпись эта иначе показана, и нѣкоторые наши путешественники, не списавъ ее сами, переведя Монтандона, подтвердили ошибку. Такъ и во многомъ бываетъ.

Мы тутъ посидѣли: уединенное мѣсто это располагаетъ къ мечтамъ. Надъ плоскою вершиною Чатырдага легкія облака носились какъ дымъ, изъ огромнаго кадила, поднимавшіяся къ престолу Вышняго. Я невольно, безотчетно, сѣдила за ними, и—какъ будто ничего не думая, много передумала.

отъ отдыма зонтикомъ и пылью отъ тутъ на
для дикой ялбы лакомствомъ, гдѣ отставши отъ
зональной вьюдо-жизни, вѣдь прѣстѣльши
жизнедорогу, выѣхалъ отъ постою въ Кизиль-Коби, съ
однимъ овчаромъ. Въ лагерной уютности изъ вѣнчанъ
они отѣхъ газы и скрипки не вѣнчали, конторто
вѣнчаны были, а вѣнчаны вѣнчаны, вѣнчаны
вѣнчаны, вѣнчаны вѣнчаны, вѣнчаны вѣнчаны
вѣнчаны, вѣнчаны вѣнчаны.

ХІ.

ЯНСАЛА, КИЗИЛЬ-КОБИ, УСТЬЕ САЛГИРА, ЧА-
ТЫРДАГЪ.

Намъ не случилось отвѣдатъ въ Крыму ли-
чи; Татары не охотники стрѣлять, а Русскимъ
нѣкогда этимъ заниматься. Намъ вездѣ по-
давали цыплятъ, и на станции въ Таушанъ
базарѣ, въ чистомъ домикѣ, окруженному
лѣсомъ, изготовили намъ вкусный супъ съ

цыпленкомъ и жаренаго цыпленка. — Пообѣ-
давъ тутъ мы отправились въ Янисалу, по-
мѣстье Н. Ф. Гроцена, къ которому было
у меня письмо отъ Таврическаго вице-губер-
натора И. Ф. Браилки, чтобы отдохнувъ тутъ
сѣѣздить въ пещеры Кизиль-Коби, къ устью
Салгира, и на Чатырдагъ. Мы приѣхали въ чет-
вертомъ часу по полудни, но не было дома
хозяина. За нимъ тотчасъ послали, и онъ
носпѣшилъ воротиться къ приему нежданныхъ
гостей. — Можно сказать, что наше путешествіе
началось въ добрый часъ: погода все время
прекрасная, и всюду принимаютъ насъ съ
величайшимъ радушіемъ.

Жалѣя, что жена его уѣхала въ Симферополь, потому что хотѣли переправлять домъ,
изъ котораго уже и мебель была вынесена,
Несторъ Филипповичъ Гроценъ отдалъ его въ
наше распоряженіе, и самъ тотчасъ проводилъ
насъ въ Кизиль-Коби, за четыре версты.
Отправившись туда на его лошадяхъ, въ ма-
ленькой колясочкѣ, мы остановились на ми-
нуту въ деревнѣ Чавки, гдѣ къ бывшимъ съ
нами четверымъ Татарамъ просоединился еще
надежный проводникъ Мамбетъ съ товари-
щемъ, и мы скоро потомъ стали взбираться

пѣшкомъ на гору, гдѣ два ряда пещеръ. Сначала было это очень легко, но съ каждымъ шагомъ гора становилась круче, и ноги скользили по мелкому камню.—Нѣкоторые изъ Татаръ были босые, но имъ это не мѣшало твердо идти, какъ по паркету, по коловшимъ мнѣ въ башмакахъ ноги, во всѣ стороны катившимся камнямъ, и они насы славно поддерживали. Я бы не побоялась идти съ ними и въ верхнія пещеры, еще слишкомъ тридцать сажень выше, что стопть тысячи ступеней, но Гротенъ убѣдилъ меня отъ этого отказаться, увѣряя, что дорога туда еще гораздо тяжелѣе, и мы не успѣемъ засвѣтло воротиться къ нему на ночлегъ, за что можемъ дорого заплатить.—И здѣсь водопадъ, мимо которого проходили мы, такъ высокъ, что едва было слышно, какъ перебирались подъ камнями не-примѣтныя его струйки.—На половинѣ горы крупные камни, по которымъ легко взошли мы въ широко отверстую, свѣтлую пещеру съ куполомъ, и разбросанными обломками скаль, гдѣ я отдохнула, пока высѣкали огонь. Въ ней чрезвычайно сырь; за нѣсколько шаговъ подальше изъ нее холодный воздухъ, заставившій меня надѣть фланелевый плащъ мой.

Я читала описание пещеръ этихъ въ Монтан-

донѣ, неразлучномъ путеводителѣ всѣхъ Крымскихъ путешественниковъ, но всякия описанія, и мое собственное могутъ дать о здѣшнихъ мѣстахъ только слабое, невѣрное понятіе. Самое название Кизиль-Коби, то есть красная пещера, вовсе не соответствуетъ настоящему ея виду. Мы пошли на лѣво, и вмѣсто ожидаемыхъ красныхъ, увидѣли совсѣмъ черныхъ, низкія пещеры, безъ малѣйшей примѣси другаго цвѣта, со многими во всѣ стороны ущельями, изъ которыхъ казалось готовы выскочить притаившиеся разбойники, или голодные звѣри.—Зажженныя свѣчи мелькали въ рукахъ нашихъ проводниковъ, которые то поднимали ихъ до потолка, то опускали до полу, заглядывая съ ними въ ущелья, и ихъ загорѣлья лица, непонятный памъ языкъ, и странная одежда, при общей блѣдности другихъ спутниковъ, воспламеняли воображеніе. Мне пачально казалось, что я въ обширной могилѣ; все меня окружавшее напоминало адъ, гораздо страшнѣе, какъ представляютъ его на театрѣ, съ летающими разноцвѣтными дьяволами, и пылающими огнями.

Мы дошли до мѣста, откуда обыкновенно стоящая вода принуждаетъ воротиться, но

къ общему удивлению нашихъ проводниковъ тутъ не было воды, и Гротенъ, по близости живущий уже десять лѣтъ, и Мамбетъ, всегдашний проводникъ любопытныхъ путешественниковъ, въ первый еще разъ прошли съ нами по этому мѣсту, откуда, какъ полагаютъ, течеть высохшій теперь водопадъ. Земля была мокра какъ послѣ сильного дождя, но къ ногамъ не приставало грязи, и это напомнило мнѣ, что тутъ кругомъ должна быть черная глина, о которой пишетъ Монтандонъ, что она очень хороша для чубуковъ.— Я не могла тутъ долго оставаться; къ прежнимъ моимъ страхамъ присоединился еще страхъ болѣе основательный, что остановившаяся вода, источникъ которой неизвѣстенъ, можетъ внезапно хлынуть и погасить у насъ огонь.— Мамбетъ казалось самъ радъ быть, что я не пошла далѣе, и предложилъ мнѣ посмотреть другія пещеры, съ правой руки отъ входа. Я вѣзла туда на колѣнахъ, но только что, вставъ на ноги, успѣла разсмотретьъ, при четырехъ свѣчахъ, которыя держали два Татарина, что эта пещера вовсе не похожа на первыя, явилась Настасья Петровна, которую я убѣждала неходить со мною, видѣвъ, что она устала и напугалась

гораздо болѣе меня. Ее вели подъ руки два Татарина также со свѣчами, и она мнѣ обрадовалась, какъ будто уже вѣкъ не надѣясь меня увидѣть. Ей также пришли въ голову страшныя мысли, но совсѣмъ противныя; она вообразила, что меня убываютъ Татары, слышавъ передъ тѣмъ, что, дни за два, чутъ не зарѣзали на дорогѣ прохожаго, котораго спасть стукъ подъѣзжавшей коляски. Милая моя спутница не разсудила, что сомню не могло этого быть; проводники наши были люди извѣстные, и съ нами были еще товарищи, отставшіе только на нѣсколько шаговъ. — Послѣ Настасья Петровна сама смыялась надъ своимъ страхомъ, какъ я надъ моими мечтами. Но въ минуту испуга разсудокъ не дѣйствуетъ, и я, видя крайнее изнеможеніе преданной мнѣ подруги, тѣмъ скорѣе рѣшилась не ходить далѣе, что хотя на воздухѣ совершенно свѣтло было, но по часамъ, пора было заботиться о возвращеніи.

Близъ входа въ большія пещеры, на право, маленькая пещера, гдѣ гнѣздятся летучія мыши, а на лѣво въ скаль совершенное подобіе огромной львиной головы, какъ будто свирѣпо глядящей. Вообще въ Крымскихъ скалахъ не трудно отыскать самые странные очерки:

инымъ кажется, что они видѣли человѣческій бюстъ, другимъ и цѣлаго человѣка.

Мы пошли назадъ другою дорогою, чрезъ такъ называемыя проводниками батареи, которыхъ считаютъ восемь. Мы видѣли ихъ двѣ; въ каждой могутъ помѣститься два, три человѣка, и стрѣлять изъ нихъ въ небольшія отверстія. Трудно рѣшить, природа или люди выдолбили эти чудныя впадины.—Спускаться было очень легко, и я шла одна, подпираясь только палкою; но отъ скользившихъ подъ ногами камней вдругъ я невольно сѣла. Смѣхъ мой успокоилъ моихъ спутниковъ, и я, вынувъ тетрадку, записала все что видѣла. Предо мною была вершина Чатырдага; около нее тѣснились горы, закрывая долину, въ которой оставили мы лошадей; дорога казалось вела въ тѣсное ущелье, какъ говорится въ воронку.—Любаясь этими картинами, я спокойно отдыхала, но вдругъ крикъ Татаръ заставилъ меня встать, и я обернувшись изумилась, увидя сѣрые и красные каменные утесы куда мы предъ тѣмъ поднимались. Они казались совершенно прямыми стѣнами, и на вершинѣ ихъ ходили овцы, отъ которыхъ насѣпшили остерьечь меня, зная, что онъ часто роняютъ съ верху камни, и что съ такой вы-

соты и самый маленький, попавъ въ голову, убить человѣка. Надо было скорѣе бѣжать отъ кроткихъ животныхъ, которыя невольно могли доказать намъ, какъ, въ пройденныхъ нами батареяхъ, легко можно отразить наступающихъ непріятелей.

Мы благополучно воротились въ гостепріймную Янисалу, условившись съ Мамбетомъ, что онъ на слѣдующее утро проводить насъ на устье Салгира и на Чатырдагъ. Сумерки застали насъ въ дорогѣ, и когда мы на большой открытой террасѣ пили чай, въ саду, противъ насъ, почти также черно было, какъ въ пещерахъ Кизилькобскихъ.—Видѣвъ сильное впечатлѣніе, сдѣланное надъ нами страшными этими пещерами, Гrotенъ увѣрялъ насъ, что мы не въ силахъ будемъ взойти на Чатырдагъ, а если и взойдемъ, то это можетъ сильно разстроить наше здоровье, не вознаградивъ за опасный трудъ.—Изъ десяти путешественниковъ, говорилъ онъ, не всегда одному удастся вполнѣ насладиться волшебною картиною съ высоты Чатырдага; во первыхъ надо быть тамъ до восходженія солнца, во вторыхъ, чтобы не было во всѣ тумана, а ни за то, ни за другое никто не можетъ поручиться. Иные мужчины рѣшались

туда отправиться съ вечера, и ночевавъ возвращались съ сильною лихорадкою, а женщины долго страдали отъ сильнаго потрясенія первъ. Но, прибавилъ Несторъ Филипповичъ, вы можете побывать на половинѣ Чатырдага, гдѣ я вамъ покажу пещеры, несравненно любопытнѣе верхнихъ Кизилькобскихъ. Ихъ никто почти не видалъ, и повѣрьте, что вы мнѣ скажете за это спасибо.—Тяжело мнѣ было отказатьсь отъ намѣренія взойти на Чатырдагъ, что въ мои годы было бы особенно пріятно вспоминать, но я чувствовала, что не должно отвергать безкорыстный совѣтъ доброго нашего хозяина, и помолчавъ отвѣчала, что согласна на всѣ его предложенія.—Онъ повторилъ, что я сама буду этимъ довольна, и взялъ на себя всѣ заботы слѣдующаго дня, что надобно было заранѣе распорядить.

=

26. Голя.

Янисала стоитъ на возвышенной долинѣ между горами, которыхъ нижняя часть покрыта лѣсомъ, а вершины каменные. Во вновь разведенномъ саду еще мало тѣни, но много плодовъ. Молоко и масло удивительно здѣсь вкус-

ны, а баранина такая, что записные лакомки съ радостью бы промыли на нее рябчиковъ и фазановъ. Крымскія овцы и наружностью вовсе непохожи на нашихъ, по онѣ также ручны: я видѣла въ Татарской избѣ раскормленную овцу, которая готова была лечь ко мнѣ на колѣна. Прелестныя животныя; голова и лапы у нихъ коричневыя, а на спинѣ, сверхъ коричневой низкой шерсти, бѣлый кудрявый пухъ. Воздухъ здѣсь очень здоровый. Несторъ Филипповичъ сказывалъ, что онъ пріѣхалъ сюда изъ Петербурга уже немолодой и совсѣмъ чахлый, а теперь, чрезъ десять лѣтъ, удивительно какъ онъ свѣжъ и проворенъ.—Я сама третью недѣлю въ Крыму, и уже чувствую большую въ себѣ перемѣну; кажется, если бы прожить мнѣ здѣсь три мѣсяца, набралась бы здоровья на нѣсколько лѣтъ. Мнѣ совсѣмъ здѣсь нежарко, только что въ пору, подъ вечеръ даже надѣваю стеганую мантину. Но мнѣ такъ легко здѣсь дышать, такъ легко ходить, все меня веселитъ! Давно этого не бывало.

Отъ Янисалы до устья Салгира то же разстояніе, что до Кизиль-Коби. Длинный спускъ ведетъ въ тѣснину, гдѣ, между известковыми горами, на которыхъ изрѣдка видны тернъ и *

шиповникъ, по небольшимъ порогамъ журчить, по здѣшнему рѣка, а по нашему ручеекъ Салгиръ, который перешли мы не замочивъ ногъ. По берегамъ его навалилось съ горъ много камня, и казалось еще готовы были обрушиться новые обломки. Молодой Татаринъ ловилъ въ немъ форелей; другой сидѣлъ на высокомъ камнѣ, окруженному водою, въ живописной пещерѣ, откуда вытекаетъ Салгиръ, и весело звалъ насть посмотретьъ глубину его источника, надъ которымъ свѣтилось солнце, сквозь чудную въ скалѣ разсѣяну. Для одной такой картины стоило потрудиться придти сюда. Самъ Татаринъ въ бѣдномъ рубищѣ, съ прекрасною Итальянскою головою, могъ бы служить превосходнымъ образцемъ искусному живописцу. И романистъ съ пылкимъ воображениемъ, могъ бы тутъ легко придумать жалостную повѣсть о предкахъ Татарина, благородныхъ Генуезцахъ, и какъ ихъ малодушные потомки, отступивъ отъ истинной вѣры, съ чертами знаменитыхъ обладателей богатой Кафы, пресмыкаются въ невѣжествѣ и ищетъ.

Мы всходили, близъ Салгира, на принадлежащія наслѣдникамъ действительного тайного советника Попова мраморныя горы, за кото-

рыми не видать ничего, кроме вытравленныхъ пастбищъ. Кругомъ пустыня—не слышно никакого звука, негдѣ укрыться отъ скользящихъ по скаламъ, солнечныхъ лучей; но мнѣ не вредитъ жаръ, и я здѣсь посидѣла, распрашивая о употреблѣніи мрамора. Здѣсь дорога только работа, мраморъ отдаютъ почти даромъ; онъ по большей части здѣсь красный съ бѣлыми жилами; есть изъ чего построить сотни палатъ, и великолѣпны были бы эти палаты.

Татаринъ, у которого остановились мы обѣдать, верстъ за пять отъ источника Салгира, въ большой деревнѣ Бюкъ-Янкой, по Татарски новая деревня, по видимому довольно богатъ, у него много оловянной посуды, и по перекладинамъ развѣшаны платки и полотенцы, но такъ нечисто и смрадно въ избѣ, что невозможно было пробыть въ ней пяти минутъ. Мы отыскали за угломъ мѣстечко, гдѣ не палило солнце, и тамъ сѣли на сафьянныхъ подушкахъ, которыхъ заботливый Гротенъ взялъ съ собою цѣлый возъ. Онъ надѣялся къ привезенному имъ обѣду еще прибавить двухъ форелей, купленныхъ на Салгирѣ, за двадцать конѣекъ серебромъ, но хозяинъ, взявшийся сварить ихъ, такъ ихъ состряпалъ, что гадко было на нихъ

взглянуть. Всѣхъ болѣе жалѣлъ обѣ этомъ добрый Несторъ Филипповичъ, твердя, что жена его была бы въ отчаяніи, увидѣвъ какъ онъ худо настѣ угощаетъ. Но мы не могли пожелать лучшаго угощенія; одной бараниной, какой въ Петербургѣ не найдешь ни за какія деньги, можно было до сыта наѣсться, а съ нами была не одна баранина.

Около насъ толпились Татарки, которыхъ здѣсь, какъ и на южномъ берегу, ходятъ съ открытыми лицами. Иныя стоя пряли, другія нянчили ребятъ; у одной шея была обвязана золотыми и серебряными деньгами, а сама была въ лохмотьяхъ. Онѣ вообще были очень ненарядны, и ихъ особенно безобразны спереди и сзади въ беспорядкѣ висѣвшіе волосы и оранжевые ногти. Никогда не забуду я этого обѣда. Вѣрно будетъ долго его помнить и боязливо подбирающая у насъ куски хлѣба и кости, едва двигавшаяся отъ худобы собака, которыхъ Татары вовсе не кормятъ.

Послѣ обѣда явилась, изготовленная для поѣздки нашей на Чатырдагъ, запряженная, попарно, четырьмя волами, Татарская маджара, то есть огромная корзина изъ прутьевъ, на деревянныхъ перекладинахъ, съ неокованными и

худо сколоченными колесами. Ихъ вѣкъ не ма-
жутъ, и хотя для часы и щедро помазали, но
все таки они очень скрипѣли.—Нѣ стлавъ въ эту
колесницу привезенный изъ Янисалы, подушки,
покрытые большими ковромъ, и Нес-
торъ Филипповичъ, съ помощью Мамбета, по-
садивъ часы на нихъ, другъ къ другу спинами,
самъ сѣлъ впереди между колесами. Хозяева
пожелали намъ счастливаго пути; Мамбетъ, въ
нарядномъ суконномъ кафтанѣ, отправился
верхомъ съ товарищами, а кучеръ нашъ, обор-
ванный и босой, съ длиннымъ хлыстомъ, по-
шелъ пѣшкомъ возлѣ воловъ, смиренno пота-
щившихъ огромную, скрыпучую маджару. Я
долго громко смѣялась, какъ смѣвалась только
въ молодости, когда не теряла родныхъ и благо-
дѣтелей и не имѣла понятія о тяжбахъ.

Проехавъ Салгирскую долину, покрытую
 полями и лугами, между которыми разбросаны
деревья, мы оставили въ сторонѣ Тавли, пре-
красное селеніе съ церковью и стали под-
ниматься. Кругомъ были голыя скалы, но скоро
показался лѣсъ, и на каждомъ шагу виды
становились прелестнѣе. Съ лѣвой стороны каменные
вершины покрытыхъ лѣсомъ горъ
могло почесть остатками огромныхъ, древ-

нихъ крѣпостей; съ правой точно разметанный по горамъ безконечный, живописный садъ съ извиающимися по немъ дорожками.—Мы отправились на Чатырдагъ на волахъ, въ маджарѣ, по рѣшенію Мамбета, утвердительно сказавшаго, что коляска, въ которой приѣхали мы въ Биюкъ-Янкой, на горѣ опрокинется и съ лошадьми. Сначала казалось, что ему хотѣлось доставить этимъ прибыль своимъ землякамъ, которые впрочемъ очень недорого за все взяли, но подъ конецъ узнали мы его справедливость: дорога, по которой можно было бы ѿхать въ каретѣ, возвышаясь такъ прорыта была водою, что страшно было на нее глядѣть. Только въ длинной, широкой маджарѣ, и на покорныхъ волахъ, могли мы безопасно совершить такой путь, не рѣшаясь ѿхать верхомъ.—И на волахъ можно доѣхать только до площади, на которой стоитъ крутая, угрюмая половина Чатырдага, точно такая же отсюда высокая, какъ высока кажется изъ долины вся гора: здѣсь понила я огромную вышину ея, около восьми сотъ саженей падь поверхностью моря (а).

Взявъ наши палки, очень помогавшія намъ, пошли мы по обширной равнинѣ, поросшей съ-

рою, почти бѣлою травою съ толстыми, будто суковыми листками. Они никогда не вянуть; только сохнутъ стебли ихъ. Въ первую минуту можно подумать, что на этой равнинѣ былъ нѣкогда кровопролитный бой: во множествѣ на ней лежащіе бѣлые камни очень похожи на кости, и все до одного странно источены водою или вѣтромъ. Въ одномъ нашла я прекрасно выдолбленный крестъ. Онъ былъ слишкомъ тяжелъ и великъ, чтобы взять его съ собою, но очень было бы приятно имѣть такой образецъ; я бы дорого за него заплатила.—Въ пынхъ мѣстахъ мертвое однообразіе оживляютъ деревья, которыми опущены обрывки скалъ. Особенно замѣчательна глубокая впадина, совершенно похожая на величественный амфитеатръ, какъ будто обнесенный стѣною съ обширными каменными ступенями; возлѣ, небольшой зеленый лужокъ, въ низу нѣсколько пещеръ съ человѣческими костями, неизвѣстно какого народа и какихъ временъ.

Намъ не попадалось ни одно живое существо: мы не видали ни овецъ, которыхъ иногда здѣсь пасутся, ни собакъ, о которыхъ пишѣтъ Монтандонъ, что онъ очень злы. Кругомъ далеко простирались виды, но хотя надъ нами яр-

(а) Montandon. Guide du voyageur en Crimée.

ко сяло солнце, все что было ниже настъ казалось въ туманѣ, и я начинала понимать, какъ мы обязаны Гротену, уговорившему настъ, не предпринимая опаснаго труда, внимательно осмотрѣть почти вовсе неизвѣстную, чрезвычайно любопытную нижнюю часть Чатырдага. Мы шли все на лѣво къ выросшимъ надъ входомъ въ пещеры букаовымъ деревьямъ, издали казавшимся мелкими кустами. Спускъ между ними и большими, сѣрыми камнями, такъ крутъ и тѣснъ, что мы за нихъ держались, и вдругъ въ глубокой пещерѣ увидѣли зажженныя нашими проводниками свѣчи, блестѣвшія тамъ, какъ въ темную ночь блестятъ на небѣ звѣзды.—Ихъ съ нами было десять, но мало было бы и десяти факеловъ, чтобы вполнѣ насладиться дивнымъ зрелицемъ. Огромная пещера, гдѣ могли бы свободно помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ, при входѣ, кругомъ покрыта зеленымъ мохомъ, но подавшись впередѣ, или лучше сказать спустясь ниже, видно, что она изъ бѣлого камня съ высокимъ, почти совершенно правильнымъ куполомъ, по которому проложены мохомъ разные узоры, какъ будто гирлянды площа, вьющіяся по стѣнамъ, подпertiaмъ круглыми и четыреугольными огромными столбами.

ми. Подъ ногами очень сырь, но любопытство, удивленіе, особенно благоговѣніе ко Всемогущей рукѣ, въ нѣдрахъ земли воздвигнувшей дивныя палаты, уничтожали всякой страхъ, и я бодро шла впередѣ, не помышляя ни о простудѣ, ни о встрѣчѣ съ какимъ нибудь звѣремъ или гадами.—Изъ первой пещеры, которую одну, и то очень коротко, описываетъ Монтандонъ, прибавляя, что путешественники по большой части не заглядываютъ далѣе, вошли мы въ другую, не такъ обширную, но еще болѣе любопытную, со множествомъ сводовъ и столбовъ, какихъ никогда не производила и не можетъ произвести рука человѣческая. Съ потолковъ живописно спускаются окаменѣвшія, бѣлые и сѣрыя водяныя сосульки (сталактиты), какъ будто покрытыя корою: только разбивъ ихъ видны блестящіе слои, но стѣны мѣстами блестятъ, и при большомъ освѣщеніи можно было бы подумать, что онѣ унизаны дорогими камнями.—Далѣе точно памятники изукрашенные мельчайшею рѣзьбою, или каѳедры, готовыя для проповѣдника, или лѣстницы, манияція къ себѣ любопытныхъ. Не только мы, сами Татары были въ восторгѣ, перебѣгая со свѣчами изъ мѣста въ мѣсто, какъ будто готовы великолѣп-

ми въ нѣсколько рядовъ: очень было бы любопытно все это изслѣдовать, и нельзя сомнѣваться, что такой трудъ бымъ бы вполнѣ награжденъ; но на это потребно много времени, и только человѣкъ молодой и совершенно здоровый можетъ рѣшиться прожить здѣсь нѣсколько дней, запасшись пищею, свѣчами и теплою одеждою.

Время быстро летѣло, и заботливый Несторъ Филипповичъ, смотря на часы напоминалъ, что должно засвѣтло прѣѣхать на ночлегъ.—Я отъ всей души благодарила его за доставленное имъ наслажденіе. Какъ бы ни были великолѣпны виды съ вершины Чатырдага, но я имѣла объ нихъ понятіе, а въ пещерѣ Чатырдагской все было для меня совершенно ново; я бы не могла этого вообразить, и въ таинственныхъ этихъ чертогахъ, еще сильнѣе нежели на свѣтѣ солнечномъ, чувствовала я вездѣсущность Создателя міра и Его благое всемогущество. Можно подумать, что, побывавъ въ подобныхъ пещерахъ, Царственный Пророкъ написалъ, полный восторга, псаломъ свой: «Хвалите Господа съ небесъ.»

Воротясь въ первую пещеру я остановилась, изумленная дневнымъ свѣтомъ, показавшимся

изъ-за деревьевъ въ обширномъ отверстіи. Это было какъ небывалое, неизъяснимое видѣніе. Въ послѣдній разъ окнула я глазами величественную, подземную храмину, и скоро увидала ясное небо, и какъ будто до него достигавшій огромный Чатырдагъ, повторила весь дивный псаломъ.

Мы ѿхали назадъ только на парѣ воловъ, чтобы они не скоро бѣжали подъ гору; Мамбетъ по прежнему ѿхалъ впередъ, и также останавливался класть предписанные Магометомъ земные поклоны, не на голой землѣ, а на коврѣ. Про чие Татары обѣ этомъ не заботились, какъ вовсе не заботился нашъ вожатый, чтобы волы шли по дорогѣ. Они прижимались все къ лѣсу, стараясь освѣжиться его тѣнью, и мы должны были безпрестанно остерегаться, чтобы не стегнула по глазамъ вѣтка.

—«Этотъ лѣнтай везеть настъ какъ дрова,» сказалъ Гrotенъ, напрасно заставлявшій Татарина смотрѣть за волами.—Онъ его слушался, но чрезъ минуту все забывалъ.

Проходя мимо фонтановъ, которыхъ два на дорогѣ, бѣдные волы каждый разъ бросались къ нимъ утолить жажду. Наконецъ и намъ захотѣлось пить, но ключъ былъ еще далеко,

и Мамбетъ, какъ изъ лука стрѣла, поскакалъ за водою и привезъ ее въ чистомъ кувшинчикѣ, висѣвшемъ у него на поясѣ. Все это напоминало востокъ, о которомъ я всегда любила мечтать, ребенкомъ наслушавшись, отъ старшаго брата, «Тысяча одной ночи». — Минъ очень полюбилась ёзда на волахъ, въ маджарѣ; никакія рессоры не могутъ быть покойнѣе; нась нигдѣ не тряхнуло; можно было все замѣтить и вполнѣ всѣмъ насладиться. Вдали, гдѣ блестѣло море, сказали намъ, стоитъ Евпаторія; ближе въ горахъ можно было отличить Чуфутъ-Кале; и вдали и вблизи все было чудно хорошо.

Карета ждала нась въ Чавкахъ у крещенаго Татарина Василья, женатаго на Чухонкѣ, привезенной сюда изъ Петербурга прежнею помѣщицею Янисалы, госпожею Офренъ. Здѣсь, въ Крыму, захотѣлось ей перейти въ православіе, и полюбившій ее Татаринъ окрестилъ, чтобы на ней жениться. — Трогательно видѣть этихъ бездѣтныхъ, трудолюбивыхъ стариковъ, родившихся такъ далеко одинъ отъ другаго, и которыхъ Господь свелъ вмѣстѣ, милосердия о Татаринѣ, вѣроятно заслужившемъ, чтобы ему жить въ надеждѣ, не чув-

ственнаго рая Магометанскаго, а вѣчнаго созерцанія величія Божія, по словамъ Христа Спасителя. — Бывшій за два года падежъ воловъ очень разстроилъ ихъ состояніе, но у нихъ все въ большомъ порядкѣ и мы, побывавъ въ одинъ день на устьѣ Салгира, на мраморныхъ горахъ и въ пещерахъ Четырдагскихъ, хорошо отдохнули, проспавъ ночь на мягкихъ постеляхъ доброй хозяйки, сохранившей въ Татарской деревнѣ, гдѣ Богъ судилъ ей жить, всю природную дѣятельность и опрятность.

— 62 — отвѣра въ отъясненіи тѣхъ яко бы вънѣшніе
законы и манеры имѣли въ виду въ Крыму. А здѣсь
законы и манеры въ виду въ Крыму имѣютъ
въ виду въ Крыму и въ Казани. А здѣсь
законы и манеры въ Крыму имѣютъ въ виду
въ Крыму и въ Казани. А здѣсь здѣсь
законы и манеры въ Крыму имѣютъ въ виду
въ Крыму и въ Казани.

XII.

СИМФЕРОПОЛЬ, КАРАСУ-БАЗАРЬ, ЦЕРКВИ, ЛАВКИ,
ИСТОЧНИКИ КАРАСУ.

Июля 27.

Въ Симферополь по пятницамъ торгъ на боль-
шой площади, куда привозятъ на продажу
сельскія произведенія. Намъ хотѣлось посмо-
трѣть это, и все такъ удавалось намъ, что уда-
лось и сюда воротиться, именно въ пятницу.
Только мы опоздали; въ одиннадцать часовъ все

лучшее было распродано и не осталось и полу-
вины бывшаго народа. Мы обѣхали шагомъ
площадь, на которой, подъ навѣсами изъ пруть-
евъ, накрытыми рогожами, навалены были ды-
ни, арбузы, сливы, груши, яблоки, кукуруза и
другіе овоці. Огурцы, вдвое больше нашихъ
большихъ Турецкихъ, продаются здѣсь по гро-
шу, по одной цѣнѣ съ кукурузою. Послѣднюю
надо варить умѣючи; если положить въ нее
соли, такъ скрѣпнетъ, что не разжуюешь.

Междѣ Татарами, по большой части быв-
шимъ въ полосатыхъ халатахъ и красныхъ ша-
почкахъ съ черными кистями, можно было
тотчасъ узнать хаджей, то есть бывшихъ на
поклоненіи гробу Магометову, въ Меккѣ, по
обернутымъ бѣлыми полотенцами чалмамъ и
по особенной важности. Они вообще были и
лучше одѣты: надо быть человѣкомъ зажи-
точнымъ, чтобы совершить такое путеше-
ствіе.

Татарскіе мальчики продавали вареную куку-
рузу; мнѣ очень хотѣлось пойти ее, но не рѣ-
шилась у нихъ отвѣдать, видѣвъ близко какъ не-
опрятна Татарская кухня. Другіе мальчики раз-
носili на желѣзныхъ лоткахъ жареные въ мас-
лѣ пирожки и блины.

По дорогѣ изъ Чифокъ нѣсколько дачь и земли хорошо обработанныя, орошаemыя Салгиromъ и Гангарою, другою такою же маленькою рѣчкою. — Спѣша въ Симферополь, мы не останавливались въ Ески - Сараѣ, гдѣ видны значительные остатки, по мнѣнію однихъ, Ханскихъ палатъ, а по другимъ Генуэзскаго укрѣпленія. Особенно жалѣю я, что мы не видали, въ десяти верстахъ отъ города, Кильборуна, дачи Н. Н. Перовскаго. Не бывъ съ нимъ прежде знакомы, мы посовѣтились, рано проѣзжавъ мимо, попросить, чтобы намъ все показали, и это лишило насъ большаго удовольствія. Намъ сказали въ Симферополѣ, что Кильборунъ достоинъ особеннаго вниманія своими постройками и садами, и что гостепріимный хозяинъ охотно принимаетъ путешественниковъ.

Остановившись въ прежней Греческой гостиницѣ, мы пробыли сутки въ Симферополѣ, ожидая заказанныхъ нами башмаковъ, шляпъ и чепчиковъ, въ замѣнъ изношенныхъ и испорченныхъ на жару, по горамъ и пещерамъ. Все нужное было намъ изготовлено не дурно, но гораздо дороже Петербургскаго. Время это провели мы очень пріятно съ нашими новыми здѣсь знакомыми. Они уже слышали о нашемъ

путешествiи и удивились, какъ мы успѣли много увидѣть въ двѣ недѣли: не всѣ жители Симферопольские бывали далѣе Бакчисарайа.— Но если бы это записью отъ меня, я бы воротилась, не чрезъ двѣ недѣли, а развѣ чрезъ два мѣсяца. Тогда бы только я могла все хорошо увидѣть и запомнить. Теперь многаго не доглядѣла, не доспросила; все пролетѣло мелькомъ, какъ волшебный сонъ.— Еслибы я не записывала всего на мѣстѣ, я бы скоро не только не могла ничего пересказать другимъ, и самой себѣ не могла бы ни въ чемъ дать отчета: необходимо всегда имѣть при себѣ карандашъ и книжку; даже не заглядывая въ нее скорѣе вспомнишь, что было записано.

Н. Ф. Гrotенъ познакомилъ съ нами жену свою, бывшую на вершинѣ Чатырдага, и она сказала, что мы очень счастливы, избавившись такой мучительной поїздки, причемъ всѣ подтвердили, что можно побывать десять разъ на Чатырдагѣ и не видать ничего, кроме сырого тумана; но что о пещерахъ, въ которыхъ были мы съ такимъ удовольствiемъ, почти вовсе неизвѣстно, и самая равнина, туда ведущая, достойна особеннаго вниманія.

Июля 28.

По общему совѣту рѣшилась я ѿхать въ обратный путь, на Екатеринославль, не прежнею большою дорогою чрезъ Перекопъ, но чрезъ Карасу - Базаръ, Феодосію, Арабатскую стрѣлку и Менонитскія колоніи: тутъ почти сто верстъ лишнихъ, но несравненно болѣе любопытныхъ предметовъ, и я очень благодарна Таврическому губернатору, тотчасъ все распорядившему для спокойнаго нашего путешествія.

Карасу-Базаръ при Татарахъ, вмѣстѣ съ Акмечетью (Симферополемъ), принадлежалъ Камгъ Султану (а). Въ 1737 году, когда онъ взять былъ и сожженъ фельдмаршаломъ Лассіемъ, въ немъ было слишкомъ три тысячи каменныхъ домовъ и жители были очень богаты (б). Доселѣ это лучшій Татарскій городъ въ Крыму, но не знаю далеко ли онъ виденъ; когда мы пріѣхали, было уже совершенно темно.

Здѣсь живетъ вдова храбраго генерала Рудзевича, уѣхавшая теперь въ Феодосію. Только старшая дочь ея, Фрейлина, Марія Александровна, съ которой я за нѣсколько лѣтъ познакоми-

(а) Географический словарь Щекатова.

(б) Записки Манштейна.

лась при Дворѣ, осталась на время съ братомъ въ Карасу-Базарѣ, гдѣ она такъ дружески приняла насъ, что вмѣсто одного утра, которое располагались мы пробыть здѣсь, пробыли мы безъ малаго двое сутокъ, и все время были неразлучны. — Первый выѣздъ нашъ былъ, въ воскресенье, въ церковь собственно Русскую. Она очень хороша по городу, гдѣ такъ мало Русскихъ, и мнѣ жаль, что я не слыхала въ ней обѣдню, но она не начиналась, и дорожа всѣми минутами, я поѣхала посмотреть соборъ Греческій, построенный скоро по присоединеніи Крыма. Онъ съ четырьмя тонкими столбами и едва примѣтнымъ куполомъ; довольно обширнъ, и съ пространными хорами; съ правой стороны мѣсто архиерейское, съ лѣвой для проповѣдника, надъ обоими двуглавый орель. Живопись особеннаго вкуса, очень блѣдная и пестрая; иконы всѣ вообще на золотомъ полѣ. Мы пріѣхали послѣ Херувимской, и остались дослушать обѣдню, для насъ совсѣмъ необыкновенную, поперемѣнно на двухъ языкахъ, Русскомъ и Греческомъ. — Когда сбирали на тарелку деньги, всѣмъ, кто клалъ серебро, давали печатное изображеніе Святителя Николая, во имя котораго построены храмы. Насъ очень

тронула этотъ обычай, и мы навсегда сохранимъ полученные нами, съ Греческими надписями, листочки, въ Карасу-Базарскомъ соборѣ.— Николай чудотворецъ написанъ совершенно по нашему, но я замѣтила священнику, что архангела Михаила нигдѣ такъ не пишутъ, какъ здѣсь, въ чемъ онъ согласился, прибавивъ, что это для простаго народа. Здѣсь, какъ и въ Бакчи-сараѣ, ставятъ на полу свѣчи, въ память усопшихъ.

Армянскій Латинскій соборъ, съ большимъ, свѣтымъ куполомъ, несравненно величественнѣе и богатѣе Греческаго. Въ немъ семь престоловъ и хоры въ два яруса; на нижнихъ стоять женщины, а на верхнихъ органъ: Латины всегда и всюду находили средства строить большія и прекрасныя церкви.

Послѣ обѣдни заѣхали мы посмотреть здѣшній быть къ градскому головѣ. Первая комната у него убрана по Европейски, а за нею другая по Татарски. Насъ подчивали хорошимъ, только очень крѣпкимъ кофеемъ, и разными вареньями. Самъ голова, высокій, вѣзій Татаринъ, все молчалъ. За него говорилъ свойкъ его, старшій бургомистръ Халиль, умный и бойкій: нельзя узнать, что не Русскій. — Женщины

не прятались отъ бывшихъ съ нами мужчинъ. Онѣ были въ парчахъ и бархатахъ съ жемчужными на груди рѣшетками; но богатый нарядъ не могъ придать имъ ловкости и красоты; Монгольскія лица и глаза ихъ вовсе не имѣютъ выраженія: онѣ кажутся совсѣмъ безсмысленными созданіями. Только четырехлѣтняя дочь Халиля, малютка Емине, очень мила была въ малиновомъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ золотыми галунами, и въ такой же шапочкѣ. Мы ее расцѣловали и тѣмъ пріобрѣли преданность отца ея, который всюду послѣ провожалъ насъ.

Четыреугольный гостинный дворъ, съ двумя воротами и одною калиткою, называемый Ташханъ, прежде былъ крѣпостью. И теперь онъ снаружи болѣе походитъ на крѣпость, по его высокимъ стѣнамъ и оставшимся въ верху бойницамъ. Внутри въ немъ въ два яруса лавки съ галерею, бѣдныя и темныя, крыты черепицею. На дворѣ колодезь и близъ него кофейня, въ которой также все очень незатѣйливо, двѣ печи на подобіе Русскихъ, двѣ кадки съ водою, на полкахъ деревянная посуда; хороши только маленькия фарфоровыя чашки съ посеребрянными поддонками, въ которыхъ продаются здѣсь кофей, по десяти копѣекъ ассигнаціями, съ саха-

ромъ. Два отдѣленія, нѣсколько возвышенныя, покрыты войлоками и кругомъ обложены подушками; по срединѣ на столикѣ, въ четверть вышиною, мѣдная чаша для углей раскуривать трубки.—Я совсѣмъ не того ожидала, и по грубой простотѣ этой, совершенно противной общимъ понятіямъ о восточной роскоши, должно полагать, что или вовсе нѣтъ здѣсь богачей, или они не любятъ посѣщать кофейни.—При насъ еще никого тутъ не было, только на улицѣ подходилъ къ намъ Телаль, по Русски, какъ зовутъ въ деревняхъ, торгованъ. Онъ продавалъ разныя вещи, которыми весь былъ обвѣшанъ, ожерелья, цѣпочки, платья, чубуки, и прочее, и притомъ держалъ въ одной рукѣ часы а въ другой ружье. Любопытно было бы послушать такого человѣка, который всюду ходить и долженъ знать много семейныхъ приключений, но онъ не говоритъ по Русски, и некогда было съ нимъ толковать чрезъ переводчика.

Здѣсь много въ городѣ лавокъ, и они точно стойла, по обѣимъ сторонамъ тѣсныхъ проулковъ, гдѣ лежатъ огромныя кучи разныхъ овощей, огурцы, просо, и глыбы черной, Крымской соли.—Мы накупили дешевыхъ стеклянныхъ браслетъ черныхъ и цвѣтныхъ;

они сдѣланы довольно грубо, но ихъ все здѣсь носятъ, даже вмѣстѣ съ золотыми.—Хорошихъ, щегольскихъ товаровъ не видали. Мнѣ хотѣлось, и нужно было, купить себѣ платье, но канасы были очень дурны, а красивыхъ, полушелковыхъ матерій было въ кускѣ только по шести аршинъ, и не могли прибрать двухъ одинаковыхъ.—Главный здѣсь торгъ скотомъ, войлоками и сафьянномъ. Послѣдній по большой части желтый, на видъ гораздо хуже нашего, но удивительно проченъ. Мы купили для рѣдкости нѣсколько паръ башмаковъ, вышитыхъ серебромъ; видъ ихъ престранный, внутри ничѣмъ не подложены, но говорятъ, на ногѣ очень покойны; Настасья Петровна не могла нарадоваться, наживъ такую обувь, но я на свою ногу не нашла ни одной пары, пройдя весь длинный, башмачный рядъ. Тутъ продаются разныя сафянныя вещи, пояски, мѣшечки и прочее: все сработано очень грубо, какъ работали лѣтъ за двѣсти или далѣе. Я изумилась увида женскіе зимніе башмаки, на толстой подошвѣ съ желѣзными подковами; ихъ, конечно, не проймутъ ни грязь, ни вода, но они такъ огромны и тяжелы, что, кажется, я бы сама въ нихъ опрокинулась въ лужу.

Лавки очень темны отъ навѣсовъ, которые, поднимаясь съ обѣихъ сторонъ, по срединѣ не сходятся только вершковъ на шесть; но эти навѣсы очень хорошо придуманы: они ничтожное, какъ широкія складныя двери въ лавкахъ, которыя днемъ висятъ на крюку, чтобы защитить отъ солнца. Скамбы, также на петляхъ, на ночь поднимаются и сверхъ нихъ опускаютъ двери, которыя прикрѣпляютъ деревянными запорами, продѣтыми въ большія скобы на притолкахъ между лавками, съ висячими замѣками.

Улицы здѣсь чрезвычайно узки и только видны стѣны домовъ, которые, кромѣ малаго числа принадлежащихъ Христіанамъ, окнами на дворы съ нѣсколькими деревьями. Иные улицы по сторонамъ высоко вымощены большими камнями, и въ срединѣ впадина, гдѣ стоитъ грязь и стекается всякая нечистота; есть и проули для пѣшеходовъ, не шире нашихъ домовыхъ коридоровъ. Это совершенно Азіатский городъ и въ немъ неподвижно все, какъ въ Азіи. Иные думаютъ, что этому причиною жаркий климатъ; но ему должно еще сильное дѣйствовать на временно приходящихъ сюда Русскихъ работниковъ, и однако онъ имъ не препятствуетъ трудиться и наживать деньги.

Нельзя сказать, чтобы Татары слишкомъ были тупы: главною, единственою причиной застоя въ промышленности и образованіи ихъ должно полагать гаремную жизнь и нравственное униженіе женщинъ, совершенно неспособныхъ воспитать дѣтей своихъ.

Церковь наша и правительство издревле славятся терпимостью; никогда въ Россіи никого не принуждали переменить вѣру, но нельзя сомнѣваться, что добрыми примѣрами и усерднымъ исполненіемъ закона Евангельского можно сильно дѣйствовать на умы Магометанъ и язычниковъ, доказавъ имъ своею жизнью, какъ вѣра Христіанская превосходна, сколько наслаждений даруетъ она и въ здѣшнемъ мірѣ. Проповѣдники, подобные Епископу Иннокентію, просвѣтившему Алеутовъ, и Архимандриту Вениамину, обновившему въ Пекинскихъ Албазинцахъ забытую любовь ко Христу, могли бы убѣдить Татаръ, что самъ Магометъ вѣрилъ божеству Иисуса, но отвергалъ его, чтобы, пользуясь славою и отличиемъ законодателя, вполнѣ удовлетворить необузданное свое сластолюбіе, столь противное учению Иисусову.—Умный и хитрый, онъ искусно воспользовался бѣдственными раздорами Христіанъ и ихъ преніями о

вѣрѣ, и самъ сдѣлавшись главою новаго ученія, распалилъ сердца учениковъ своихъ жаждою покорить міръ, истребляя въ немъ науки и художества, чтобы, всюду утвердивъ права сильнаго, погасить въ людяхъ все, что могло вразумить ихъ; какія слѣдствія влечетъ это право, и какъ безуменъ и жестокъ законъ, осуждающій половину рода человѣческаго, пресмыкаясь въ вѣчномъ невѣжествѣ и рабствѣ, жить одною плотскою жизнью.

Прочитавъ съ хорошимъ наставникомъ, одно за другимъ, Евангеліе и коранъ, одаренный здравымъ смысломъ Магометанинъ долженъ постигнуть, что Иисусъ истинный Богъ, убѣдившись, что человѣкъ, дерзнувшій себя поставить выше Иисуса, называется его Мессіей, зачатымъ отъ Духа Святаго (а). Не ясно ли, что онъ сознается въ этомъ по невозможности объ этомъ молчать, какъ будто принужденный вышнею силою исповѣдать великое таинство. Онъ призналъ и Марию, Мать Иисусову, Дѣвою (б). Какъ должна быть свята эта Дѣва, чьей чистоты не смѣль помрачить

(а) Le Koran. Chapitre III. — 37, 40, 42.—Chapitre IV.—69. —
Примѣчаніе. 7.

(б) Le Koran. Chapitre LXVI. — 12. — Примѣчаніе 8.

и развратный врагъ дѣства! — И если бы Магометъ не понималъ, что Христіане поклоняются въ Троицѣ единому Богу, онъ бы не назвалъ Евангеліе книгою, которая просвѣщаетъ и руководствуетъ (а).

Предокъ мой, какъ я уже писала, былъ Татаринъ, и сохранившаяся во мнѣ капля крови его невольно заставляла меня, съ самаго приѣзда въ Крымъ, обращать особенное вниманіе на стариныхъ его жителей. Но никогда не мечтала я столько о возможности, чтобы, по большей части, бывъ потомками Христіанъ, они нѣкогда обратились въ Христіанство, и о всей пользѣ частной и общей, которая бы проистекла отъ этого, какъ въ Карасу-базарѣ, въ домѣ генерала Рудзевича, именемъ котораго справедливо могутъ гордиться дѣти его. — Отецъ его, Татаринъ, Якубъ Измаилъ, много содѣйствовалъ присоединенію Крыма къ Россіи. Наградивъ его за важныя услуги, Императрица Екатерина осипала милостями оставшихся послѣ него двухъ сыновей и двухъ дочерей. Они привезены были въ Петербургъ, гдѣ у нихъ были восприемники при Святомъ крещеніи сама Императрица, Великие Князья Александръ и Константинъ и

(а) Le Koran. Chapitre V. — 50. — Примѣчаніе 10.

Великая Княгиня Елизавета, именами которыхъ были они названы.—Переживъ младшаго своего брата, Александръ Яковлевичъ Рудзевичъ посвятилъ жизнь свою Россіи. Одаренный высокимъ умомъ, онъ совершенно воспользовался превосходнымъ воспитаніемъ, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ отличался храбростью, будучи при томъ искуснымъ инженернымъ офицеромъ. Раненный въ сраженіи съ Поляками, перерѣзавшими Русскихъ въ Варшавѣ, онъ потомъ исполнѣлъ страхомъ Горцевъ на Кавказѣ, и во время войны съ Французами пріобрѣлъ уваженіе опытныхъ военачальниковъ, особенно отличившись при защитѣ Суассона и взятіи Монмартра (а). — Достойно награжденный покойнымъ Императоромъ, генералъ Рудзевичъ въ послѣднюю Турецкую войну, славно совершилъ переходъ чрезъ Дунай въ присутствіи Самаго Государя и, имѣвъ счастіе заслужить Его благоволеніе, получилъ осыпанную бриліантами золотую шпагу съ надписью: «За переходъ чрезъ Дунай 28 Мая 1828 года» (б).

Генерала Рудзевича почитали способнымъ предводительствовать цѣлой арміей,

(а) ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ и его сподвижники.

(б) Сообщено семействомъ.

но самъ онъ былъ чрезвычайно скроменъ, и исполненный чувствительности, не могъ пережить сына, убитаго подъ Варною, прежде разстроивъ здоровье свое неусыпною дѣятельностью и славными трудами. Онъ скончался пятидесяти трехъ лѣтъ, и доказательствомъ превосходства его дарованій служитъ рескриптъ Государя Императора ко вдовѣ его, изъ благородной Греческой фамиліи Нотара.

«Марѣа Евстафіевна! Съ душевнымъ соболѣзнованіемъ получилъ Я извѣстіе о кончинѣ до стойнаго супруга вашего. Ревностное и знаменитое служеніе его на полѣ чести, отличныя дарованія, его украшавшія, важныя услуги, оказанныя имъ и въ продолженіе настоящей войны, содѣлываютъ потерю его столь же для Меня чувствительною, сколь она должна быть горестна его семейству. Принимая живѣшее участіе въ скорби вашей и искренно оную раздѣляя, Мнѣ остается изъявить вамъ надежду Мою, что вы со смиреніемъ Христіанскимъ перенесете постигшее васъ несчастіе, и въ обѣтованіяхъ святой нашей вѣры обрѣтете утѣшеніе въ справедливой горести вашей. Въ полной признательности къ заслугамъ покойнаго вашего супруга, Я повелѣлъ произв.

«дить вамъ все то содержаніе, коимъ онъ поль-
зовался» (а).

Знаменитый этотъ воинъ, нѣжный отецъ этотъ, родился въ Карасу-базарѣ, Магометани-
номъ. Благоговія къ его памяти, старшая дочь
его, Марія Александровна, высокая умомъ и об-
разованіемъ, благословляетъ его особенно за то,
что онъ былъ ревностнымъ Христіаниномъ.
Когда мы пріѣхали въ церковь, она, съ горя-
чимъ усердіемъ помолившись, взяла меня за ру-
ку. Никогда не забуду я, съ какимъ чувствомъ
сказала она, что не можетъ равнодушно вообра-
зить, что и она могла быть Магометанкой!
Дѣйствительно, ужасна участь Магометанокъ!
Справедливо умная княгиня Балатукова уподо-
била жизнь ихъ вѣчной могилѣ!

Кт. несчастію, какъ было во времена Маго-
мета, такъ и теперь иногда бываетъ, что сами
Христіане, своими ссорами, обманами, пьянствомъ и жадностью къ деньгамъ уничтожаютъ
почтеніе ко святой вѣрѣ своей, заставляя сомнѣ-
ваться, чтобы она усовершенствовала человѣ-
ка. — И одно легкомысліе много мѣшаєтъ ис-
тинному сближенію съ нами Татаръ. Бурго-
нистръ Халиль, живо тронутый, что мы

(а) ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I-й и Его сподвижники.

приласкали четырехлѣтнюю дочь его, явился
съ нею, взявъ еще пожилую родственницу въ
домъ Рудзевичевыхъ. Марія Александровна
такъ ласково приняла ихъ, что добрый Халиль
въ восторгѣ сказалъ мнѣ, что онъ будетъ
учить дочь свою по Русски.

— «Наши жены, прибавилъ онъ, не могутъ
ничего дѣлить съ нами; я хочу по крайней мѣ-
рѣ, образовать по Русски дочь мою, имѣть въ
ней со временемъ друга....

— А знаешь ли, Халиль, перервалъ нѣкто
Т***, Русскій гость, если ты дочь выучишь по
Русски, она уже не захочетъ быть женою Та-
тарина.

Я едва удержалась, чтобы не сказать на это
грубости.

Халиль понялъ мое неудовольствіе. — До
этого еще далеко, сказалъ онъ, оборотясь къ
гостю, некстати хлопотавшему о замужствѣ ма-
ленькой Емине. Я непремѣнно возьму для до-
чери Русскаго учителя, а тамъ — она выйдетъ
замужъ за кого захочетъ.

По этому судить можно, что не слишкомъ
было бы трудно, мало по малу, связать
тѣснѣйшимъ съ нами союзомъ народъ, кото-
рый, какъ сказано при описаніи Балаклавы,

еще въ 1812 году, готовъ быль возстать на насть. — Это навсегда истребило бы опасеніе плачевныхъ происшествій, съ небольшимъ за двадцать лѣтъ опустошившихъ островъ Xio,— и наградивъ ихъ лучшимъ понятіемъ о Богѣ, о своихъ обязанностяхъ и о своемъ назначеніи въ будущей жизни, добровольно ими принятая вѣра Христіанская скоро обратила бы лѣнивыхъ, закоснѣлыхъ, но умныхъ и чувствительныхъ Татаръ въ людей бодрыхъ и дѣятельныхъ, которые бы стали заботиться объ обработкѣ прекрасной земли своей, гдѣ, до водворенія въ ней Магометанства, процвѣтали земледѣліе и торговля.

Говоря только чрезъ переводчика съ княгинею Балатуковой, я не могла обо всемъ ее разспрашивать, но, здѣсь бойкая Татарка Занепа рассказала мнѣ много любопытнаго о семейной жизни ихъ. Она за третьимъ мужемъ, у которого четыре жены, всего наглядѣлась, все испытала. Слушая ее, я взглянула на святые иконы, всюду разставленныя въ истинно Русскомъ, Православномъ домѣ генеральши Рудзевичъ, и отъ всей души благословила Христа Спасителя за высокое счастіе слѣдовать Божественному Его ученію!

Іюля 29.

Въ бытность Ея въ Крыму, Екатерина II посѣтила и Карасу-Базаръ, гдѣ для пріѣзда Ея выстроено было, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, на высокой горѣ, дворецъ, несравненно обширнѣе Севастопольскаго, между обнесеннымъ службами дворомъ, и садомъ, откуда виденъ весь городъ съ его церквами и минаретами, среди которыхъ раскиданы зеленые пирамиды раинъ. Надъ всѣмъ этимъ возвышаются горы, и одну, бѣлую, совершенно отвѣсную, можно почесть богатымъ зданіемъ. — Императрица пожаловала живописное помѣстье это, съ нѣсколькими тысячами десятинъ земли, флотскому капитану Качони, за его услуги во время послѣдней предъ тѣмъ войны съ Турками. Такая награда могла на вѣкъ обеспечить состояніе потомковъ Качони, но сынъ его продалъ все безъ остатку богатому Карайму Симу Бобовичу, который почти никогда не живѣть здѣсь, будучи Таврическимъ гаханомъ (высшее духовное званіе). — Все кругомъ пусто; садъ заглохъ; ничто не напоминаетъ присутствія Екатерины и Ея образованныхъ, веселыхъ спутниковъ, съ восторгомъ за Нею слѣдовавшихъ

по вновь покоренной оружiemъ Ея, знамени-
той въ исторіи, плѣнительной Тавридѣ.

Два Еврея отворили намъ домъ духовнаго
главы своего съ какою-то трусливою подозри-
тельностью, можетъ быть вообразивъ, что мы
пріѣхали покупать его. Прежній владѣлецъ, Ка-
чони, давно измѣнилъ видъ жилища Царскаго;
въ немъ остались только стѣны со множествомъ
комнатъ, которыя мы всѣ обошли. Здѣшніе жи-
тели, не видавшиѣ ничего лучшаго, превозно-
сятъ ихъ убранство, но мы видѣли только при-
тязанія на щегольство и роскошь. Въ большой
залѣ, между собранными изъ разныхъ мѣстъ
простыми, соломенными стульями, два старые
краснаго дерева дивана, обиты вышитымъ въ
восточномъ вкусѣ атласомъ, совсѣмъ полиняв-
шимъ, потому что стоитъ непокрытый. Въ го-
стиной, при шелковой во всю стѣну софѣ съ
бархатными подушками, рыночные стулья зе-
ленаго барана.—Картини, которыми Татары и
Евреи любуются, какъ мы работою Шебуева
или Воробьева, должны быть куплены, и съ ихъ
потальными рамами, въ Петербургѣ, и мнѣ
кажется я неоднажды видала, какъ тамъ носили
по улицамъ эти самые пейзажи и портреты,
издали поражающіе своими пестрыми красками.

Трогательно видѣть, что всѣмъ хочется укра-
сить жилище свое Царскими портретами, но
они часто вовсе не даютъ понятія о изображае-
мыхъ лицахъ, и даже совершенно измѣняя ихъ,
заставляютъ жалѣть, что не существуетъ законъ
Александра Македонскаго, по которому только
искусные художники могли передавать потом-
ству черты его.

Здѣсь провела послѣднее время жизни своей
госпожа Криднеръ, которая, въ молодости на-
писавъ романъ Валерію, заставившій плакать
всѣхъ его читателей, потомъ обратила на себя
вниманіе такими же горячими возгласами о таин-
ственныхъ дѣйствіяхъ вѣры.—Я никогда ее не
видала, но много объ ней слышала различныхъ
толковъ, и совсѣмъ неожиданно была на ея мо-
гилѣ. Она пріѣхала въ Крымъ съ княгиней Ан-
ной Сергеевной Голицыной въ 1823 году, и на
слѣдующій годъ умерла здѣсь, въ домѣ Сима
Бобовича. Очень было бы любопытно узнать,
что принудило пламенную баронессу искать
убѣжища въ Татарскомъ городѣ, у Еврея, чѣмъ
она занималась, что думала и чувствовала пе-
редъ кончиною?—Некому было объяснить это,
и только можно было задуматься о превратно-
стяхъ жизни человѣческой.—Госпожа Криднеръ

погребена близь Карасу-Базара, по дорогѣ въ Феодосію, при часовнѣ, называемой Шицевой, потому что она была построена генеральшей Шицъ надъ гробомъ ея мужа. Часовня эта, самой простой архитектуры, обсажена деревьями и обнесена небольшою рѣшеткою.

Въ шести верстахъ отъ Карасу-Базара видѣли мы источники рѣки Карасу; дорога туда очень пріятная, по обѣимъ сторонамъ лощины съ садами, кругомъ зеленыя горы и разноцвѣтныя каменные скалы.—Мы отправились въ четырехмѣстной коляскѣ съ Марией Александровной; братъ ея Михайла Александровичъ со своимъ Арапомъ и Татарскимъ проводникомъѣхали верхами. За версту, или немного ближе, отъ источниковъ, не доѣзжая до находящейся тутъ мельницы, пошли мы пѣшкомъ, и неоднажды переходили по камнямъ Карасу, которая не шире, только полноводнѣе Салгира и прямо течетъ въ Сивашъ. Ущелье, изъ которого выходитъ она, вдругъ открылось передъ нами какъ живописныя развалины великолѣпного замка, гдѣ еще можно насладиться роскошнымъ отдыхомъ на зеленыхъ лужайкахъ, подъ тѣнью прелестныхъ деревьевъ; казалось даже самъ хозяинъ приглашающій насъ къ себѣ смотря

въ полукруглое окно на заворотѣ стѣны. Я издали подумала, что тутъ дѣйствительно стоитъ опершись человѣкъ, прежде настѣ сюда пришедши, и съ трудомъ повѣрила, что это игра природы.

Жары уничтожили верхній источникъ, но можно легко вообразить, какая тутъ весною и осенью волшебная картина, когда съ пѣною и ревомъ стремится вода, прорывая скалу, въ которой образовала она чешуйчатый сводъ, съ толстымъ посреди столбомъ. Монтandonъ иначе описываетъ это мѣсто. Это доказываетъ, что въ продолженіе десяти лѣтъ видъ его можетъ совсѣмъ измѣниться отъ различнаго напора воды.—Другой источникъ, немного далѣе, также теперь высохъ; мы только видѣли широкое отверстіе, изъ котораго въ полноводіе низвергается онъ шумнымъ потокомъ. Потомъ ходили мы по обломкамъ скалъ смотрѣть другаго рода, и еще необыкновеннѣе, диковину, трещину въ горѣ; я бросила въ нее небольшій камень, и судя по времени, когда услышали мы, что онъ упалъ, должно быть тутъ очень глубоко.

Мнѣ такъ было пріятно, я чувствовала такую въ себѣ бодрость, что, опередивъ товарищей и не сказавъ имъ о своемъ намѣреніи, взошла

на самую крутую здѣшнюю гору, придерживаясь только за розовые кусты, и окружающіе источники, высокія скалы очутились у меня подъ ногами.—Нѣсколько минутъ стояла я тутъ одна съ особеннымъ, неизъяснимымъ наслажденiemъ, какъ будто навсегда избавившись земныхъ суетъ, стремясь душою и всѣми чувствами къ небу. Одно оно было надо мною съ его вѣчною красотою, съ его непостижимымъ величиемъ, скрывая, за голубымъ своимъ покровомъ, Творца всего видимаго и невидимаго, благоговѣйное поклоненіе Которому всюду распространяетъ тишину и веселость, забывая о Которомъ люди уподобляются безсмысленнымъ животнымъ, превосходя ихъ лукавствомъ и злобою.

Когда мы воротились ко ждавшей насъ колясѣ, застоявшіяся лошади, едва давъ намъ въ нее сѣсть, полетѣли во весь духъ. Сначала мнѣ было очень весело такъ скороѣхать по гладкой дорогѣ, но лошади стали бить задомъ, и мы съ ужасомъ вспомнили о горѣ, на которой стоять домъ Бобовича. Спускъ съ нее очень трудный, изворотами, и должно было ожидать, что бѣшенныя лошади прямо бросятся тамъ съ отвѣсной крутизны.—Марія Александровна, которую за

нѣсколько мѣсяцевъ опрокинули и чуть не убили подобнымъ образомъ, хотѣла выскочить изъ коляски; я ее удержала крѣпко обнимая, сама испытавъ, что въ такомъ случаѣ должно совершенно отданіе на волю Провидѣнія. Михайла Александровичъ старался обогнать насъ, но наши лошади, испугавшись этого, еще съ большою яростью понесли насъ. Вдругъ стоявшій на запяткахъ слуга Рудзевичевыхъ вскочилъ въ коляску, не знаю какъ, по колесу, или ухватясь за верхъ: я думаю, онъ и самъ не зналъ этого, заботясь единствено спасти добрую свою госпожу. Онъ выхватилъ у ямщика возки, которыми послѣдній не могъ уже владѣть, и крѣпко дернувъ ихъ, остановилъ изумленныхъ лошадей. Михайла Александровичъ успѣлъ броситься передъ ними, насъ выпустили изъ коляски, и мы побѣжали по дорогѣ, боясь оглянуться, чувствуя только, что мы обязаны нашимъ спасенiemъ милосердию Божию и преданности вѣрнаго слуги. Долго не помышляли мы ни о чёмъ другомъ; наконецъ мы замѣтили, что начинаетъ смеркаться и что мы совершенно однѣ: мужчины остались у лошадей, не воображая, что мы далеко уйдемъ, и вовсе неслышно было голосовъ ихъ. Кругомъ

разстилалась широкая, пустынная равнина, на которой не было ни жила, ни лесу. Новый страхъ овладѣлъ нами: на насъ могли напасть волки; еще того скорѣе могли мы простудиться въ нашихъ легкихъ пластьяхъ.

Мы пошли назадъ, и, сѣвъ въ коляску, шагомъ, съ величайшею осторожностью, воротились въ городъ, гдѣ давно ждали насъ двоюродныя сестры Маріи Александровны, тревожась отъ чего мы такъ запоздали.— Можно подивиться, что никто изъ насъ не занемогъ лихорадкою: мы этому обязаны конечно тому, что долго шли пѣшкомъ; это насъ согрѣло и успокоило наши нервы.

Карасу-Базаръ построенъ въ лощинѣ между горами. Одна изъ нихъ, называемая Ак-кайя, то есть Бѣлая, по преданію, во времена Хановъ, служила мѣстомъ казни. Съ нее свергали преступниковъ, какъ нѣкогда въ Римѣ съ Тарпейской скалы: если можно тотчасъ убиться до смерти, казнь эта должна быть самая легкая. Въ Бѣлой горѣ есть пещеры, о которыхъ очень много разсказовъ, между прочими, что въ одной изъ нихъ жилъ змѣй, который, выходя напиться, пробороздилъ своимъ ползаньемъ глубокую дорогу. Долго не смѣли подходить къ этимъ

пещерамъ; наконецъ Русскій смѣльчакъ взялся побывать въ нихъ: онъ взошелъ на гору и оттуда спустился на веревкахъ, которыя держали два его товарища. Но только что вошелъ онъ въ пещеру, его какъ будто оттуда вытолкнули; испуганные крикомъ его товарищи уронили веревку, и несчастный уился до смерти.— Это случилось не такъ давно: нельзя сомнѣваться въ истинѣ этого происшествія, но въ немъ ничего нѣть сверхъестественнаго. Въ пещерѣ водились пчелы, и вѣроятно цѣлый рой ихъ бросился на любопытнаго, который, вовсе того не ожидавъ, тотчасъ потерялъ присутствіе духа.

Рудзевичевыхъ, и уже взошель мѣсяцъ, когда мы увидѣли море и на берегу его городъ, въ сумракѣ казавшійся прекраснымъ и величественнымъ. На бульварѣ было много людей; одни гуляли, другіе сидѣли; по улицамъ раздавалась музыка: можно было подумать, что новая Феодосія, на развалинахъ Кафы, также процвѣтаетъ, какъ на развалинахъ древней Феодосіи скоро процвѣла Кафа, бывшая нѣкогда богатѣйшимъ городомъ во всей Тавридѣ, и славившаяся вообще на Черномъ морѣ не менѣе самаго Константинополя.—Но видно, какъ у людей невозвратно проходитъ молодость, такъ и города и области, утративъ свое величіе, не могутъ уже по прежнему его возстановить. Днемъ при солнечномъ свѣтѣ, Феодосія совсѣмъ не такова, какъ при свѣтѣ лунномъ. Дома ея не такъ уже кажутся высоки, особенно не такъ красивы, многіе изъ нихъ совсѣмъ обветшали, и надѣльными печально возвышаются развалившіяся стѣны и башни возбуждавшей зависть Венеціянъ нѣкогда могущественной Кафы.

Много видѣла я въ Крыму развалинъ; но ни одинъ не наводили на меня такого унынія, какъ здѣшнія. Не все истребляющее время, не его собственное безсиліе были причиной паденія

XIII.

ФЕОДОСІЯ, КРѢПОСТЬ ГЕНУЕЗСКАЯ, МУЗЕУМЪ,
ДРЕВНІЯ ЦЕРКВИ.—АРАБАТЪ.—АЗОВСКОЕ МОРѢ.—
ГЕНИЧЕ.

Іюля 51.

Окружающія Карасу - Базаръ горы постепенно понижаются по дорогѣ въ Феодосію, гдѣ видно по сторонамъ нѣсколько деревень, и при одной изъ нихъ прудъ, что здѣсь большая рѣдкость. Насъ везли очень скоро, но мы выѣхали не рано послѣ обѣда изъ гостепріимнаго дома

здѣшняго города; онъ паль, среди величія свое-
го и роскоши, жертвою корыстолюбія и измѣны
собственныхъ гражданъ. Мысль эта стѣсняетъ
сердце; страшно вообразить, что нѣсколько
подлецовъ могутъ уничтожить всѣ средства,
употребляемыя для защиты отечества!—Но
Господь попустилъ Кафянамъ погибнуть отъ
подкупленныхъ измѣнниковъ, потому что сами
Кафяне, нѣкогда, за шестьдесятъ тысячъ золо-
тыхъ монетъ, помогли Туркамъ перебраться въ
Европу, стремясь отмстить восточнымъ Импе-
раторамъ за союзъ ихъ съ Венецианами (а).
Потомъ, въ 1723 году, при осадѣ Константино-
поля Султаномъ Амуратомъ, въ царствованіе
Императора Мануила, Генуэзецъ Андорно от-
крылъ Туркамъ еще имъ неизвѣстную силу
огнестрѣльного оружія (б), и въ первый разъ
подъ Византіей раздался громъ пушекъ, подъ
распоряженіемъ Христіанина, въ станѣ Магоме-
танскомъ. Заботясь единствено о своихъ вы-
годахъ, Генуэзцы не стыдились помочь вра-
гамъ Христіанства; но когда въ послѣдствіе
Провидѣніе грозно наказало за это ихъ потом-
ковъ, въ ихъ бѣдственной долѣ еще должна бы-

(а) Sistrzenceviez. livre XV.

(б) Le Comte de Ségur. Histoire du Bas-Empire.

ла терзать ихъ мысль о справедливомъ воз-
мездії.

Извѣстно, что нынѣшняя Феодосія основана
въ XIII вѣкѣ, подъ именемъ Кафы, Генуэзцами,
купившими у Татаръ участокъ земли. Они ско-
ро укрѣпили его и, мало по малу завладѣвъ
большую частью южнаго берега, распростра-
нили торговлю свою до Китая и Индіи. Сна-
чала старались они заслужить общее уваженіе
и довѣренность безкорыстіемъ и справедли-
востью, но потомъ расчеты купеческие сдѣла-
лись единственною ихъ цѣлью. Они участво-
вали въ походѣ Мамая противъ Великаго Князя
Димитрія Іоанновича, и сами много потерпѣвъ
отъ этого, въ угоденіе новому Хану Тохтамы-
шу, и чтобы овладѣть огромными его сокро-
вищами, убили Мамая, прибывшаго въ Кафу,
гдѣ онъ искалъ спокойнаго пристанища (а).
Поступокъ этотъ много повредилъ самой вѣрѣ
Христіанской, и между тѣмъ возрастающая
сила и богатство города распалы ревность
и ненависть Магометанъ. Кафяне надѣялись
отвратить опасность, съ особеннымъ уваже-
ніемъ содержавъ у себя взятаго ими въ пленъ

(а) Исторія Карамзина. Томъ V.—Примѣчаніе 88.

Ч. II.

Султана Менгли Гирея, сына Хана ~~бека~~ Хаджи Девлетъ Гирея, при которомъ Крымъ сдѣлался ~~он~~ особеннымъ, независимымъ государствомъ. Но, перенявъ у нихъ все, что нужно было знать ему, и потомъ возведенный ими на престолъ, который по смерти отца его по-перемѣнико занимали старшіе его братья, Менгли Гирей былъ однако тайнымъ врагомъ Генуэзцевъ, и въ послѣдствіе, когда Кафою овладѣли Турки, довершилъ гибель несчастныхъ, льстившихся, что они навсегда пріобрѣли довѣренность и любовь его.

Давно жаждавъ, истребивъ въ Тавридѣ Христіанъ, овладѣть источниками богатства ихъ, Ту-рецкій Султанъ Магометъ II исполнилъ это въ 1475 году, спустя двадцать два года послѣ покоренія имъ Константинополя. Безразсудство Генуэзцевъ доставило ему въ этомъ скорый успѣхъ. Взять шесть тысячъ червонныхъ съ Тата-рина Сейтака, консулъ Габелла и его совѣтники утвердили его въ должности главнаго Татар-скаго судьи въ Кафѣ, на которую назначены были Ханомъ Татарскій князь Еминекъ. Послѣдній, жестоко этимъ оскорбившись, тотчасъ предложилъ Магомету II овладѣть Тавридою, и самъ осадилъ Кафу во ожиданіи Турецкаго флота,

который ~~скоро~~ высадилъ сильное войско. Только пять дней продолжалась осада, и, вдругъ, на шестой день, обманутые своими пра-вителями, давно къ этому готовившимися, вмѣсто того, чтобы до послѣдняго издыханія защищаться въ своихъ твердыхъ укрѣпленіяхъ, жи-тели, въ числѣ семидесяти тысячъ, безусловно по-корились Туркамъ.—Одни тотчасъ переселены были въ Константинополь; другіе, среди обли-тыхъ кровью развалинъ великолѣпнаго города, обремененные нищетою и рабствомъ, съ отча-яніемъ остались оплакивать невозратныя по-тери. Тутъ погибло много и Русскихъ, имѣвшихъ въ Кафѣ значительные торги.— Преда-тели получили достойное воздаяніе; сами Турки скоро наказали ихъ за гнусную измѣну, но отъ злодѣйства ихъ разорены были процвѣтавшія въ Тавридѣ владѣнія Христіанскія, и цѣльые три вѣка Крымскіе Ханы, какъ хищные разбойни-ки, вовсе незаботясь о земледѣліи и торговлѣ, стремились только всюду грабить и разрушать, и съ уменьшившимся годъ отъ году населеніемъ укоренялись беспечность и лѣнъ, обратив-шія въ пустыни одну изъ лучшихъ въ мірѣ странъ, издревле славившуюся своимъ изобилі-емъ и богатствомъ.

Турки не заботились сохранять Генуэзскія укрѣпленія, но они такъ прочно были построены, что за пятьдесятъ лѣтъ, во времена Палласа, почти совершенно были цѣлы. Въ 1834 году Монтандонъ писалъ, что уже многое совершенно обрушилось, но еще и теперь можно судить, какъ были обширны и величественны эти стѣны и башни, которыхъ остатки заставляютъ грустно мечтать о непостоянствѣ счастія и тѣлѣнности всего земнаго. При вѣзѣдѣ въ городъ на берегу круглая, толстая стѣна съ двумя башнями; одна четыреугольная, кажется, еще долго простоитъ, и по ней видѣть можно, что строители заботились не объ одной прочности, но и о красотѣ зданій. Верхъ башни отдельанъ такъ изящно, что хорошо было бы подражать этому въ какой нибудь нарядной залѣ.—Отъ другой башни остался цѣль только нижній ярусъ, гдѣ также можно подивиться превосходному своду изъ тесаныхъ камней. Тутъ берегутъ теперь сѣно, и около стѣны надѣланы сарайчики, въ которыхъ стоятъ волы.—Для отвращенія наводненія, былъ здѣсь выложенный камнемъ широкій каналъ; онъ давно совсѣмъ засорился, но въ бытность его здѣсь градоначальникомъ, А. И. Казначеевъ

приказалъ открыть часть этого канала и это тотчасъ оказалось важную пользу. Разсчитывая время, чтобы застать въ Нижнемъ Новгородѣ ярмарку, чего намъ очень хотѣлось, и еще того болѣе боясь, чтобы не застигли насъ на дорогѣ осеннеѣ дожди, мы могли только сутки пробыть въ Феодосіи. Это слишкомъ мало для здѣшняго города; мы были почти вездѣ, но вездѣ только что заглянули, ничего не успѣвъ хорошо осмотрѣть. Я уже писала, что Александръ Ивановичъ Казначеевъ снабдилъ меня въ Севастополѣ короткимъ, но весьма полезнымъ указателемъ примѣчательныхъ мѣстъ по южному берегу. Онъ теперь губернскій предводитель дворянства въ Таврической губерніи, гдѣ былъ губернаторомъ, и по этому судить можно, какъ его уважаютъ здѣсь. Проживъ нѣсколько лѣтъ въ Феодосіи, онъ очень ее любить, и самъ все намъ показывалъ въ древнемъ этомъ городѣ, гдѣ всюду грустныя воспоминанія прежняго богатства и величія. — Дорогою въ карантинъ, увидѣвъ нѣсколько отверстій на обросшемъ травою возвышеніи, я подумала, что тутъ пещеры, но мнѣ сказали, что это остатки древнихъ домовъ, засыпанные землею. Если бы позволяло время, я бы

тутъ побывала, подъ этими подземными, несокрушимыи сводами, но я не успѣла даже обойти крѣпость съ немногими въ ней уцѣлѣвшими башнями. — Остатки этой крѣпости, сильнѣе всякихъ историческихъ описаній, показываютъ, какъ роскошь и тщеславіе развратили Кафянъ. Нагло притѣсняя окрестныхъ жителей и прѣѣзжавшихъ къ нимъ торговати иностранцевъ, они ограбили и многихъ Русскихъ купцовъ, за что Великій Князь Иоаннъ Васильевичъ требовалъ удовлетворенія, и потомъ побоялись защищаться за твердыми своими стѣнами и предпочли славной смерти постыдное рабство.

Все, что послѣ разрушенія и долговременнаго порабощенія Кафы отыскано было достойнаго вниманія въ ея развалинахъ, хранится въ прежде бывшей опустѣлой мечети. Я видѣла въ ней мраморныя плиты съ высѣченными на нихъ гербами знаменитыхъ, благородныхъ семействъ и полуистертыми Греческими и Латинскими надписями. — Огромный кувшинъ на подобіе цитерны служилъ нѣкогда богатымъ Кафянамъ для сбереженія вина, которое и лѣтомъ не портилось въ немъ отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ. — Прелестныя статуїки, изъ какой то особенного рода глины, вѣроятно ук-

ращали прежде комнаты, какъ у насъ теперь любятъ наполнять ихъ произведеніями такого рода, не столь изящными. — Всего здѣсь значительнѣе собрание медалей, но я тотчасъ объявила усердливому господину Гранерону, завѣдывающему этимъ хранилищемъ, что я вовсе не понимаю достоинства медалей, хотя и везу ихъ нѣсколько, подаренныхъ мнѣ въ Тавридѣ, храня въ память пріятнаго знакомства. — У входа въ музеумъ лежать два бѣлыя льва, найденные близь Тамани въ морѣ: они, вѣроятно, тамъ погружены были нѣсколько вѣковъ: не скоро узнаешь, что это львы. Но если справедливо полагаютъ, что двѣ раковины, въ четверть величиною, до потопа принадлежали устрицамъ, можно судить по нимъ, какъ въ первобытные вѣка все въ природѣ было огромно и изобильно. — Все это, какъ сказано выше, помѣщено въ бывшей Турецкой мечети съ четырьмя въ углахъ впадинами и красивымъ куполомъ. И это зданіе, въ которомъ поклонники Магомета, сбираясь на молитву, считали себя предназначенными овладѣть всѣмъ міромъ, истребивъ въ немъ вѣру Христіанскую, служитъ хранилищемъ пережившихъ могущество Магометанъ памятниковъ Христіанскихъ.

Безъ малаго пятьсотъ лѣтъ, какъ построена здѣсь крѣпость, при консулѣ Готфредѣ Зоалио, въ половинѣ XIV-го вѣка, и потомъ она распространена въ началѣ XV-го. Изъ прежде бывшихъ въ Тавридѣ крѣпостей это самая обширная, и въ ней теперь, между древними стѣнами и башнями, карантинъ, гдѣ изъ оконъ прекрасный видъ на море и поднимающіяся надъ нимъ строенія. Особенно здѣсь замѣчательна небольшая, прекрасной архитектуры древняя Армянская церковь съ куполомъ; въ ней сохранилось много надписей и лѣпной работы Спаситель съ двѣнадцатью апостолами. Входъ изъ спарапти, съ четырьмя столбами, заложенъ, но примѣтно, гдѣ была дверь и по обѣимъ сторонамъ окна, чтобы слышать и видѣть служеніе.—Въ древней церкви Греческой сводъ каменный и на стѣнахъ остатки живописи; но ясно видно только изображеніе Пророка Аввакума.

Гавань Феодосійская имѣть то важное преимущество, что никогда не мерзнетъ, и хотя послѣдніе годы отпуска и привозъ товаровъ очень уменьшились здѣсь (*), многіе надѣются, что со временемъ Феодосія будетъ снова въ числѣ луч-

(*) Новороссійскій календарь. 1845.

шихъ на Черномъ морѣ торговыхъ Русскихъ городовъ.—Около Феодосіи собираютъ по берегу прекраснѣйшія разной величины и разнаго цвѣта раковины, бѣлые, перламутровые, коричневые и другія, изъ которыхъ делаются цѣпти, ларчики и разныя другія вещи гораздо лучше тѣхъ, которыя привозятъ въ Петербургъ изъ-за границы.

Небольшой городской садъ разведенъ здѣсь А. И. Казначеевымъ и въ немъ уже довольно тѣни, что доказываетъ возможность съ успѣхомъ садить здѣсь деревья. Если бы жители болѣе объ этомъ заботились, это бы очень украсило городъ, и ожививъ пустынныя его окрестности, было бы очень полезно и здоровью.—Александру Ивановичу должны быть благодарны и всѣ, кто любить живопись за то, что онъ, угадавъ высокое дарованіе здѣшняго урожденца Айвазовскаго, способствовалъ ему сдѣлаться однимъ изъ славнѣйшихъ художниковъ нашего времени. Вѣрно Айвазовскій еще ребенкомъ ходилъ на высокую гору, надъ Феодосіей, смотрѣть на опустѣлый, но еще живописный городъ, и на морѣ, нѣкогда ему доставлявшее сокровища всего міра, и тутъ можетъ быть въ первый разъ почувствовавъ въ

себѣ призваніе изображать подобныя картины, старался онъ изучить южное небо со всѣми оттѣнками его облаковъ, и море со всѣми его измѣненіями, то исполненное пленительной красоты, когда оно отражаетъ въ ясномъ своемъ зеркаль солнце или звѣзды, то грозное и ужасное, когда, во время бури, высокие кипящіе волы его изъ бездны въ бездну бросаютъ, какъ легкіе мячи, огромныя суда.

Многіе, по ихъ устройству и по качеству морской воды, предпочитаютъ здѣшнія купальни Одесскимъ, куда съезжаются болѣе потому, что тамъ можно веселѣе проводить время и дешево накупить прекрасныхъ товаровъ. Но Крымскіе жители, заботящіеся о здоровьѣ, проводятъ лѣто въ Феодосіи, и я, возобновивъ здѣсь знакомство съ почтѣнной Марою Евстафьевной Рудзевичевой, прѣхавшей сюда съ меньшими ея дочерьми, имѣла удовольствіе вновь познакомиться съ Варварой Дмитріевной Казначеевой.

Мы почти не разставались съ двумя этими любезными, семействами и вмѣстѣ были въ Карапимской синагогѣ, гдѣ было принасткое молебствіе. Передняя стѣна закрыта занавѣсомъ, за которымъ хранится въ шкафѣ

біблія, въ кругломъ ящику, съ серебряными обручами и разными украшеніями. Она очень древняя и писана столбцемъ на kleenыхъ мистахъ, которые навиваются на продѣтыя въ ящикѣ палочки.— Изъ синагоги заходили мы къ раввину, молоденькая жена которого приняла насть въ простомъ ситцевомъ платьѣ, а на головѣ былъ у нее богатый съ золотомъ платокъ; не знаю, для нашего ли прихода она его на себя накинула, или такъ всегда одѣваются здѣшнія Еврейки, совсѣмъ иначе, нежели всѣ тѣ, которыхъ видѣли прежде.— Карапимы живутъ въ отдѣльной части города, улицы у нихъ презвычайно тѣсныя, съ такими же проулками: ничто тутъ не напоминаетъ знаменитой въ древности Кафи.

Лучшій домъ въ Феодосіи, въ которомъ мы останавливались, принадлежитъ Итальянцу Аморетти. Его не было въ городѣ, но жена его, гостепріимная, пригожая Француженка, сказала намъ, что мужъ ея поселился здѣсь горячо полюбивъ Россію и наше правительство. У нихъ большое семейство, и старшій сынъ, уже служащий, говоритъ по Русски какъ Русскій. Пріятно встрѣтить такихъ иностранцевъ; можно пожелать, чтобы ихъ болѣе къ намъ прїѣзжало.

Мы выѣхали изъ Феодосіи еще позже нежели въ нее прїѣхали. Добрый полицеімейстеръ, котораго мнѣ случалось встрѣтить въ Петербургѣ, проводилъ насъ до большой дороги. Я очень жалѣла, что уже вовсе не было видно города и его окрестностей, но, удаляясь, отъ всей души желала, чтобы надъ нимъ исполнилось значеніе возвращеннаго ему Екатериною прекраснаго, древняго его имени, Феодосія, что по Гречески значитъ: даръ Божій.

Августа 4.

Мы ночевали въ Арабатѣ, за тридцать верстъ отъ Феодосіи. Горенка чистая, только поль въ ней земляной и на низкомъ потолкѣ такъ накнулись балки, что мы боялись, чтобы онъ совсѣмъ на насъ не обрушились. По утру ходили мы смотрѣть остатки значительной Турецкой крѣпости. Она была съ одной стороны ключемъ къ Крыму, какъ съ другой Перекопъ, и долго Крымскіе Ханы почитали себя въ безопасности, владѣя этими путями. Но спустя годъ послѣ взятія Перекопи фельдмаршаломъ Минихомъ, фельдмаршалъ Ласси, узнавъ, что самъ Ханъ ждетъ его съ войскомъ въ

Арабатѣ, обошелъ кругомъ по морскому заливу съ конницею въ бродъ, а пѣхоту и обозы перевезли на плотахъ (а), слѣдствіемъ чего было бѣгство Татаръ и взятіе Карасубазара. Въ 1771 году князь Долгорукій-Крымскій взялъ приступомъ Арабатъ, который при заключеніи мира возвращенъ былъ Татарамъ и они владѣли имъ до самаго присоединенія Россіи всего Крыма.

Здѣсь начинается Арабатская стрѣлка, то есть узкая полоса земли между Азовскимъ моремъ и Сивашемъ или Гнилымъ моремъ, длиною сто тридцать пять верстъ, а шириною отъ Арабата на протяженіи семидесяти верстъ, не болѣе версты, а иногда и менѣе, такъ что оба моря разомъ видны и отъ одного къ другому перелетаютъ чайки. Далѣе полоса эта расширяется, и по ней нѣсколько небольшихъ соляныхъ озеръ. Мы вздумали въ одномъ мѣстѣ пройти по такому озерку, блестѣвшему на солнцѣ какъ ледъ, и сначала намъ показалось это очень забавно, но вдругъ стали вязнуть ноги, и подъ ними такъ стало горячо, что я по неволѣ вспомнила Эдгара Равенсвуда, по разсказу Вальтеръ-Скотта утонувшаго въ

(а) Записки Манштейна.

сыпучихъ пескахъ. Еще было бы ужаснѣе утонуть въ соленомъ озерѣ, и едва ли бы, кромѣ родственниковъ и друзей, многіе пожалѣли объ насъ; еще бы, можетъ быть, посмѣялись надъ нашимъ любопытствомъ. — Насъ выручилъ Мурза Аметча, подъѣхавъ къ намъ въ своемъ дилижансѣ, огромной, но очень легкой повозкѣ, въ которой можетъ помѣститься человѣкъ восемь, и кажется еще болѣе, какъ намъ случалось встрѣчать. Благородный этотъ Татаринъ, добрѣйший человѣкъ, заботился о насъ какъ о родныхъ, даже, не понимаю какъ, досталъ намъ къ обѣду воды солидомъ, что истинно драгоцѣнно въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ вода такъ дурна, что я не могла ее пить и въ чаю. Мурза Аметча вовсе не напоминаетъ ужасныхъ, кровожадныхъ Татаръ, нѣкогда опустошившихъ Россію, и на которыхъ еще мы видѣли много похожихъ суровыхъ лицъ. Его скрѣе можно почесть Русскимъ, деревенскимъ дворяниномъ, который за ласковое слово радъ служить всею душою.

Не знаю, какъ не видали мы въ Крыму верблюдовъ, о которыхъ много пишутъ путешественники; мы только видѣли тамъ воловъ и однажды буйволовъ. Верблюдовъ въ первый разъ

увидѣли мы на стації Тревожной, слишкомъ за сто verstъ отъ Феодосіи. У худыхъ горбы едва примѣтны, спускаясь какъ мышки, но у жирныхъ издали какъ будто два человѣка сидятъ верхомъ одинъ за другимъ. — Не добѣжая до Тревожной, начали попадаться стада мериновъ, но не слишкомъ многочисленныя.

Гениче, обширное, богатое село на берегу Азовскаго моря, рукавъ котораго отдѣляеть его отъ Арабатской стрѣлки. Перевозъ хороший, и мы спокойно почевали здѣсь у доброго Малороссіянина, купца Пароваго. Здѣсь удивила насъ дешевизна гусей. Мы встрѣтили Ерея, который гналъ ихъ цѣлую дюжину, купленную имъ за пять рублей ассигнаціями, и онъ еще жаловался, что съ него лишнее взяли.

Послѣ крутыхъ, величественныхъ утесовъ, живописными изворотами облегающихъ Черное море, Азовское море съ его плоскими, почти прямymi берегами, наводитъ тоску, заставляя опасаться, что оно при малѣйшей бури затопить окрестности. Берега его усыпаны мелкими раковинами, не такими разнообразными и

Августа 2.

красивыми, какъ около Феодосии, но и изъ нихъ можно дѣлать прекрасныя вещи; особенно хорошо было бы убрать ими бесѣдку и даже стѣны маленькаго кабинета. Набравъ ихъ порядочный узелокъ, мы остановились посмотрѣть, какъ сердито набѣгали морскіе валы одинъ за другимъ, и я, поднявъ шестъ, вытащила изъ воды родъ большаго пузыря, какихъ тутъ много плавало. Цѣломъ и свойствомъ онъ очень походилъ на густо свареный рыбный клей, но когда я стала шевелить его, изъ него вышелъ какъ будто прекрасный фонарь съ листьями и корнями. На вопросъ мой объ этомъ, проходившая пожилая женщина сказала, что у нихъ зовутъ это морскимъ сердцемъ, и очень больно, когда оно прильнетъ во время купанья. Можетъ быть это очень известное морское произведеніе, но намъ оно было совершенно ново; мы не видали ничего подобнаго и, какъ я неоднажды повторяла, я ничего не пропускаю, описывая все, не для ученыхъ, которыхъ мои описанія могутъ казаться даже смѣшны, но для тѣхъ, которые видѣли не болѣе моего, пока я не ѻздила такъ далеко.

XIV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я не успѣла привести въ порядокъ остальные записи мои, и не знаю удастся ли мнѣ, когда нибудь исполнивъ это, также ихъ напечатать. Скажу объ нихъ нѣсколько словъ.—Стремясь, сколько возможно болѣе, узнать Россію, я возвращалась изъ Крыма въ Петербургъ

не правою дорогою, чрезъ Екатеринославль и Курскъ въ Москву, но изъ Тулы поворотила въ Рязань, а оттуда, проѣхавъ въ Нижній Новгородъ, была потомъ въ Костромѣ, Ярославлѣ и Владимірѣ. Выѣхавъ изъ ѡеодосія я уже не видала тѣхъ дивныхъ красотъ природы, которая въ Тавридѣ на каждомъ почти шагу заставляютъ путешественника съ восторгомъ останавливаться; но и въ коренной Россіи есть мѣста живописныя, и въ ней много предметовъ тѣмъ болѣе любопытныхъ, что они нигдѣ не были описаны. Напримѣръ, я съ величайшимъ удовольствиемъ пробыла двое сутокъ въ Суздалѣ, откуда обыкновенно всѣ спѣшатъ уѣхать, во все не зная, какъ въ немъ много достойнаго вниманія. Одна плащаница, въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ, у которой только ликъ живописный, а весь Спаситель обернутъ пеленами, съ чуднымъ искусствомъ вышитыми, по серебру и золоту, жемчугомъ, заслуживаетъ, чтобы проѣзжие посѣтили знаменитую издревле обитель. — Въ мужскомъ Спасо-Евфимиевскомъ монастырѣ, и въ древнемъ городскомъ соборѣ также много замѣчательнаго; въ послѣднемъ огромное рукописное Евангелие изумляетъ превосходствомъ письма, рисунковъ и разнообраз-

ныхъ арабесковъ, которыми кругомъ обведены всѣ листы. На верхней серебряной, вызолоченой доскѣ его, также превосходно изображены святые лики, какимъ-то Афанасіемъ Трухменскимъ, во времена Царя ѡеодора Алексѣевича; Евангелие гораздо древнѣе, но неизвѣстно, когда и откуда пріобрѣтено оно.

Въ Англіи и другихъ земляхъ, гдѣ путешественники и жители равно гордятся открытиемъ самой ничтожной древности и забытаго произведенія художествъ, всѣ бы считали обязанностью побывать въ древнемъ городѣ, гдѣ много трогательныхъ воспоминаній для историка и для поэта. Если бы у насъ то же было, стеченіе посѣтителей скоро бы оживило опустѣлый Сузdalъ, и возникшая въ немъ промышленность доставила бы средства обновить разрушающіяся его зданія и вымостить топкія улицы.—У насъ о Суздалѣ извѣстно только, что онъ былъ нѣкогда удѣльнымъ княженіемъ, а теперь въ немъ хорошо родится капуста, и дурно пишуть иконы, которая раскупаетъ простой народъ. И объ этомъ не всѣ знаютъ; умная, образованная дама высшаго круга увѣряла меня, что она, впервые объ этомъ отъ меня услышавъ, очень мнѣ благодарна, искренно желая, но не имѣя

случая узнать, что есть въ Россіи примѣчательнаго.

Не въ однихъ городахъ, и въ простыхъ селахъ видѣла я много такого, о чёмъ во всю жизнь пріятно будетъ вспоминать.—Особенно было мнѣ сладостно видѣть набожность, преданность престолу и отечеству и гостепріимство дворянства, духовенства, купечества и народа. Какъ ни старались иностранные воспитатели и промышленники осмѣять коренныхъ добродѣтели Русскихъ, имъ не удалось еще истребить ихъ. И теперь бѣдственныя события въ западной Европѣ сильно прежняго должны убѣждать насъ, какъ мудро поступилъ равноапостольный Князь Владимиръ, избравъ Православную восточную вѣру. Торжественные, неизмѣнныя обряды ея сильно дѣйствуютъ на воображение, и каждое слово научаетъ, въ чёмъ состоять наши обязанности, отъ исполненія которыхъ зависятъ частное и общее благополучіе.

Благоговѣйное вниманіе, съ которымъ молится въ церквиахъ народъ нашъ, стараясь затвердить святое ученіе Спасителя, Апостоловъ и угодниковъ Божиихъ, чтобы руководствоваться имъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и занятіяхъ, ставить безграмотныхъ мужичковъ нашихъ го-

раздо выше надменныхъ своею наукой писателей, которые, раскрывая гнуснѣйшіе страсти и пороки человѣческіе, и часто ихъ оправдывая, и даже похваляя, стремятся уничтожить въ людяхъ надежду на жизнь будущую, отравляя жизнь настоящую.—Но, при всѣхъ отличныхъ его качествахъ, известно по исторіи, каковъ и нашъ народъ въ разгарѣ страстей. Ужасно вспоминать о временахъ Самозванцевъ и Пугачева. Избави Боже, если и крестьяне наши станутъ читать переводы Парижскихъ тайнъ, вѣчнаго Жида, и тому подобныя книги!

Чудно хорошо и справедливо бессмертный Крыловъ написалъ свою басню: «Сочинитель и разбойникъ,» изъ которой отрывокъ помѣщаю здѣсь, гордясь, что это написано Русскимъ, равно почитаемымъ за умъ его и качества душевныя.

«И ты-ль съ Разбойникомъ себя равняешь?
«Передъ твоей ничто его вина.

«По лютости своей и злости,

«Онъ вреденъ быль,

«Пока лишь жилъ;

«А ты . . . уже твои давно истѣли кости,
«А солнце разу не взойдетъ,

«Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣль.

«Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣеть,
«Но, разливаясь, вѣкъ-отъ-вѣку лютѣеть.
«Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,—
«Отчаянны отцовъ и матерей:
«Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отправлены?
тобою.
«Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
«Супружество, начальства, власти,
«Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ на-
пости,
«И связи общества рвался расторгнуть?
ты.
«Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщенъ-
емъ?
«Не ты-ль въ приманчивый, въ прелест-
ный видъ облекъ
«И страсти и порокъ?
«И вонъ опоена твоимъ ученьемъ,
«Тамъ цѣлая страна
«Полна
«Убийствами и грабежами,
«Раздорами и мятежами,
«И до погибели доведена тобой?
Однажды, въ избранномъ обществѣ уподоб-
ляли свободу книгопечатанія древу познанія
добра и зла, до плода котораго Богъ запретилъ

касаться Адаму и Еввѣ, но они нарушили за-
конъ этотъ, и, согрѣшивъ сами, поработили сво-
ихъ потомковъ пагубнымъ слѣдствіямъ своеvo-
лія и гордости.—Это сравненіе очень справед-
ливо: свобода печатать все что взбредетъ на
умъ въ припадкахъ злобы, зависти, или жажды
прославиться и обогатиться, уничтожаетъ всѣ
связи родственныя и дружескія, всѣ чувства
почтенія и благодарности; эта свобода заглу-
шаетъ совѣсть, научаетъ клеветать и обманы-
вать. Особенно вредно людямъ, живущимъ свои-
ми трудами, читать книги, которыя волнуютъ
умъ и воображеніе; имъ скоро опротивѣеть ра-
бота, и они отъ праздности обнищавъ, легко от-
важатся на злодѣйство.—Прекрасно писалъ объ
опасностяхъ излишняго развитія умовъ ученый
Французскій путешественникъ Мишо, въ сво-
емъ сочиненіи:—«Correspondance d'orient 1830
—1831, par M. Michaud de l'académie Francaise. Tome troisième, Lettre LVII» (а).—Груст-
ныя предчувствія, его тревожившія, вполнѣ ны-
нѣ сбылись.

Со временъ Вольтера, Даламберта, Дiderота
и Вейсаута, въ продолженіе почти цѣлаго вѣ-

(а) Переписка съ востока 1830—1831, М. Мишо, члена Фран-
цузской академіи. Часть третья. Письмо LVII.

ка, стремились, въ западной Европѣ, волновать народъ несбыточными, безумными мечтами о возможности жить независимо и праздно, завладѣвъ чужою собственностью и трудами (а), и уже давно во Франціи не слыхали Евангельскихъ словъ: «Возадите Божія Богови, и Кесарево «Кесареви (б), когда Спаситель міра, платя требуемую дань, сотворилъ чудо, чтобы подать примѣръ покорности властямъ.—И кому заплатилъ онъ дань эту?—Тиверію.—Этому гло бы тронуть самихъ Французовъ, которые, переставъ читать Евангеліе, за что ихъ видимо казнить Богъ, вѣрять всему, что имъ проповѣдуютъ властолюбивые мятежники: по крайней мѣрѣ они узнали бы, какъ ихъ обманываютъ говоря противное.

Православный народъ Русскій нельзя такъ обмануть; онъ вседневно слышитъ во святыхъ храмахъ, на понятномъ ему языкѣ, слово Божіе, и напомнивъ ему слышанное, нетрудно склонить его на все доброе и полезное.—Утѣшаюсь надеждою что святая наша вѣра и мудрое правительство навсегда оградятъ насъ

(а) Abrégé des mémoires pouv servir à l' histoire du Jacobinisme, par l'abbé Barruel, 1799.

(б) Святое Евангеліе отъ Матея.—Отъ Марка.—Отъ Луки.

отъ злыхъ примѣровъ, и преклоняя колѣна, отъ всей души, молю Христа Спасителя, да сбудутся надъ Россіей послѣднія слова, сказанныя Имъ въ здѣшнемъ мірѣ Его Апостоламъ. «Се Азъ съ вами есмь во вся дни, до «скончанія вѣка» (а).

(а) Святое Евангеліе отъ Матея.

Конецъ.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1.—На топографическомъ планѣ Ираклійскаго полуострова, черта подъ буквою А показываетъ, гдѣ находился водопроводъ, откуда отведена была вода во время осады Херсона Великимъ Княземъ Владимиромъ, что и рѣшило сдачу города.

Буквы В. В. означаютъ бывшія дороги изъ древняго Херсона къ морю.

Цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, показываютъ остатки большихъ и малыхъ древнихъ зданій, болѣе или менѣе сохранившихся, изъ которыхъ въ одномъ колодезь и при нѣкоторыхъ систерны или цитерны. Подъ 12 цифрою нѣсколько родниковъ, снабжавшихъ хорошею водою новый Херсонъ.

2.—На планѣ развалинъ новаго Херсона, буквы А, Д и вся прочія означаютъ остатки древнихъ зданій, изображенныя на особомъ листѣ подъ названіемъ: виды новаго Херсонеса.

наукова бібліотека ону ім. І.І. Мечникова

АЛКОРАНЪ.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ АРАБСКАГО НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ, М. КАЗИМИРСКИМЪ. 1840.

Примѣчаніе 3.—Глава II.—173.—О право-вѣрные! отмщеніе предписано вамъ за убийство. Свободнаго человѣка за свободнаго, нѣвольника за нѣвольника, женщину за женщину.

175.—Въ законѣ отмщенія жизнь ваша, о люди, одаренные понятіемъ.

4.—Глава III.—40.—Ангелы сказали Мариѣ: Богъ возвѣщаетъ тебѣ Слово свое. Его назовутъ Мессией, Иисусомъ сыномъ Марійнымъ, и будутъ почитать въ здѣшнемъ мірѣ и въ будущемъ.

5.—Глава III.—13.—Скажи: что могу я возвѣстить лучшаго боящимся Бога, какъ сады орошенныя рѣками, гдѣ будутъ они вѣчно пребывать, женъ ничѣмъ непомраченныхъ.

Глава XIX.—62.—Ихъ введутъ въ сады Едемскіе.

63.—Они не услышатъ тамъ никакой праздной рѣчи; но слово Миръ. Имъ будутъ раздавать пищу утромъ и вечеромъ.

6.—Глава XXXIII.—47.—О пророкъ! тебѣ позволено брать за себя женъ, которымъ дашь

LE KORAN.

TRADUCTION NOUVELLE FAITE SUR LE TEXTE ARABE
PAR M. KASIMIRSKI. 1840.

3.—CHAPITRE II.—173.—O croyants ! la peine du talion vous est prescrite pour le meurtre. Un homme libre pour un homme libre, l'esclave pour l'esclave, et une femme pour une femme.

• 175. — Dans la loi du talion est votre vie, o hommes doués d'intelligence !

4.—CHAPITRE III.—40. — Les anges dirent à Marie : Dieu t'annonce son Verbe. Il se nommera le Messie, Jésus fils de Marie, honoré dans ce monde et dans l'autre.

5.—CHAPITRE III.—13. — Dis : Que puis-je annoncer de plus avantageux à ceux qui craignent Dieu, que des jardins arrosés par des fleuves où ils demeureront éternellement, des femmes exemptes de toute souillure.

CHAPITRE XIX.—62. — Ils seront introduits dans les jardins d'Eden.

63. — Ils n'y entendront aucun discours futile; mais le mot Paix. Ils recevront la nourriture le matin et le soir.

6.—CHAPITRE XXXIII. — 47. — O prophète ! il t'es permis d'épouser les femmes que tu auras

приданое, плъницъ, которыхъ предалъ въ руки твои Богъ; дочерей твоихъ дядей и тетокъ по отцѣ и по матери, убѣжавшихъ съ тобою, и всякую вѣрную жену, которая отдастъ сердце свое пророку, если пророкъ самъ хочетъ на ней жениться. Жалуемъ тебѣ это право надъ всѣми вѣрующими.

7.—ГЛАВА III.—37.—Ангелы сказали Марії: Богъ тебя избралъ; онъ тебя спасъ отъ всякой нечистоты, ты избрана имъ между всѣми женщинами вселенной.

40.—Смотри выше.

42.—Господи, отвѣчала Марія, какъ будетъ у меня сынъ? Я не знаю никакого мужа. Такъ отвѣчалъ Ангель, Богъ творить что Ему угодно. Онъ речетъ: да будетъ, и бысть.

8.—ГЛАВА IV.—69.—Мессія, Іисусъ сынъ Маріи, Апостоль Божій и Слово Его имъ вселенное въ Марію: Онъ духъ происходящій отъ Бога.

9.—ГЛАВА LXVI.—12.—Марія дочь Амрама сохранила свое дѣвство.

10.—ГЛАВА V.—50.—Мы послали Іисуса сына Маріина для подтверждения пяти книгъ Моисеевыхъ. Мы дали ему Евангелие, заключающее просвѣщеніе и руководство.

Marie, Dieu t'a choisie, il t'a rendue de toute souillure, il t'a élue parmi toutes les femmes de l'univers.

40. — Ci-dessus.

42. — Seigneur, répondit Marie, comment aurais-je un fils? Aucun homme ne m'a approchée. C'est ainsi, reprit l'ange, que Dieu crée ce qu'il veut. Il dit: soit, et il est.

8.—ЧАПІТРЕ IV.—69.—Le Messie, Jésus fils de Marie, est l'apôtre de Dieu et son Verbe qu'il feta dans Marie : il est un esprit venant de Dieu.

9. — ЧАПІТРЕ LXVI.—12. — Et Marie fille d'Amram qui a conservé sa virginité.

10.—ЧАПІТРЕ V.—50. — Nous avons envoyé Jésus fils de Marie pour confirmer le Pentateuque. Nous lui avons donné l'Evangile qui contient la lumière et la direction.

150243.
Н-135239

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. Мечникова

